

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫМ-84

1

ЯНВАРЬ

Ты услышишь, ты услышишь...

Эти снимки были сделаны разными фотографами: один недавно, другой — почти четверть века назад, но на обоих все тот же человек с барабаном. В отделе кадров локомотивного депо станции Златоуст сразу назвали его имя — Борис Александрович Степа. Сейчас он на заслуженном отдыхе. Живет недалеко от вокзала. Как найти дом, квартиру!

— У мальчишек во дворе спросите, они покажут...

Борис Александрович с интересом рассматривает снимки, которые никогда раньше не видел, рассказывает о своей жизни. Барабан впервые взял в руки давно. Подростком начал играть в оркестре клуба имени Парижской Коммуны. Был кочегаром. В 1939 году призвали в армию, а там началась война. В апреле сорок пятого Борис Александрович был тяжело ранен, потерял ногу. Вернулся из госпиталя в родной Златоуст. Снова работал на железной дороге, в локомотивном депо, и все годы не забывал про барабан. И как прежде златоустовцы слышат дробь его инструмента во время митингов, торжественных встреч и, конечно же, на праздничных демонстрациях, в День Победы...

Фото В. Понеткина и В. Бузюкского

ОДА БАРАБАНЩИКУ

*Люблю музыку громкую...
особливо барабан.
Александр СУВОРОВ*

Люблю в оркестре слушать барабанщика!..

Когда — в душе огонь воспламеня —
Зовет куда-то музыка меня,—
Люблю в оркестре слушать

барабанщика.

Прикрученные к партиям своим,
Послушны лейтмотиву инструменты.
Играют то, что им прикажет ментор.
А ментор партитурой одержим.
А барабанщик, что бы ни играл,
Какую бы ему ни дали ноту,—
Он с ноты обдирает позолоту,
Он дробью поднимает в строй пехоту,
Взрывая скучный церемониал.
У партитуры верткая тропка;
Шарахается в крайности труба,
То позовет, то скиснет под сурдинку,
То вскрикнет вдруг, надрывна и груба,
Капризов капельмейстерских раба.
А это что — так тонко и так зыбко?
Неужто скрипка?

Ну, конечно, скрипка.

Ах, как приятно слушать скрипача!
Как будто кто-то нежный у плеча!
Как будто кто-то очень, очень нежный
К тебе склонился, ласково шепча...
Момент — и ты раскиснешь сгоряча.
Но вот вступает снова барабанщик,—
Не жалостный шарманщик,

не обманщик,—

И снова мир подтянут, как струна,
И, как струна, душа напряжена.
Пусть недвижим,

но я чеканю шаг!

Пусть одинок,

но надо мной мой стяг!

Теснят дома и пригибают плечи,—
Ты распрямляешь их судьбе навстречу
И в строй встаешь, готовый для атак.
А жить на свете можно только так!..
Люблю

в оркестре

слушать

барабанщика!

**Давид
ЛИВШИЦ**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С 1 АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:

Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель главного редактора
Геннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

№ 1 ЯНВАРЬ

ПРИ СВЕТЕ ДНЯ, ПОД БЛЕСКОМ ЗВЕЗД

**Василий
ЧЕСНОКОВ**

Шофер «Колхиды»

По горловину залит бак,
Записан груз в приемный акт,
Замки бортов закрыты
И, наконец, прекрасный факт:
Передо мной Московский тракт —
Под колесом «Колхиды»!

Тащиться шагом? — Не резон.
Летит навстречу горизонт,
Машинная коррида.
Закрыт в Тюмени переезд,
Но в миг найдет иной объезд,
Шофер «Колхиды»!

Иркутск, Москва, Кавказ и Крым,
Высокогорный город Сим —
Мои орбиты.
В жару, в распутицу, в мороз,
При свете дня, под блеском звезд —
Шофер «Колхиды»!

**Николай
ШАМСУТДИНОВ**

Сырок

Сырок! —
Ногами бьешь песок,
К реке сбегая,
Где поныне —
Весь в лунах чешуи —
Сырок
Владычествует на стремнине.
Зовут из юности:
«Сыро-ок...»
Березы распирает сок,
Клопочет завязь...
На восходе
Омоет душу новизной —

Так разметалось половодье
Студеной северной весной.
Сойдет каленая вода...
С водою
Схлынут холода,
Река останется с тобою.
Сырок!
Гляди, как тяжело
Восходит красное перо
Над расщепленную струю.
Опять пернатый небосвод
За горизонт перетекает.
Опять сырок рекой идет,
Гладь плавниками разрезает,
Томит ночами,
Сети рвет —
Как будто в юность возвращает.
...Бессильный блеск луны...
Притих
Огонь костра, с рассветом тая.
Пусть эта ночь,
я заклинаю,
Не затеряется в других.

**Василий
МАШИН**

В пути

Поют тугие ветры —
Их песню подхватив,
Глокает километры
Взахлеб локомотив.
А следом —
ураганно
Состав тяжелый мой.
Скрипят меридианы
От тяжести такой.

Мой пост

Будка, липы вдоль забора,
Две стозвонных колес —
Здесь мой пост, мой заботы,
Думы светлые мои,

Ухо ловит отдаленный
Перетоп стальных копыт.
Подниму флажок лимонный:
Путь надежен!
Путь открыт!
Поезда проходят маршем,
Держат четкий строй солдат.
Я встречаю их, как маршал,
Принимающий парад.

**Борис
КАРПЕНКО**

Березовый пеленг

У нас в бору смурная ель,
В бору березы одиноки.
Как белый свет они, как щель,
Видать в которую далеко.
В зеленой сутеме, в июле,
Фонарь карманный засвечу...
Деревья дрему не стряхнули
И свод подобен кумачу.
И вдруг зажглись на елях росы,
Как за свечой во мгле свеча.
Иду по пеленгу березы,
По тропке белого луча...

**Иван
МАЛОВ**

Выпускной класс

И вот — разъехались юнцами.
Мелькнула школа вдалеке.
Остались матери с отцами
Стоять на пыльном большаке.
Стремилась мы в края иные...
Но позже так хотелось знать —
Каким звонком со всей России
Нас, всех уехавших,
собрать!

**Аркадий
ЗАСТЫРЕЦ**

Страда

Звон и зуд комариный. Жара.
До покосной поляны просторной —
Мимо пасеки, пьяной с утра
Медовухой, на росах настоящей.
По веревкам таинственных троп
Мы шагали, на корни ступая;
Нас в горячий, обветренный лоб
Целовала рябина резная.

И, подмышки уверенно взяв,
 Тёплых запахов мягкая сила
 Нас на стог золотой возносила,
 Как ребенка сажает на шкаф.
 Мы работали, зло, неумело,
 Нас тугое желанье вело —
 Разогнуть до гудения тело
 Неумелости нашей назло!
 А когда заскользила в ладнях
 Вил да кос черенковая гладь
 И запела усталость в наклоне,
 Кто-то крикнул: «Пора отдыхать!»
 Кто-то кружку на граблях мне подал —
 Я, смеясь, на колени упал
 И, как зелье, глотал эту воду,
 Как прохладное солнце, хлебал.

**Василий
 ГАЛЮДКИН.**

В каждом человеке
 Есть хорошее:
 В каждом человеке
 Есть горчинка.
 Не бывает гладенькой
 Горошинка,
 На боку горошинки —
 Горбинка.
 Я люблю равнину
 С бугорком.
 Я люблю рябину
 С мотыльком.
 Зеркало воды
 С зеленью
 Звезды.

**Людмила
 МАТВЕЕВА**

Ворота

Ворота, эх, сосновые ворота!
 Впустили в жизнь раздольную меня,
 И потому мне до смерти охота
 К вам песню подвести, коль нет коня.
 Достойны почести, как всякая основа,
 Заложённая впрок на целый век.
 Их ставил дед, расцветившая новый,
 Строительства неповторимый бег.
 Храните вы историю страны:
 Топор и гвозди — ну, чего же прощел!
 Вхожу в ворота с сельской стороны,
 А в городскую упираюсь площадь.

Рисунок
 В. Старцева

БУДЕМ ДЕЛАТЬ ЧУДЕСА!

Олег
НИКОЛАЕВ

Фото автора

«ЮНЫЕ ТЕХНИКИ — НАРОДНОМУ ХОЗЯЙСТВУ!» ТАКИМ БЫЛ ДЕВИЗ VIII ВСЕРОССИЙСКОГО СЛЕТА ЮНЫХ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ. ВОТ КАКИМИ КОНКРЕТНЫМИ ДЕЛАМИ И РАЗРАБОТКАМИ ВСТРЕТИЛИ ЕГО РЕБЯТА.

Таинственное похищение

Ярославль посетили инопланетяне. И похитили одного из участников слета. Причем сделали это настолько ловко, что обнаружить пропажу удалось лишь при помощи... кружки с компотом! Голубая, эмалированная, с белыми горошинами по бокам, она осталась стоять на обеденном столе полным-полнехонька чудесного компота. И это в жаркий летний день! Конечно, участники слета заволновались, стали выяснять, кому принадлежит кружка...

Такую юмористическую сценку показали ребята во время представления, состоявшегося в один из заключительных дней слета. Понятно, история с таинственным похищением — не более чем шутка. Но в каждой шутке, как известно, есть доля истины. И верно, Олег Щербаков, приехавший на слет из Таганрога, ничуть не обиделся,

глядя из зала, как ребята на сцене таким образом прокомментировали исключительный интерес, который вызвала у участников и гостей слета его разработка.

Несколько слов о сути дела. Олег Щербаков разработал устройство, позволяющее автоматически наносить на поверхность эмалируемых кружек несложный рисунок — круглые пятнышки «гороха». Вот, собственно, и все.

Но когда начинаешь подробнее разбираться в разработке Олега, то понимаешь, что вовсе не случайно она нашла себе место на одном из предприятий Ростовской области. Оказывается, сделать рисунок на эмали не такое уж простое дело. Нанести его поверх эмали нельзя — рисунок будет выпуклым, станет некрасиво выпирать с боков. Поэтому место под рисунок предварительно готовят. Раньше это делалось вручную. На бок кружки накладывался трафарет, и работница специальной скребницей, а то и обыкновенной зубной щеткой выскребала эмаль. Потом на очищенное место с помощью другого трафарета, опять-таки вручную, наносилась эмаль другого цвета, и кружка отправлялась на обжиг.

Мало того, что при подобной технологии много людей было занято непроизводительным ручным трудом. Велики были и потери эмали. То, что попадало на зубные щетки, загрязнялось и для производства терялось безвозвратно. Мелочи? Но эти мелочи обходились предприятию в несколько тысяч рублей убытков ежегодно!

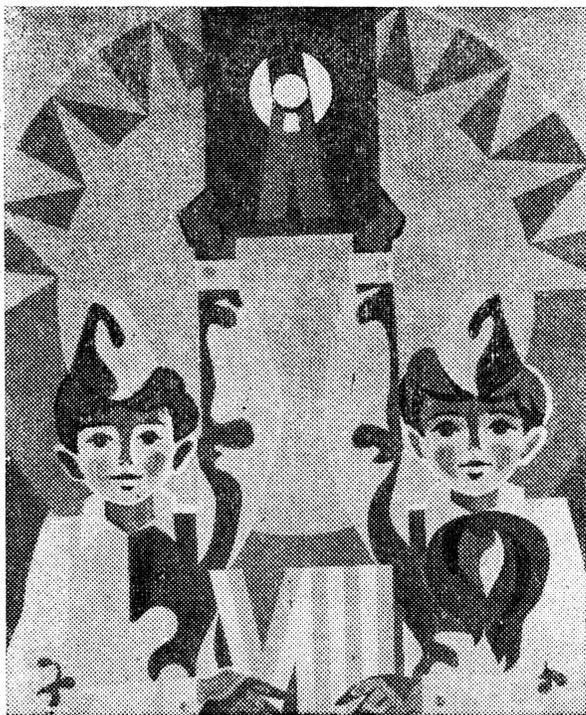
Вот Олег и разработал автоматизированное устройство. Теперь эмаль выбирается своеобразной фрезой. Выбранный порошок тотчас отсасывается из рабочей зоны и отправляется в сборник. Когда эмали в сборнике наберется достаточное количество, ее снова отправляют в дело. Намного убыстрился и процесс нанесения рисунка. А главное, работницы на данном участке полностью избавились от ручного труда.

О чем шумит букса?

Опытный механик может определить неисправность мотора или какого другого механизма по шуму его работы. «Клапана стучат...» — говорит он, и, как правило, диагноз оказывается точным.

Такой метод диагностики, конечно, намного ускоряет процесс ремонта механизмов, позволяет оперативно устранять неисправности, не доводя дело до аварии. Однако далеко не всегда можно услышать нужный шум среди десятков других. Это под силу только тренированному уху.

Облегчить подобную работу и призвана разработка

Александра Овчинникова, приехавшего на слет из города Кемерово. На помощь человеческому слуху Саша призвал еще и «ухо» электронное — микрофон. Причем не обычный, а узконаправленный. Такой микрофон слышит шумы только в строго определенной зоне.

— Теперь прослушивание шумов механизма и определение его «болезней» стало, что называется, делом техники, — рассказывал Александр. — Оператор направляет микрофон в сторону источника шума и смотрит на индикатор. Нормально работающие подшипники, например, издают шум в полосе частот 30—60 килогерц. Ну а если подшипник чересчур изношен — частота шума существенно повышается, поднимается к порогу 100 килогерц. Таким образом можно быстро и точно осуществить диагностические измерения...

Разработанный Александром Овчинниковым прибор уже нашел себе применение в локомотивном депо города Новокузнецка, где таким образом ведут диагностику «здоровья» вагонных и локомотивных букс — колесных подшипников.

Во время обсуждения этой работы на слете ребята предложили Александру добавить в схему еще фильтры, которые бы в зависимости от необходимости ограничивали ту или иную полосу прослушиваемых частот. Таким образом можно будет быстро производить перенастройку прибора на диагностику тех или иных механизмов: автомобильных или мотоциклетных моторов, колесных подшипников или шестеренок в редукторах...

Дайте живой воды!

— Сказки, в которых используется мертвая и живая вода, все знают. Но знаете ли вы, что такая вода существует в действительности?! — так начал рассказ о своей разработке горьковчанин Алексей Гуревич. И дальше стал выкладывать подробности.

Открытие, как это порой бывает, сделано случайно. Рабочие одного из промышленных предприятий Горького заметили: стоит им помыть руки водой из одного резервуара — царапины и ссадины заживают моментально. А вот если помыл руки из другого резервуара, болячки, напротив, становятся еще больше, гноятся, долго не заживают. Почему?

Анализ показал, что вода в резервуарах содержит разное количество гидроксильных групп ОН. В том резервуаре, где этих групп наблюдался избыток, вода давала щелочную реакцию, и ранки заживали быстро. В другом резервуаре вода давала кислотную реакцию, разъедала ранки.

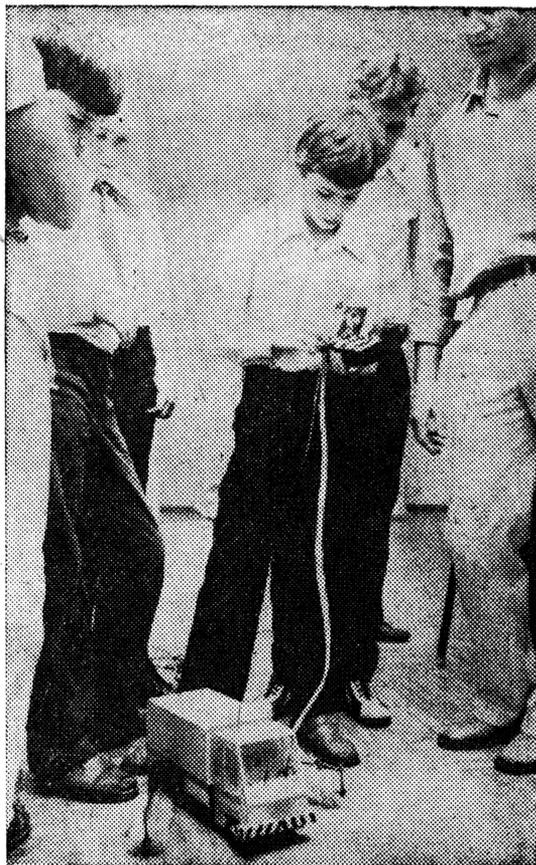
Итак, причина «чуда» стала ясна. Но почему вода в резервуарах имеет разную реакцию? Ведь она попадает туда из одного водопровода?.. Вскоре нашли объяснение и этому. Оказалось, что щелочной резервуар разделялся на два отделения пластиковой пленкой, мембраной, вблизи которой проходил кабель высокого напряжения. Случайно в одном месте изоляция кабеля оказалась нарушенной, и часть электрического потенциала передавалась на мембрану. Под действием электрического поля и произошло разделение воды.

Ну а коль в причинах столь интересного явления удалось разобраться, было бы заманчиво использовать его на благо народного хозяйства. Как это сделать наилучшим образом? Выяснить это и было поручено Горьковской областной станции юных техников.

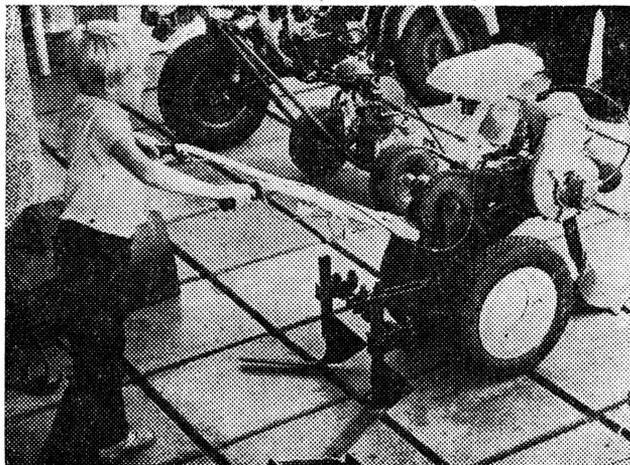
— Прежде всего мы решили выяснить режимы разложения нейтральной воды на кислотную и щелочную, — продолжал Алексей. — Довольно скоро стало ясно: пластик — далеко не лучший материал для мембраны. И стали мы, подобно Эдисону, искать более подходящий материал. Перепробовали многое, а лучший материал нашлся, что называется, под боком. Это обычная ткань, а еще лучше — брезент. Мембрана из брезента пропу-

Олег Щербаков демонстрирует устройство для нанесения рисунка на кружки участникам слета.

Машина для подметания улиц. Ее работу демонстрирует Саша Андреев.

«Вырасту, сделаю такой же...»

скает воду, но не в большом количестве, как раз в таком, чтобы электрическое поле, наложенное на мембрану, успело отделить от молекул воды по одному атому водорода. И поле потребовалось не такой уж большой величины. Для его получения оказалось необходимо напряжение не 2000 вольт, как раньше, а 750, 500 или даже 250 вольт. То есть почти вдесятеро меньше...

Найдя подходящий материал, определив наиболее выгодное напряжение, ребята принялись за создание действующей установки. Посмотрите на фото. Как видите, установка получилась немногим более коробки для башмаков. Но выполняет свои функции она вполне исправно — за час дает один-два литра чудодейственной воды.

— Мы провели контрольный эксперимент, — сказал в заключение своего рассказа Алексей. — Взяли три грядки с редиской и стали поливать их. Одну грядку — живой водой, другую — мертвой. А третью грядку оставили для контроля, поливали ее таким же количеством обычной воды из водопровода. И что же? Редиска, политая живой водой, намного обогнала в своем росте и развитии контрольную. Что же касается грядки, политой мертвой водой, тут редиска стала чахнуть и вянуть прямо на глазах. Тогда мы полили и эту грядку живой водой. Редиска сразу пошла в рост и скоро догнала в своем развитии редиску с контрольной грядки...

Гори, гори ясно...

Каждый знает, какими неприятностями грозит потухшая горелка на кухне. Газ идет, заполняет квартиру, и достаточно малейшей искры, чтобы... Еще большими неприятностями грозит потухший газовый котел в котельной.

— Не так давно мы были в подшефном, совхозе, — рассказывал на слете Григорий Крупа из Магнитогорска, — и там узнали про такой случай. В газопроводе как-то произошел перерыв в подаче газа, а дежурный кокагар-оператор этого не заметил. Один из котлов погас, газ из него стал наполнять котельную. Еще немного — и произошел бы взрыв...

Вот работники совхоза и попросили юных техников придумать устройство, которое бы автоматически следило за подачей газа в котел.

— Но зачем придумывать то, что уже есть, — продолжал рассказывать Гриша. — Не может ведь быть, чтобы подобные устройства не понадобились кому-то и не были изобретены раньше?... Прежде всего мы организовали патентный поиск. И действительно отыскали такой автомат — АГП-62. Он даже серийно выпускается промышленностью...

Значит, задача решена? Нужно посоветовать руководству совхоза приобрести этот автомат, и дело с концом?... Однако, когда ребята поближе познакомились с характеристиками данного автомата, стало ясно, что с подобными советами лучше не торопиться. Почему? Да потому, что за двадцать лет, прошедших с начала выпуска этого устройства, его конструкция безнадежно устарела. Скажите, пожалуйста, кому сегодня нужен ламповый прибор, потребляющий для своего питания 400 ватт, когда можно создать транзисторное устройство, в десятки раз более экономичное?..

Так магнитогорские техники и сделали. Причем они не только заменили ламповую схему на полупроводниковую, но и в значительной степени усовершенствовали ее. Вместо ранее применявшегося датчика — термомпары — они предложили использовать более простой и надежный — само пламя газовой горелки. Ведь, как известно из учебника физики, пламя представляет собой плазму. А плазма проводит электрический ток. А значит, несложно собрать схему, которая будет подавать газ в систему, когда есть пламя, и отсекает подачу топлива, как только пламя погаснет.

В заключение своего рассказа Гриша Крупа продемонстрировал созданный прибор в действии. Он зажег спиртовку и включил прибор. Потом задул пламя спиртовки. Тотчас же прозвучал предупредительный сигнал: «Пламя погасло!..» Кроме надежности, есть у нового прибора и еще одно преимущество — по своим габаритам он не больше карманного транзисторного приемника.

Богатырская метла

Машину, убирающую улицы, все вы, конечно, видели. И, возможно, обратили внимание на одно ее свойство. Машина убирает мусор лишь на ширину колеи, именно на такую величину захвата рассчитаны ее щетки. Вот и получается, что по одной и той же улице уборочная машина должна проезжать несколько раз. Рационально ли это?

— Нет,— считают ребята с Ярославской областной станции юных техников. И решили исправить положение вот таким образом.

— Мы сделали действующую модель автомобиля для уборки улиц, который будет иметь, по крайней мере, втрое большую ширину захвата,— рассказывал один из участников этой работы Александр Андреев.— Каким образом? А вот каким,— Саша наклонился к модели, и из-под ее днища, словно крылья самолета с изменяемой стреловидностью, развернулись две дополнительные щетки. Причем угол раскрытия ребята рассчитали таким образом, что все бумажки, комки грязи неизбежно будут скатываться от концов щеток к их основанию, а затем, как обычно, мусор попадет под днище и будет отправлен в кузов, в мусоросборник.

Ну а чтобы не поднимать лишнюю пыль, щетки во время работы будут смачиваться водой.

Работа ребят была рассмотрена в местном управлении коммунального хозяйства. Ее авторам было предложено подать заявку на рационализаторское предложение. Так что, возможно, в скором будущем машину с «крыльями» можно будет увидеть на улицах Ярославля.

Вы помните, сегодняшний рассказ был начат с упоминания об инопланетянах. И знаете, они все-таки появились. В отличных поролоновых костюмах и с огромными... подносами мороженого! Его хватило как раз на всех присутствующих в зале. На чем они прибыли? Об этом тоже, возможно, позаботился вездесущий Олег Щербаков.

Неоднократный медалист ВДНХ представил на выставку слета еще и действующую модель космического корабля будущего.

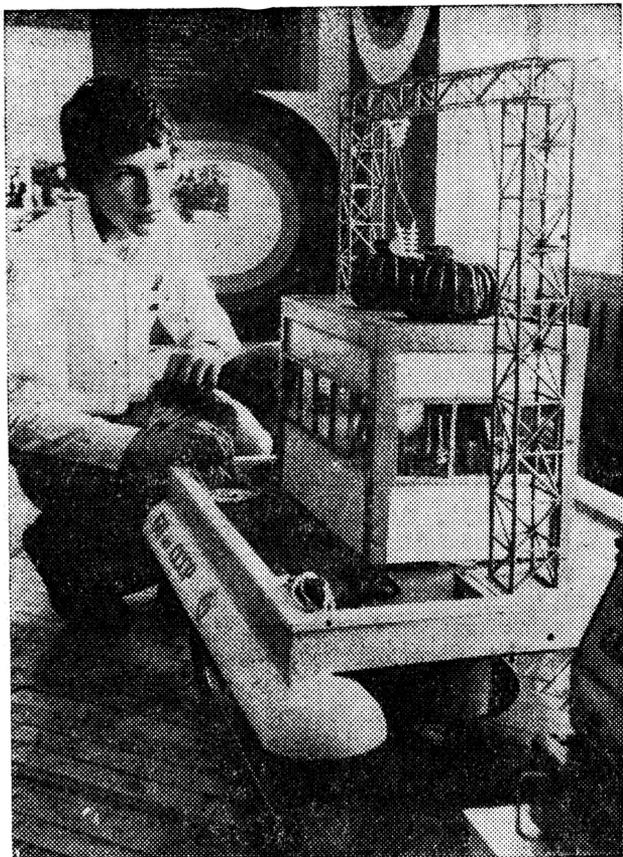
А еще инопланетяне на чистейшем русском языке спели песенку, словами из которой мне и хотелось завершить свой сегодняшний рассказ:

Ребята, будем делать чудеса,
Тогда пройдет нелетная погода,
И расцветет большой Земли краса
Для вас, для нас, для всех народов!

И погода, надо сказать, все дни слета была расчудесная.

Природа как бы давала юным техникам, будущим преобразователям Земли нашей, ее добрым и рачительным хозяевам аванс на будущее.

Ведь они пока еще не волшебники, они еще только учатся...

Володя Чикилев демонстрирует макет плавучей электростанции «60 лет СССР».

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В КАНУН ВЕСЕННИХ ПРАЗДНИКОВ В МОНАСТЫРСКУЮ ШКОЛУ, ЧТО БЛИЗ ВИТЕБСКА, ПРИШЕЛ ЛЕСНИК НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВЕРЕТЕННИКОВ. ОН БЫЛ ЯВНО ВЗВОЛНОВАН.

— ТАКОЕ-ТО ВОТ ДЕЛО, АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ,— СКАЗАЛ ОН ДИРЕКТОРУ, ЕДВА ОТДЫШАВШИСЬ.— ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ. Я ТАКОЕ НАШЕЛ, ЧТО... НО ОДИН НИЧЕГО ТРОГАТЬ НЕ РЕШИЛСЯ...

ЧЕРЕЗ ЧАС СО ДВОРА ШКОЛЫ ВЫШЕЛ НЕБОЛЬШОЙ АВТОБУС. В НЕМ КРОМЕ ЛЕСНИКА И ДИРЕКТОРА БЫЛИ ВОЕНКОМ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕЛЬСОВЕТА, НЕСКОЛЬКО УЧИТЕЛЕЙ, ВОЖАТЫЕ... ЕХАЛИ СНАЧАЛА ПО ДОРОГЕ, ПОТОМ СВЕРНУЛИ В ЛЕС; АВТОБУС ОКОЛО ПОЛУЧАСА ШВЫРЯЛО ИЗ СТОРОНЫ В СТОРОНУ, ПОКА НЕ ПОКАЗАЛАСЬ МАЛЕНЬКАЯ СТОРОЖКА. ОТ НЕЕ НУЖНО БЫЛО ИДТИ ПО ТРОПЕ.

ВСЕ ПОДНЯЛИСЬ НА НЕБОЛЬШОЮ ВОЗВЫШЕННОСТЬ. ЛЕСНИК СНЯЛ ФУРАЖКУ:
— ЗДЕСЬ, В ПЕЩЕРЕ...

ОН ШАГНУЛ В ТЕМНОТУ ПОДЗЕМЕЛЬЯ, ЗА НИМ ПОСЛЕДОВАЛИ ОСТАЛЬНЫЕ, ВКЛЮЧИЛИ ФОНАРЬ. СПУТНИКИ ЛЕСНИКА НА МГНОВЕНЬЕ ОТШАТНУЛИСЬ — ПЕРЕД НИМИ СТОЯЛ СТАРЫЙ МОТОЦИКЛ. НА КОЛЯСКЕ БЫЛ УКРЕПЛЕН ПУЛЕМЕТ, А В САМОЙ КОЛЯСКЕ ЛЕЖАЛИ ОСТАНКИ ЧЕЛОВЕКА В ИСТЛЕВШЕЙ ГИМНАСТЕРКЕ. ВОЕНКОМ РАЗГЛЯДЕЛ НА НЕЙ ТАНКИСТСКИЕ ЭМБЛЕМЫ, КУБИКИ: «ЛЕЙТЕНАНТ...» ПОД ПУЛЕМЕТОМ ЛЕЖАЛО НЕСКОЛЬКО ЛИСТОЧКОВ БУМАГИ, ЗАВЕРНУТЫХ В КЛЕЕНКУ.

ЧИТАЛИ ОСТОРОЖНО, БОЯСЬ ПОВРЕДИТЬ ХОТЯ БЫ ОДИН ЛИСТОЧЕК.

— ВИДНО, ВСЕ ПРАВДА,— ПОЧТИ ШЕПОТОМ СКАЗАЛ УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ.— ПОХОЖЕ, ЧТО ЭТО ТАНКИСТ ТОЙ САМОЙ «ТРИДЦАТЬЧЕТВЕРКИ», О КОТОРОЙ СЛАГАЛИ ЛЕГЕНДЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ...

ЛЕГЕНДА ОБ ИЗВЕСТНЫХ

Юрий
ШУМАЙЛОВ

Рисунки
В. Ганзина

1.

Бой был неожиданным. Длился он около трех часов и за это время от пограничной заставы почти ничего не осталось.

Когда разорвался на ее территории первый снаряд, Дмитрий Скворцов, солдат первого года службы, только-только появился на кухне и сел на скамеечку, поставил рядом бачок с нечищенным картофелем.

От первого взрыва на кухне повывлетали стекла. Скворцов сразу вскочил, бросился к окну. Однако ничего сделать не успел. Второй снаряд угодил прямо в столовую, и она рухнула, подняв тучу пыли.

Надо сказать, что с самого начала пограничной службы Дмитрию не везло. Не везло — и все тут. Почти сразу он сумел нахватать больше любого другого внеочередных нарядов, сумел ни разу не сходить в увольнение и получить взыскание от начальника заставы за нечищенные сапоги. Теперь этот самый снаряд — ни дна бы ему, ни крышишки. Солдата бросило на пол, бревенчатые стенки вместе с крышей рухнули и придавили его, оглушив.

Сколько пролежал под бревнами, он не знал. Может, час, а может, два. Когда пришел в себя, на заставе была тишина и только где-то далеко гремели автоматы, рвались мины.

Скворцов напрягся, но с места сдвинуться не смог. Прямо поперек него лежало бревно — хорошо хоть не настолько ядреное и тяжелое. В этот момент он услышал шаги.

— Эй! — подал он голос. — Помогите выбраться!

Раздался треск автомата, и пули ударили в бревно, которое лежало на нем. Димка хотел было крикнуть: «Что же вы, сволочи, делаете?!» — но не успел. Неподалеку раздалась немецкая речь:

— Ты что-нибудь слышал, Ганс?

— Вроде кто-то кричал.

— Да, странно, словно из-под земли.

— А не показалось?

Потом голоса немцев стихли.

Дмитрий пролежал под бревном еще некоторое время, переваривая случившееся. Попробовал освободиться. Наконец это ему удалось. В образовавшуюся щель он рассматривал территорию заставы. То, что увидел, поразило. Поразило намертво, цепко схватив за горло и оставив в нем твердый комок, который невозможно было проглотить. Заставы не было. Вместо нее дымились развалины. Всюду было разбросано оружие, лежали трупы. То, что это были не тела врагов, Скворцов определил сразу. Немцы, по-видимому, своих подобрали.

Движения на территории заставы Дмитрий не заметил. Немцы, скорее всего, ушли обратно, сделав свое пакостное дело. Подумав так, Скворцов вылез из-под досок и пополз к первому убитому. Тот лежал лицом вниз, схватившись рукой за затылок. Димка перевернул его на спину. На него смотрели мертвые глаза соседа по койке Эдика Мухомедзянова.

Скворцов всхлипнул и расстегнул карманы его гимнастерки, вытащил письма, комсомольский билет.

Во дворе стоял умывальник, который совсем не пострадал от пуль. Дмитрий попробовал один клапан пальцем, вода в умывальнике была. Тогда он поднялся, воровато озираясь, прислушиваясь, и вдруг разозлился сам на себя:

— Дубина я стоеросовая! Кого боюсь? Кого?! У себя на заставе боюсь?!

Вроде бы немного полегчало. Он начал мыться, посылая невидимому врагу свирепые, какие только мог придумать, проклятия.

Умывшись, Дмитрий пошел по заставе, не таясь, наклонялся к убитым пограничникам, собирал документы. Последним нашел начальника заставы капитана Бунькова. Капитан лежал, подогнув под себя ноги. Дмитрий снял с него планшетку, забрал документы. Среди них нашел несколько фотографий. На одной узнал жену начальника заставы с дочкой. Они приезжали сюда весной — красивые и веселые. Глядя на фотографию, Скворцов вздохнул. В этот момент он простил начальнику свое незаслуженное, как он считал, взыскание за сапоги.

Все бумаги и удостоверения пограничник положил в планшетку, подобрал для себя автомат. Сначала хотел взять винтовку, но потом раздумал. А вдруг придется с толпой немцев встретиться? Из винтовки пальнул разок — и считай себя покойником. С автоматом как-то спокойнее, хотя и треску от него много. Поразмыслив немного, Дмитрий прихватил пистолет, спрятал его за голенище сапога.

Территорию заставы пограничник Скворцов покинул под вечер.

Чтобы добраться до лесочка, нужно было пе-

ремахнуть через холмик, на вершине которого стояла триангуляционная вышка, пройти через ложбинку с маленьким ручейком, выйти на дорогу, потом пройти через поле.

Скворцов пошел именно этим путем, потому что надеялся на дороге встретить какую-нибудь машину и сообщить о случившемся в отряде. Он не сразу поверил в начало войны и считал происшедшее провокационным актом.

Солнце начало закатываться за холм. Триангуляционная вышка на фоне алого диска показалась неземным аппаратом, прилетевшим из неведомого далека.

На вышке в этот час должен был находиться одногодок Скворцова Паша Самойлик.

— Вот и проверю, как он службу несет, — еще озорно подумал Дмитрий и вдруг замедлил шаги. На склоне холма ему начали попадаться неподвижные тела немецких солдат. Они лежали в том порядке, в каком настигла их смерть.

Спотыкаясь и тяжело дыша, Дмитрий подбежал к вышке и сразу увидел Пашу. Паша лежал на земле совсем окаменелый. Но его убили еще наверху. Несколько десятков автоматов буквально искрошили дощатый настил площадки, уцелеть на которой было невозможно.

Вот тут Дмитрий по-настоящему заплакал. Он вдруг внезапно ощутил, что за несколько часов стал вдвое старше. Немецким тесаком он выдолбил яму и уложил в нее Самойлика. Он снял с головы фуражку и закрыл ею лицо товарища.

Дмитрий не сделал на могиле холмика. Он просто заровнял эту яму землей, чтоб не досталась могила фашистам. Он понял, что это война. Уж лучше потом, когда врага прогонят, он приведет на это место своих и они воздвигнут Паше и всем другим погибшим в эти первые часы войны обелиск Славы.

Дмитрий покидал холм с тяжестью в сердце. Отсюда он направился прямо к ручью, чтобы хоть как-то освежиться, прийти в себя. Он предполагал, что на переход у него уйдет совсем немного времени — самое большее около часу, но прогадал: когда он приблизился к ручью, сразу же за бугром увидел немцев и связанного по рукам красноармейца. Красноармеец лежал чуть в стороне, а фашисты сидели у самой кромочки воды, что-то жевали и лениво между собой переговаривались.

— Жрут, сволочи! — про себя разозлился Скворцов и, скинув автомат с плеча, двинулся прямо на врагов.

Немцы, по-видимому, не ожидали встречи. Они перестали жевать и молча уставились на подошедшего к ним пограничника. Теперь Дмитрий был над ними и бог и судья — та властвующая сила, которая способна казнить или миловать. Ни о каком помиловании в данном случае не могло быть и речи. Просто Скворцов делал долж-

ное. Он даже наслаждался тем, как удивление в зрачках остолбеневших немцев сменялось диким ужасом. Опомившись, трое сделали резкое движение к лежащему в траве оружию. Дмитрий ударил в упор.

— Рядовой Скворцов?!

У Дмитрия от удивления полезли на лоб глаза:

— Товарищ старшина!..

— Развяжи меня, быстро!..

Дмитрий ножом рассек связывающие путы. Старшина сжал и разжал несколько раз затекшие от веревок руки:

— А теперь пошли. Нашумел ты здесь здорово. Как бы немцы не приволоклись...

Дмитрий положил автомат на землю, планшетку с документами передал старшине. Затем они затащили трупы гитлеровцев в кустарник, сапогами разрыхлили землю, залитую кровью, и побежали вниз по ручью, взметывая вокруг себя фонтаны брызг.

— Стой! — крикнул наконец старшина, тяжело переводя дыхание. Он подошел к Скворцову и спросил в упор:

— Ты где был, когда бой начался? Я тебя что-то не видел...

Дмитрий махнул рукой:

— На кухне я, в наряде... А когда снаряд угодил в столовую, меня придавило бревном. Слава богу, уцелел. А наших... почти всех... там положили...

Старшина повернул голову в сторону багрового заката и погрозил кулаком. Потом сказал:

— Ничего, рядовой Скворцов. Придет время — за все с ними посчитаемся. А за то, что от немецкого плена спас, большое солдатское спасибо.

Как все произошло дальше, Дмитрий даже не успел понять. Что-то резко ударило в голову. Он опрокинулся на спину. В глазах мелькнуло искаженное болью лицо старшины, куст черемухи, уголочек синего неба. Очнулся скоро. Открыл глаза, увидел над собой трех смеющихся немцев.

— Ах, какой цвочок! Ах, какой красивый! — цокал один из них языком и с усмешкой косил правый глаз на оглушенного пулей Дмитрия. — Отличный был бы работник на ферме у моей матери.

— Не болтай чепухи, Курт, — выпустил облачко табачного дыма второй немец. — Пристрелить его надо. Это же явный большевик. Видишь, каким зверем смотрит. Таких убивать надо сразу.

Первый немец поморщился:

— Не люблю натурализма, Питер. Мы должны бороться за людей России, чтобы из них сделать рабов.

— Совершенно точно, — проговорил молчаливый до этого третий немец. — Пусть работает.

Из всего разговора Дмитрий понял только одно слово — «арбайтен». Это он знал, точнее, приходил когда-то в школе: «арбайтен» — значит

«работать». И пожалел, что в свое время вертелся на уроках немецкого и не старался учить домашних заданий.

— Ну, ты, вставай! — ткнул его носком сапога первый немец.

Дмитрий приподнялся. Три немца поплыли в глазах. Видать, здорово его шарахнуло. Но через несколько секунд зрение восстановилось. Немцы скалили зубы, глядя на рослого, крепкого пленника, и только один из них все время угрожал автоматом, приказывая идти.

Дмитрий подтянул под себя ноги и сел, растягивая время и выгадывая для себя момент, чтобы ударить головой, руками, ногой. Тут же взвесил свои возможности и физические данные врагов. Вдруг он вспомнил про старшину. Где же тот? С трудом повернул голову влево. Старшина лежал лицом вниз посередине ручья. Вода обтекала его со всех сторон, лохматила волосы на голове.

— Какого дьявола сидишь? — разозлился первый немец. — Пошел! — Он замахнулся на Скворцова автоматом.

Потрясенный неожиданной смертью еще одного своего сослуживца, Дмитрий медленно поднялся и двинулся в окружении немцев к дороге, по которой огромной серо-зеленой массой, пыля и грохоча, шла на восток техника врага, пехота. Пограничник даже зажмурился от этого огромного скопления гитлеровцев и, облизнув моментально высохшие губы, прохрипел:

— Да, трудненько нам будет!

— Что!? — взвизгнул над ухом немец. — Что ты сказал?

Дмитрий поморщился и показал пальцем на сапог:

— Трет, переобуться бы...

Немец остановил своих товарищей и разрешил сесть пограничнику на землю. Скворцов сел, левой ногой уперся в задник правого сапога, ухватился за носок. Мокрый сапог, заскрипев о скатавшуюся портянку, медленно начал сползать с ноги. Дмитрий ухватился и за голенище. Под ладонь попал какой-то предмет.

«Пистолет!» — покрылся холодным потом Скворцов и посмотрел на немцев. Они сбились в кучку, рассказывая друг другу что-то смешное, и на пограничника не обращали внимания.

Заметив это, Дмитрий бросил взгляд на дорогу. До нее было не более трехсот метров. Прибегут на выстрелы или нет? Скорее всего нет. Мало ли вокруг стреляют.

Он сжал ладонями рукоять пистолета и на миг почувствовал себя уверенным. В глазах заиграли смешинки. Как кошка взметнулся на ноги и навел пистолет на немцев. Те от неожиданности онемели. Их шок длился не более секунды. Дмитрий нажал на спусковой крючок. Раздался щелчок. До смертельного обидный, какой-то скрипучий и сырой металлический щелчок.

Дмитрий даже застонал от неудачи: как же это он забыл о том, что бродил в воде по колено и патроны попросту отсырели, теперь стрелять ими невозможно?!

— Молодец, рус! — серьезно сказал один немец. Он подошел к Дмитрию вплотную и крючком снизу ударил его в подбородок.

Зубы пленника лязгнули, он распластался на спине.

Очнувшись и стерев рукавом гимнастерки кровь с лица, Дмитрий подумал: «Теперь труба тебе, пограничник Скворцов. Расстреляют...»

Но его не расстреляли. Его выгнали на дорогу, втокнули в какой-то грузовик, крытый брезентом, повезли.

— Раз везут, значит, живем! — повеселел Скворцов.

2.

В Крестовку втягивались немецкие войска. За ними медленно шли обозы с продовольствием и снаряжением. Обгоняя их, по обочинам шоссе проносились мотоциклы связных, машины. Они врывались на площадь села, резко тормозили. Раскрывались дверцы, из машин степенно выходили толстые и тонкие, старые и совсем еще молодые офицеры. Те, что чином постарше, — с адъютантами и ординарцами, другие — одни. Они степенно проходили мимо вытянувшихся часовых у входа в штаб, не глядя по сторонам.

К полудню около двухэтажного здания скопилось порядочное количество легковушек. На перекрестке перед въездом на площадь стоял пулеметный расчет, а чуть подальше — патрульный танк. Одним словом, все было забито немцами.

Но вот к штабу подъехала еще одна машина. На этот раз — грузовая. Из крытого брезентом кузова на землю выпрыгнули два солдата. Один из них что-то резко крикнул, и из машины показался еще один — в красноармейской форме. Пленного обступили шоферы, загалдели, перебивая друг друга.

Вдруг на окраине села затрещал пулемет. Затем загремели автоматы, ухнул взрыв. Над селом взметнулась стая ворон.

Шоферы, оставив пленного, разбежались по своим машинам, схватили оружие. Автоматный треск прозвучал совсем рядом. Из соседнего проулка вылетела краснозвездная «тридцатьчетверка». Она с ходу раздавила пулеметное гнездо и ударила всей своей массой в борт тяжелого грузовика, который мгновенно вспыхнул.

«Т-34» попятился, лихо развернулся и начал давить и утюжить стоящие около штаба «опель-адмиралы» и «хорьхи». Потом танк остановился. Откинулась крышка люка. Из него показалась голова чумазого, давно не бритого танкиста:

— Чего стоишь, раззява? Полезай!

Бывший мгновение назад пленником, Скворцов не стал упрашивать себя — с ловкостью гимнаста бросился в люк. И вовремя. Из окон штаба затарактели сразу несколько автоматов. Пули зазвенели по броне танка.

Башня «Т-34» повернулась, в стены старого здания один за другим вlepились два снаряда. Внутри дома прогрохотали взрывы, раздались дикие вопли фашистов.

Развернувшись, танк пересек площадь и пошел в проулок. Откуда-то перед ним вывернулась небольшая колонна пехоты и тут же брызнула в стороны.

Танк мчался по улицам поселка. В него бросали гранаты, стреляли из пушки, но гранаты, словно заколдованные, не долетали до цели, артиллерийские снаряды проносились мимо.

Немцы, охваченные ужасом, бежали от грозной машины.

Наконец, в погоню за «тридцатьчетверкой» кинулись немецкие танки, выплевывая на ходу огненные болванки. «Тридцатьчетверка» проскочила мостик, остановилась. Навстречу преследующим машинам повернулась башня, и, едва последняя из них, лязгая траками, взошла на настил, пушка «тридцатьчетверки» выплеснула огненный смерч. Первая немецкая машина окуталась густым черным дымом. Выстрелив еще раз по последнему, третьему танку фашистов и сорвав с него башню, «тридцатьчетверка» скрылась. Экипаж средней машины, зажатый на мосту между двумя жарящими факелами, попрыгал в воду.

3.

— Ну, ты, раззява! — снова заговорил небритый танкист с черными цыганскими глазами, когда они остановились в глухом местечке, закрытом со всех сторон высоченными раскидистыми лиственницами. — Как это тебя угораздило, такого здорового, в плен попасть?

Скворцов, ошалевший от внезапной свободы, даже не заметил издевки в его словах, за которую в любое другое время мог бы хорошенько дать по шее. Он просто улыбнулся и беззлобно выругался:

— А пошел ты к черту!

Танкист неожиданно рассмеялся и с неуловимым акцентом сказал:

— Его из лап смерти вырвали, а он ерепенится. Ты знаешь, что за слово такое «агалас»?

— Мы все знаем, дядя, — вывернулся Дмитрий. — Старый это фокус, дядя. В переводе означает «салага».

— Грамотный парень, ничего не скажешь. Тогда еще отгадай загадку: зачем, ты думаешь, мы сюда заехали, а не прямо по дороге пошли? Дмитрий усмехнулся:

— Ну, это проще пареной репы. После того, что вы натворили, немцы наверняка погоню по-

плют или засаду сделают по дороге, а может, «юнкерсы» натравят на одинокий советский танк. Да и, как я соображаю, горючего у вас не того, на доньшке.

— Правильно соображаешь, парень. Очень даже правильно. А насчет горючего — шалишь. У нас его здесь припрятано несколько бочек. Неподалеку летние лагеря были со складами ГСМ. Будем ими пользоваться, пока немцы нашу стоянку не прищучат. А чтобы они действительно ее не прищучили, будем стараться мешать им в этом. Улавливаешь?

— Ага, улавливаю, — поддакнул Дмитрий, хотя никак не мог понять, как можно на одном танке в тылу врага так долго и безнаказанно шастать. Нет, видно, своих искать надо, пограничников.

А танкист вразрез мыслям Скворцова размышлял:

— Одним нам с Графом трудно продержаться до прихода своих. Все-таки двух членов экипажа не хватает. Ты вроде парень толковый, сможешь заряжающим сойти вполне.

— А кто такой Граф? — спросил Дмитрий.

Танкист стукнул каблуком сапога по броне танка, крикнул в люк:

— Граф, вылезай!

Только сейчас увидел Скворцов лицо механика-водителя, шушлого светловолосого паренька. В его сдержанных движениях, поворотах головы действительно чувствовалось что-то аристократическое. Дмитрий едва успел подумать: «И правда — Граф», как танкист с цыганскими глазами воскликнул:

— Знакомься, Граф, с новым членом экипажа! — И к Дмитрию: — Как твоя фамилия?

— Скворцов, Дмитрий, пограничник, рядовой.

Граф кивнул и опять скрылся внутри танка.

— Фрикцион что-то забарахлил, — вдруг озбоченно сказал танкист и поскреб всей пятерней под шлемом, потом сверкнул глазами: — А я вот во всех боевых операциях для вас командир танка, лейтенант, В минуты отдыха — друг и товарищ. Зовут меня Христо Станчев.

— Как? — удивился Дмитрий. — Христос?

Танкист весело рассмеялся:

— Имя такое, болгарское. Болгарин я, понял?

Дмитрий кивнул, хотя опять ничего не понял. Христо, заметив в его глазах недоумение, махнул рукой:

— А, ладно. Потом.

4.

Здесь, на этой своей стоянке, танкисты рассказали Дмитрию, как у них все произошло.

На танкодром, который, казалось, только что затих от напряженной работы, хотя на исходе была уже ночь, обрушились снаряды. Невидимая

рука врага посылала их сотнями на замершие машины. Один за другим вспыхивали маленькие бэтэшки; вот разлетелся от прямого попадания выдавший виды старенький броневичок; заполыхали, окутались дымом склады горюче-смазочных материалов.

Танкисты спросонку метались между горящими машинами, наталкиваясь друг на друга, пока чей-то громовой голос, перекрывая взрывы и визг осколков, не приказал:

— Танки, танки из огня выводите-и-ить!

Уцелевшие танкисты бросились к машинам, которые получили две недели назад, — к новым «Т-34». Взревев двигателями, «тридцатьчетверки» покатались из огня к опушке леса. Следом за ними потянулась цепочка рваных дымящихся воронок. Несколькими снарядами взметнули землю прямо перед головной машиной. Каждому стало ясно, что невидимая рука, посылавшая на них смерть, была рукой корректировщика.

Танки влетели в лесочек, остановились. Затихли моторы. Опаленные, грязные, взлохмаченные танкисты собрались в группу и, не отрываясь, смотрели туда, где хозяйничала смерть. А там, между разрывами снарядов, металась еще одна машина, окутанная густым шлейфом дыма. На башне ее все разглядели маленькую фигурку человека, размахивающего плащ-палаткой.

— Пламя сбивает! — выдохнул кто-то из себя с болью.

— Да это же Христо! — воскликнули сразу несколько голосов, когда стала видна цифра «9» на башне «тридцатьчетверки».

Танк быстро приближался. Вот он остановился несколько поодаль, и танкисты бросились к нему, скидывая с себя куртки.

— Быстрее тушите! — торопил друзей Христо.

Все и так понимали, что каждую секунду может произойти взрыв: на танке в закрепленных баках горело масло, тлела обтирка. Задыхаясь от дыма, танкисты ожесточенно хлестали пламя, пытались сбросить горящие емкости на землю, сдирая в кровь руки. Наконец, пламя отступило и затихло совсем. И в это время откуда-то сверху по ним ударила очередь. Двое — Федор Клыков и Макар Стегнов — покачнулись и упали. Христо нырнул в люк, и танк, взревев двигателем, подминая под себя мелкий ерник, двинулся к высокой разлапистой сосне. По броне зацокали пули. Но они были не страшны Станчеву. Закусив от дикой злобы губы, Христо прибавил газу и ударил в ствол. Танк на секунду замер, потом задрожал, гусеницы выбросили из-под себя чернозем и медленно-медленно поползли вперед. Сосна стала крениться, с ее вершины упала под танк, сразу же превратившись в осколки, радиостанция. Потом из-под гусениц раздался нечеловеческий крик, и все смолкло. Христо выключил мотор, откинул крышку люка, стараясь не смотреть вниз.

— Видно, переоценил свои силы, гад, — подошел командир танковой роты старший лейтенант Копылов. — Думал, нас мало, так разделаться с нами можно. Не вышло.

Воздух наполнился нарастающим гулом. Подняв головы, танкисты с волнением следили, как над лесочком прошли пузатые, с паучьими крестами на крыльях, самолеты.

— Неужели война? — все еще не веря, спросил Граф.

— Да, это война, — ответил старший лейтенант. — Теперь мы являем собой подразделение, уточняю — боевое танковое подразделение. Попытаемся соединиться со своими. Имейте в виду: приказа об отступлении нам никто не давал, ясно?

— Так точно, ясно.

— Теперь об экипажах. Два экипажа у нас насчитывают по два человека, в трех — по три. Приказываю расформироваться по машинам до полного комплекта в каждой.

Станчев переглянулся с Графом:

— А куда денем остальные машины?

— Взять с них горючее, у кого неполные баки. Машины уничтожить. Это приказ.

Христо забрался в танк. Оттуда донесся его голос:

— Пусть меня взрывают вместе с машиной.

— Не дури, Христо! — крикнул старший лейтенант: — Каждый человек на счету.

— Зачем же уничтожать дорогой боееспособный танк, если можно действовать неполным экипажем?..

Один танк, который более всех пострадал в огне, пришлось все-таки уничтожить. Христо с Графом остались в своей машине вдвоем.

— По машинам!

Пять танков, опаленных первым огнем войны, двинулись к границе, на которой шел тяжелый и кровопролитный бой. У танкодрома остался маленький могильный холмик земли.

Танк старшего лейтенанта Копылова шел впереди. За ним колонной — танки Свиридова, Спиридонова, Грушиняна. Замыкала колонну машина Станчева. Вышли на проселочную дорогу. За поворотом открывалась широкая долина, по которой проходило шоссе. Сейчас по нему густо шли маленькие фигурки гитлеровских пехотинцев, катили танки с крестами, необычного вида грузовики, пароконные подводы. Вся эта орава двигалась на восток, полыхающий огромным заревом.

— Кажется, немцы опередили нас, — сказал старший лейтенант Копылов. — Теперь-то нам ничего не остается, как вклиниться в колонну и идти вместе с немцами на восток.

Командиры советских танков поняли старшего лейтенанта. Под покровом темноты им необходимо было выйти на шоссе. А восток, в темноте немцы не разберут, чьи танки: тем более,

что все они закоптились до такой степени, что не то, что ночью — днем трудновато разглядеть красные звезды на башнях.

Их маневр разоблачили под утро, неподалеку от маленькой деревеньки. Какой-то офицер, обогнав танки на легкой машине, остановился и долго приглядывался к «тридцатьчетверкам».

— Русские! — внезапно завопил он и торопливо приказал замешкавшейся у переезда через железную дорогу артиллерийской батарее развернуться.

Танк старшего лейтенанта Копылова свернул в сторону, и офицер исчез под его гусеницами. Свиридов разбросал орудия батареи по сторонам, подавил чуть не всю прислугу. На шоссе началась свалка. Запылали грузовики, громко фыркали и ржали в упряжках лошади. Гитлеровцы палили по танкам из автоматов, бросали в них гранаты. Две машины застыли тут же, на шоссе, с развернутыми лентами траков.

Христо Станчев заметил, что это были машины старшего лейтенанта Копылова и сержанта Свиридова. Помочь им никто был не в состоянии. Мчась по шоссе, Христо слышал позади себя взрывы и трескотню крупнокалиберных пулеметов.

Еще две машины они потеряли у развилки. Сработало, по всей видимости, радио, предупредившее немцев о советской колонне в немецком тылу. Пушки были установлены на самой развилке. Христо с Графом увидели даже, как немецкие солдаты, не спеша, что-то подтаскивали к орудиям.

«Снаряды!» — успел подумать Станчев. И в ту же секунду два немецких орудия высоко подпрыгнули, выстрелив. В смотровую щель Христо заметил, как задымилась машина Грушиняна.

Больше орудия выстрелить не успели. «Девятка» как смерч налетела на первое. Тонко звякнул щиток, отлетев от удара в сторону. Развернувшись на исковерканной пушке, Граф подмял второе орудие. Станчев ударил из пулемета по разбегающейся прислуге.

В это время показалась колонна грузовиков. Граф выжал рычаг главного фрикциона и рванул танк навстречу тупорылым машинам.

Они видели, как начали спрыгивать с грузовиков солдаты и разбегаться по кустам. «Девятка» с ходу сбила два грузовика, опрокинула и раздавила еще несколько машин. Хрустнула, как скорлупка, под гусеницами какая-то легковушка.

В смотровых щелях мелькали словно выхваченные из фильма кадры: разбитые в щепки борты грузовиков, трупы немецких солдат, бегущие впереди танка оторвавшееся от грузовика автомобильное колесо.

На огромной скорости танк влетел в Крестовку. С трудом пробивая себе дорогу среди разбитых машин, обломков телег, металлических клякс раздавленных мотоциклов, «девятка» пробилась

к его центру. Немцы шарахались от танка в сторону, как от привидения.

Танк выскочил на площадь.

— Наверное, штаб! — крикнул Графу Станчев, увидев скопление легковых машин, и в тот же момент они заметили советского пограничника в окружении немецких солдат.

— Надо спасти парня!

— Да! — только и ответил Граф.

5.

Первую ночь они провели в машине, задрав накрепко верхний и нижний люки, предварительно наполнив баки горючим.

Сначала сидели, тихо переговаривались. Каждый рассказывал о себе. Сперва Христо, командир. Дмитрий узнал, что Христо в Советском Союзе уже несколько лет, что его переправили сюда 15-летним мальчишкой друга отца, революционера-подпольщика, так как всю семью Станчевых упрятали за решетку, и Христо до сих пор не знал, что с родными.

Граф, а точнее Володя Арканов — детдомовский, в армию ушел добровольцем. Вот и вся, собственно, его биография. Из троих только у Христо в Варне была девушка — нареченная невеста с того самого времени, как он появился на свет, — такой у болгар обычай. Ни Граф, ни Скворцов еще не любили. Стесняясь признаться в этом, Дмитрий начал было расписывать несуществующие свои похождения, но Граф резко оборвал его:

— Кончай трепаться, на твоей физиономии написана вся твоя биография.

— Тебе сколько лет, Дима? — спросил Станчев.

— Девятнадцать.

— Комсомолец?

— Да.

— Взносы-то заплатил?

— Заплатил, — горько усмехнулся Дмитрий, — кровью. А что?

— Да ничего. Графу вот тоже девятнадцать, да и я от вас недалеко ушел, на два годка только и старше. И в этом у нас огромное преимущество перед немцами.

Дмитрий и Граф недоуменно переглянулись.

Христо улыбнулся и выключил аварийный свет.

— Нечего переглядываться и жечь батареи. А преимущество — в нашем задоре, в нашей энергии, наконец, в ненависти. Сами посудите, за что немцу нас-то ненавидеть? Он пришел сюда с чувством превосходства во всем: захотел — убил, захотел — унизил, захотел — помиловал...

Они долго сидели молча, думая каждый о своем, близком. В желудке у Дмитрия загло от голода и он вздохнул:

— Закусить бы.

Христо снова включил аварийный свет и открыл позади сиденья механика-водителя металлический ящик.

— Вот и закуска, — сказал он, извлекая оттуда банки тушенки и хлеб: — НЗ.

Димка повеселел.

6.

Едва забрезжил рассвет, Станчев вздохнул:

— Подъем!

Дмитрий после долгого ночного сидения на снарядном ящике выгнул колесом грудь, потянулся и ударился затылком о выступ башни.

— Черт! — схватился он за ушибленное место.

Граф рассмеялся:

— С крещеньцем!

— В гробу бы я такое крещенье видел! Понаделали коробок — повернуться негде. Никогда бы не променял пограничную службу на эту.

Христо тоже улыбнулся:

— Привыкнешь, а теперь до завтрака — за работу. Граф, проверь-ка еще раз хорошенько фрикцион. Тебе, Скворцов, разведать вокруг обстановку, автомат только возьми. А я займусь маскировкой дальней землянки ГСМ.

Дмитрий сунул в карман пару сухарей, кинул на плечо автомат и пошел, захрустев сучками...

— Осторожней иди! — зашипел ему вслед Граф. — Идешь, словно сохатый. А еще пограничник.

Скворцов обиделся, но промолчал...

Пахло влажной еще от утренней сырости земли, чабрецом и еще чем-то, схожим с диким луком. Дмитрий на секунду приостановился, очарованный... Потом опомнился и заспешил дальше, наворачивая упущенные мгновенья. Запыхавшись, снова пошел медленнее. Достал из кармана сухарь, откусил почти половину. Во рту стало сладко от аромата печеного ржаного хлеба, даже задышалось легче...

Поднявшись до середины горы, Дмитрий остановился и огляделся. Отсюда лес просматривался почти во все стороны. Он был очень большой и только где-то далеко поднимался черный дым. Очевидно, горело село. Скворцов прошелся немного поперек этой гористой возвышенности и стал спускаться вниз, как вдруг вышел на небольшую площадку, заросшую невысокой травой. Неподалеку лежала копна сена, а прямо с площадки открывался широкий свободный ход внутрь горы.

Скворцов осторожно шагнул в темноту. Это оказалась сравнительно большая пещера, в которой можно было бы свободно уместиться целому взводу.

— Вот и жилье! — хлопнул в ладоши погра-

ничник и отстучал сапогами нечто похожее на чечетку. Глухой звук отозвался как в бочке. — Хоть и не барские хоромы, но жить можно.

К танку он мчался, как на крыльях. Граф и Христо сидели на башне и завтракали.

— Наряд вне очереди за опоздание, — сказал Граф, но Дмитрий на него не обратил никакого внимания.

— Пещеру я нашел, — закачается! — радостно крикнул он.

Потом втроем они пришли к горе и еще раз обследовали подземелье уже более обстоятельно. Было, правда, несколько сыровато, но пещера устраивала и Христо и Графа.

— Ай да пограничник, ай да Дима Скворцов! — цокал языком болгарин и скалил белые зубы.

В пещеру они перенесли все, что считали лишним в танке: продукты, часть оружия. Натаскали травы и веток, сделали удобные и мягкие постели. Сплели из веток и сена полог для маскировки входа в пещеру, а на случай, если он порвется или подгниет, под копену протянули длинные ивовые ветви — теперь сено вполне под силу можно было подтянуть к пещере и закрыть им вход. Два дня прожили в пещере трое, приводя в порядок жилье, одежду и отсыпаясь. Танк в это время стоял в районе дальнего склада ГСМ. Ни Христо, ни Граф, ни Дмитрий не боялись за то, что танк могут обнаружить немцы. На случай, если бы даже это произошло, машину заминировали. Первый, кто попытался бы обычным порядком открыть люк, был бы уничтожен вместе с машиной.

На третий день, проснувшись, Граф сказал:

— Так и зажиреть можно на лесных харчах, товарищ командир!

— Вполне даже можно, — согласился Христо.

— Какого же дьявола мы торчим здесь тогда?

— Ждал, когда сами заговорите о боевых действиях нашей группы. Помните, мы находимся в особых условиях, и в нашей ситуации главное — собственное сознание. И другое — каждому из нас отдых был необходим, как, допустим, воздух. Сегодня мы начинаем с вами второй боевой этап в жизни нашего подразделения. Но, как ты сам, Граф, понимаешь, каждое боевое решение не мыслимо без разведки. В первый поиск пойдут Скворцов и я.

Граф вскинул свою красивую голову и сверкнул глазами:

— А почему не я?

— Обижаться нечего, — мягко сказал Христо. — В разведку должен идти кто-то из тех, кто является менее сведущим в механизмах нашей боевой машины. Скворцов — пограничник. Я — командир. Мало ли что может случиться. Война все-таки, и, как это ни странно, убивают. Поэтому я не имею морального права оставлять танк без механика-водителя.

...Разведчики еще издали заметили недалеко от шоссе обгоревшую сосну с раздвоенной вершиной.

— Неплохой ориентир, как ты думаешь?

— Угу, — буркнул Дмитрий, взглядываясь в сосну.

— Было бы неплохо иметь нам в этом месте какой-нибудь тайник с запасными дисками, гранатами, автоматом на всякий случай.

— Я об этом тоже подумал, — признался Дмитрий и улыбнулся. — А то, Христо, очень тоскливо на душе бывает, когда вокруг тебя немцы, а у тебя патроны кончились.

Разведчики посмотрели друг на друга, негромко рассмеялись. Не сговариваясь, они подошли к раздвоенной сосне. Димка стал на колени и вокруг кустика начал подрезать дерн тесаком. Христо вычерпывал из ямки землю и относил ее пригоршнями за соседние кусты, разбрасывая по сторонам. Вскоре под сосной образовалось вполне приличное углубление, в котором можно было бы спрятать автомат. Сверху углубление закрывалось кустиком и присыпалось травой.

Потом Дмитрий с Христо направились к дороге. На ней, к удивлению разведчиков, было совершенно пусто. Они залегли в придорожные кусты и пролежали довольно долго. Дмитрий начал было беспокоиться, не прогнали ли обратно немцев, пока они прохлаждались в пещере. Христо его успокоил:

— Кажется, кто-то едет.

Действительно, явственно послышался скрип.

— Что бы это могло быть? — сказал Дмитрий вполголоса.

— На велосипеде никогда не катался? — пропентал Христо.

Димка отрицательно помотал головой.

— Так могут скрипеть только педали.

На дороге показался велосипедист. Это был пожилой немец. Вид у него был до того уверенный и спокойный, что если бы не форма да автомат на спине, его можно было бы принять за крестьянина, едущего по каким-то своим делам.

Разведчики вырвались на дорогу вихрем. И гитлеровец не успел опомниться, как с него сорвали оружие и вместе с велосипедом затащили в кусты...

Подхватив автомат с ранцем, наполненным консервами, разведчики пошли обратно. У сосны с раздвоенной вершиной Христо приподнял кустик, сунул в углубление «шмайсер» и одну гранату.

В лагере их ждал настоящий ужин из мясного бульона — Граф поймал в силки дикого голубя, нарвал какой-то травы вместо приправы.

Пька Христо и Дмитрий заправлялись, Граф занялся трофеями, принесенными из разведки. Вытащил из ранца консервы и гранату. Некоторое время рассматривал ее, удивлялся длинной

ручке. Затем пришел к выводу, что это даже удобнее — бросать можно дальше.

Позднее Дмитрий с Христо не раз думали о том, зачем понадобилось Графу заталкивать немецкую гранату за поясной ремень, но так и не пришли ни к какому выводу. Только никто из них не успел даже крикнуть, предупредить, когда Граф, выдергивая гранату из-за ремня, видно, примеряясь, не заметил, как предохранительная чека зацепилась за пуговицу комбинезона. Потом Граф все же отбросил гранату в сторону, но... поздно.

Христо и Скворцов вскочили. Над площадкой у входа в пещеру расплывался голубой дымок, резко пахло порохом. Граф, широко хватая ртом воздух, заваливался на бок.

Станчев разорвал на Графе комбинезон. Майка в трех местах была распластана осколками. Один из них ударил около самого сердца.

— Ах, Граф, Граф, что ты наделал! — горько проговорил Христо. Вдвоем они перевязали своего товарища, положили у входа в пещеру. Граф смотрел на них широко раскрытыми глазами и молчал.

Всю ночь они поочередно дежурили около раненого. Тот несколько раз терял сознание, в бреду кого-то звал, плакал.

На рассвете Христо разбудил Дмитрия:

— Плохо дело. Необходимо лекарство. Надо бы и врача, да где его взять?

Граф был в сознании, и такую тоску излучали его глаза, что Христо не выдержал, отвернулся.

— За медикаментами пойду я, — решительно сказал Скворцов, — попробую достать.

Христо внимательно посмотрел на Дмитрия, в лице его что-то дрогнуло.

— Славный ты парень, Скворцов. После войны обязательно приглашу тебя на родину, в Варну. Золотое место на Черном море! — Христо вздохнул.

Дмитрий почему-то закашлялся, спрятал глаза, буркнул:

— Ладно, хватит трепаться, пошел я.

Проверив, заряжен ли пистолет, он для верности похлопал себя по оттопырившемуся карману с гранатой, протянул руку Христо:

— Бывай.

— Осторожно, друг!

— Не маленький. Ты тут приглядывай лучше за Графом.

Граф, наблюдавший за этой сценой, чуть улыбнулся обескровленными губами.

Было уже утро и птахи весело щебетали над головой. Казалось, ничто не напоминало о войне. Но Дмитрий вдруг представил Графа, страдающего от ран, и закусил губу. Он должен был найти лекарство во что бы то ни стало...

Сколько часов шел по лесу, он не представлял. Однако по тому, насколько высоко поднялось солнце, Дмитрий понял, что шел долго. Скоро должен быть тракт. И впрямь через несколько сот метров он увидел сосну с раздвоенной вершиной, одна из которых была срезана снарядом. От сосны до тракта рукой подать. Тут надо идти осторожнее. Каждую минуту любой куст, любое дерево могут встретить автоматной очередью.

Дмитрий вытащил пистолет, снял его с предохранителя, скрылся в траве. Так он некоторое время лежал, прислушивался. Уже отчетливо был слышен шум двигателей грузовиков.

«Парочку бы танков, — подумал Дмитрий, — мы бы вам показали, как безнаказанно разъезжать по нашим дорогам».

Закусив травинку, он еще некоторое время изучал участок впереди. Вроде бы ничего подозрительного не заметил, да и кому из фашистов придет в голову именно здесь устраивать засаду. Димка пополз вперед.

Участок тракта в этом месте был огорожен густым лесом с обеих сторон, недалеко — небольшая зеленая полянка. Вовсю щебетали птицы. Дмитрий пролежал недолго. Движение техники немцев было не очень интенсивным, и он начал было терять надежду на то, что здесь удастся поживиться медикаментами, бинтами, когда совсем рядом зарокотал двигатель автомашины.

Это был крытый грузовик — то ли радиостанция, то ли походная киностановка. Автомашинка свернула на полянку и остановилась. Из кабины вылезли два немца: шофер и обер-ефрейтор. Шофер открыл дверцу кузова, на время исчез в нем, затем появился с походным столиком, который поставил около куста лесной сирени. На столике появилась бутылка шнапса, сало, хлеб. При виде этого богатства у Димки опять засосало под ложечкой, он слотнул слюну и подполз почти к самой полянке.

Немцы расселись на складных табуретках, забулькала жидкость, наливаемая из бутылки в стаканы.

Дмитрий скрипнул зубами, схватился было за гранату, но не успел, к счастью. На шоссе появилась колонна мотоциклистов. Один мотоцикл отделился от колонны и свернул к машине. Фашисты о чем-то поговорили, посмеялись, и мотоцикл вернулся обратно в колонну.

Колонна ушла, и некоторое время над дорогой стояла пыль. Димкины немцы тоже начали свертываться. Шофер собрал столик и спрятал его в кузов, обер-ефрейтор забрался в кабину.

— Сейчас уедут, — ругнулся про себя Дмитрий.

Но немцы не уехали. Крикнув обер-ефрейтору что-то, шофер трусливо побежал в кусты.

Скворцов злорадно усмехнулся и бесшумно пополз наперерез шоферу. Шофер был совсем

молодой, веснушчатый немец. Он увидел поднимающегося перед ним Дмитрия и в считанные мгновения протрезвел. Ноги его словно приросли к земле. Он хотел крикнуть, но крика не получилось. Вместо него раздался какой-то непонятный клетот.

Дмитрий ударил его ножом в шею — коротко, сильно. Ноги немца подломились в коленях, и он упал лицом в траву. Дмитрий прислушался. Никаких посторонних звуков не слышно, кроме непонятного бормотания из кабины. Обер-ефрейтор то ли разговаривал сам с собой, то ли пел какую-то песенку.

Вытащив из кармана пистолет, пограничник направился к кабине. Появление его было настолько неожиданным, что немец на минуту онемел.

— А ну, вылезай, — повел пистолетом Скворцов, — да поживей!

— Айн момент, айн момент, камераден, — залопотал обер-ефрейтор, вылезая из кабины.

Дмитрий повел его к кузову: Приказал:

— Открывай!

Обер-ефрейтор открыл дверцу.

— Залезай!

В глазах у немца появилась тревога.

— Не надо убивайт. Гитлер капут.

На лбу у Дмитрия образовалась складка.

— А зачем ты, гад, пришел сюда, если Гитлеру капут?! А ну, полезай!

Дрожащими руками немец ухватился за поручни, полез в кузов. Ноги его не слушались, несколько раз срывались со ступенек. Наконец, он поднялся, отошел к кабине. Дмитрий прыгнул следом за ним, захлопнул дверцу.

— Мне нужны медикаменты, лекарство, бинты, понял?

— О, медикамент? — понял немец. — Яволь. Яволь.

Он вытащил из ящика пакетик.

— Мало, — сказал Дмитрий, — еще.

— Гут, гут, — твердил немец, вытаскивая пакеты.

— Теперь порядок, — повеселел пограничник. Он открыл дверцу и тут же захлопнул ее. На поляну въезжал грузовик с солдатами, а на шоссе стояли два бронетранспортера.

«Кажется, влип», — пополз противный липкий холодок между лопатками.

Он взглянул на обер-ефрейтора. В глазах того стояло торжество.

— Ну, нет, — рассвирепел Дмитрий. — Тебя отсюда только вынесут. — Рукояткой пистолета он дважды коротко ударил немца по виску. Обер-ефрейтор кулем свалился к его ногам.

Грузовик остановился рядом. Дмитрий слышал, как солдаты спрыгивали на землю, что-то весело и беззаботно кричали. Потом стали окликать по именам:

— Вайхман! Герхард!

«Сейчас кто-нибудь из них откроет дверцу кузова, — подумал Скворцов, — и все».

И в ту секунду, когда ручка дверцы начала поворачиваться, Дмитрий изо всей силы толкнул ногой. Первого немца дверца ударила прямо в лоб. Дико взвывая, он покатился по земле.

Не разобравшись в обстановке, солдаты в недоумении глазели на товарища и человека в лохмотьях, стоявшего в проеме дверцы кузова. Прямо из кузова Дмитрий метнул в них гранату, подхватил мешочек с медикаментами и прыгнул в кусты, обдирая с лица и рук кожу.

Он бежал так быстро, как ни разу в жизни не бегал, и не слышал автоматной трескотни позади.

Около сосны с раздвоенной вершиной он остановился отдышаться и увидел, как, отсекая ему дорогу в лес, наперерез выдвигается цепь фигурок в мышиного цвета мундирах.

— Теперь уж точно отвоевался, — выдохнул из себя пограничник, все еще не веря в то, что так легко выпутался из одной истории и попал в другую, кажется, в безвыходную.

Он ухватился за маленький кустик у корневика сосны, приподнял его, вытащил оттуда автомат, гранату, вместо них положил мешочек с медикаментами, закрыл яму.

— Так просто меня не возьмете, собаки! — Он отполз от тайника, приложился поудобнее у небольшой кочки и ударил прицельно, короткими очередями. Несколько фигурок покачнулись и упали в траву. Их места заняли другие. Немцы шли молча, не стреляя. И Димка понял: боялись попасть в своих, которые шли цепью от шоссе.

Димка дал еще раз очередь по цепи, которая отсекала ему путь к отступлению. Еще рухнули на землю несколько гитлеровцев. Тогда нервы атакующих не выдержали, они залегли, выставив вперед автоматы.

Теперь можно было повернуться в сторону шоссе. Немцы подползли настолько близко, что можно было разглядеть их потные злые лица. Димка разрядил рожок и в эту залегшую цепь. Немцы вжались в землю, и трудно было определить, кто из них убит, кто жив.

До слуха Скворцова донеслась команда. Немцы поползли снова. Димка удовлетворенно крикнул, дал очередь. Пятеро остались лежать. Он прицелился в офицера, нажал спусковой крючок. Автомат молчал — кончились патроны. Отбросив в сторону ненужный «шмайсер», Скворцов поднял пистолет. В нем был один только патрон.

Немцы подобрались еще на десяток метров. Отыскав среди них лицо офицера, спрятавшегося за спины солдат, он послал в него единственную пулю. Офицера не стало. Но немцы поняли, что у Димки кончились патроны. Издав торжествующий клич, они со всех сторон разом бросились на пограничника... И тогда рванул взрыв, разметавший врагов в разные стороны.

7.

Перестрелку и взрыв слышал Христо Станчев. Он слышал их в то самое время, когда на могиле Графа устанавливал маленький, деревянный столбик с вырезанной на нем пятиконечной звездой. Остро защемило сердце в груди.

— Неужели Дима? — подумал Христо.

Несколько минут он сидел у могилы Графа, обхватив голову руками, потом тяжело встал, поднял над головой автомат и нажал пуск. Гулко щелкнул боек. Стрелять здесь было нельзя.

Салют будет потом.

Христо подошел к пещере, забросал вход в нее сеном, заготовленным впрок, по-видимому, здешним лесником, закинул за спину автомат и направился в лощину, где стоял замаскированный танк.

Христо подошел к нему, вынул взрыватели из мины, откинул сплетенные маскировочные щиты из ветвей ельника. Оглядевшись еще раз вокруг себя, нырнул в люк.

На месте механика-водителя Христо сидел уверенно. Конструкцию двигателя «тридцатьчетверки» он изучил давно — спасибо за науку Графу, и управлять танком раньше приходилось также нередко. Но вот быть одному в машине еще не случалось. От всего этого стало как-то неуютно. Он не мог теперь видеть обстановку вокруг танка, не мог произвести ни одного выстрела из пушки во время марша. Перед ним была только смотровая щель водителя. Вся надежда была на гусеницы.

Когда танк вылетел к сосне с раздвоенной вершиной, немцы убирали с полянки последние трупы своих солдат в грузовик, тут же стояли два бронетранспортера и легковая автомашина. Появление русского танка произвело на немцев столь неожиданное впечатление, что они на мгновение буквально остолбенели. Христо не стал гоняться за солдатами. Он заметил, как в легковушку порхнули двое в черных мундирах, и машина помчалась, подпрыгивая на кочках. Христо поддал газу, и танк быстро догнал ее. Он подмял машину под себя, когда она вырुливалась на шоссе. Колонна пехоты бросилась врассыпную, стреляя в танк из автоматов. Танк свернул направо по дороге и помчался в сторону Крестовки.

Некоторое время на шоссе было пустынно.

«Вот сейчас доеду до развилки, — подумал Станчев, — и в лес. А там — по проселку и на базу, нашу тайную и непрístupную базу. Немцам даже при желании будет нелегко найти ее, дороги к ней нет. Мы ведь ездили туда каждый раз окольными путями, которые ни разу не поворачивались».

Возвращаться обратно нет смысла. Там наверху уже ждут — немцы обязательно передали по радио, что на дороге русский танк. Да и впереди тоже, наверно, засада».

Конечно Станчеву было страшно. Но он понимал: пока — пусть совсем недолго — бьется сердце, он будет мстить.

У развилки «тридцатьчетверку», действительно, уже ждали. Перекрыв дорогу, там стоял тяжелый немецкий танк. Обойти его было невозможно. Христо прибавил газу и на большой скорости помчался вперед. Танк уже совсем рядом, вот его пушка выстрелила. Снаряд ухнул по башне, срикошетил. Христо сразу же оглох, но не выпустил из рук рычагов, а, наоборот, сильнее сжал их.

Удар!

На какую-то долю секунды Христо потерял сознание, а когда очнулся, то сразу же ощутил, что танк стоит, двигатель не работает.

Глянул в смотровую щель: дорога была свободна. А где же немец? А вот и он: отброшен в сторону и завалился на борт, его броню уже начинают облизывать едкие языки пламени.

— Кажется, еще живем, — облизнул запекшиеся губы Христо. Он нажал левой рукой на кнопку стартера. Двигатель заработал. Включил первую скорость, танк послушно пошел вперед. И тут какой-то звук резанул слух. Что же это такое? Неужели гусеница разбита? Тогда и меня можно будет тепленьким сразу брать. Однако машина движется. Хотя и скребет гусеницей о борт, но держит. Видно, поврежден кривошип ленивца, — наконец заключил Христо и прибавил скорость. Дорога чиста, и он свернул в лес.

8.

Было уже поздно, но штурмбаннфюрер Вилли Шпринглер еще не ложился отдыхать. До сна ли? Этот проклятый русский танк вновь объявился в его районе. Ему успели сделать засаду, поставили на шоссе своего, которого с таким большим трудом вызвали из резерва. Но и он не стал преградой. Русская машина как сквозь землю провалилась.

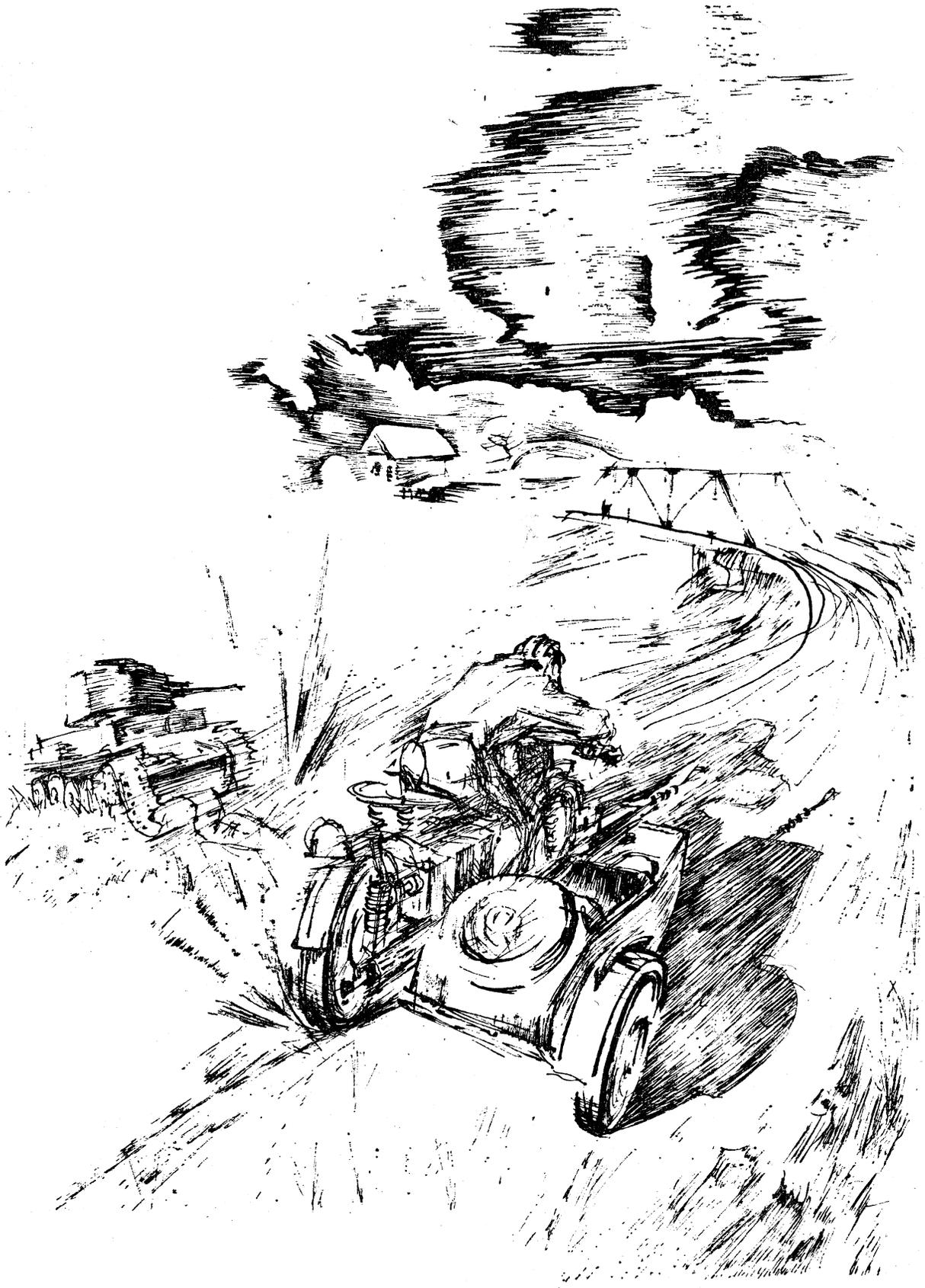
Штурмбаннфюрер выглянул в окно. У дверей госпиталя на другой стороне улицы стоял грузовик. Из него разгружали раненых, уцелевших от гусениц русского танка. Проклятье! Это уже становится невыносимым. Только при одном упоминании о танке его солдат начинает охватывать панический ужас.

Штурмбаннфюрер искал средство, как покончить с неуловимым врагом, и не находил его. Что, если произвести авиаразведку? Не провалился же танк в самом деле под землю? Штурмбаннфюрер решительно взялся за телефонную трубку:

— Мне майора Эгана.

— Слушаю, — донесся до слуха Вилли Шпринглера далекий голос майора.

— Как поживает люфтваффе, герр майор? — вместо приветствия пророкотал в трубку штурмбаннфюрер.

— Прекрасно, Вилли. Даже сверхпрекрасно. Сегодня вогнали в землю трех советских.

— Вот как?! Поздравляю, поздравляю. Следовательно, вы полностью хозяйничаете в небе?

— Разумеется, Вилли. Иначе и быть не может, — самодовольно произнес Эган.

Тут Шпринглер и вернул ему свою просьбу.

...Разведывательный «Ю-88» появился над Новониколаевским лесом, когда солнце только только начало выкатываться из-за дальних, поросших мелким кустарником гор. Вглядываясь в проплывающие под крылом «юнкерса» просеки и старые заброшенные дороги, майор Эган не мог не заметить, что во многих местах земля очень уж обнажена, словно по ней кто-то тяжелым утюгом прошелся, сорвав травяной покров.

«А почему этим утюгом не может быть советский танк?» — подумал майор. И приказал пилоту опуститься пониже.

Самолет кружил над лесом, меняя квадраты поиска один за другим, — майор перечеркивал их на планшете красным карандашом, а танка все не было.

— А если попробовать иначе? — предложил майор пилоту. — Взять один след, в данном случае этим следом может оказаться хотя бы вон та проселочная дорога.

«Юнкерс» сделал разворот и пошел параллельно одной из просек.

Первым «Т-34» увидел пилот.

— Вот он, герр майор!

Танк стоял, уткнувшись стволом в большой черемуховый куст, и совсем был не зеленого цвета, а какого-то невообразимого: то ли серо-черного, то ли желто-зеленого.

Самолет сделал круг. Никакого, даже малейшего движения ни майор, ни пилот не заметили. Танк казался совершенно заброшенным. Эган так сначала и подумал, но тотчас же отбросил эту мысль, как только увидел ведущие к тракам свежие следы.

Когда «юнкерс» приземлился на аэродроме, майор сразу же позвонил штурмбаннфюреру.

— Я полечу с тобой. И десантников прихватчу, — ответил Шпринглер.

И снова «юнкерс» в воздухе. Теперь уже десятки пар глаз внимательно вглядывались в проплывающие под самолетом контуры земли. Увидев силуэт танка, Шпринглер вздрогнул, потянулся всем телом к окну, на губах его заиграла торжествующая улыбка. В следующий миг штурмбаннфюрер махнул рукой командиру десантной группы. Один за другим парашютисты стали вываливаться из самолета. Сам Вилли Шпринглер был не такой дурак, чтобы лезть в неизвестное. Он спокойно наблюдал, как солдаты, освободившись от парашютов, осторожно окружили танк. Вот они приблизились к нему вплотную. Никто в них не стрелял. Вот они уже на броне. И в тот момент, когда Шпринглер уже

хотел подавать команду поворачивать на аэродром, самолет тряхнуло. Шпринглер судорожно схватился за косяк иллюминатора, перевел дыхание и только потом посмотрел вниз. Танка не было. Вместо него лежала гряда металла, обьятая пламенем.

9.

Христо в тот вечер долго сидел около танка, прислушиваясь к звукам остывающего двигателя. С тоской думал о том, что отъездился, что горячего больше нет ни капли, нет ни одного снаряда. Только автомат да «лимонка» без запала, которая если на что и годится, так только гвозди заколачивать. Христо таскал ее с собой в кармане по старой привычке — ничего, даже самый сущий пустяк не выбрасывал, пригодится в хозяйстве.

Незаметно подступила темнота. Маскировать машину Христо не стал с расчетом на то, что немцы легче ее обнаружат. И тогда танк в последний раз послужит ему. Крышку на днище подпер трухлявым пеньком. В обоих случаях при попытке открыть обязательно сработает мина.

В пещеру Христо пришел, когда забрезжил рассвет. Только прикорнул, как тут же подскочил от грохота. Слегка колыхнулась земля, сверху прямо на него сыпался песок. Христо мотнул головой, стряхивая с волос песчинки, потом сел на лежанку, подогнув под себя ноги. Прислушался, было тихо. Затем в тишину начал вплетаться какой-то монотонный звук. Он усиливался, постепенно переходя в рокот. Христо отодвинул копешку сена и высунул голову. Над лесом летел «юнкерс». Он летел так низко, что чуть не касался верхушек деревьев. Станчев отпрянул назад в пещеру, словно лётчик мог заметить его.

Когда рокот удалился, Христо выбрался наружу, прихватив автомат. Было раннее утро, и Христо сразу промок до колен. Кое-где в ложбинках плавал легкий туман. На какое-то время мелькнула мысль, что сейчас в Варне золотое лето, жара, поспевают фрукты, но Христо тотчас же заглушил в себе эту мысль. Совершенно один, без друзей, без помощи, один в глубоком вражеском тылу. Теперь ему будет в тысячу раз труднее доставать оружие, боеприпасы, одежду, питание.

А утро разгоралось. Ожил в лесу разногolosый птичий хоровод, завели нескончаемые трели поздние кузнечики, поползли куда-то по житейским делам муравьи. Жизнь шла своим чередом, жизнь продолжалась, и Христо был в ней той маленькой песчинкой, которая вносила в эту жизнь определенный смысл.

В воздухе неожиданно запахло гарью. Христо замедлил шаг, пошел осторожнее, ступая как можно мягче в траву. Гарь стучалась, и Христо почувствовал в ней запах каленого металла и

жженой резины. Так горящий лес не пахнет, так может пахнуть только горящий танк. Танк! Как же это он сразу не догадался. Ведь это же «тридцатьчетверка», его «тридцатьчетверка»! Неужели немцы все-таки обнаружили ее? «Точно обнаружили», — сказал самому себе Христо, связав догадку с пролетевшим «Ю-88».

Подойдя совсем близко, Станчев услышал стон. Он осторожно раздвинул ветви можжевельного куста, закрывавшего выход на поляну, с краю которой стоял «Т-34», и осмотрел ее. Вместо танка дымилась груда развалин. Тут же лежали тела немцев. Их было немного, около десятка.

— Эсэсовцы, — определил Христо по черной форме. По губам его пробежала усмешка, он был доволен. Доволен тем, что фрицы попались на его хитрость.

Застонал немец, вроде кого-то позвал. В Станчеве боролись два противоречивых желания. Он хотел подойти к немцу, посмотреть, тяжела ли его рана, может, помочь ему. А внутренний голос спрашивал: разве это человек?

Верх взяло первое желание. Но в ту секунду, когда он уже собрался пересечь поляну, из кустов вышли еще двое в черном. Они подошли к раненому. Один, повыше ростом, вытащил пистолет и выстрелил. На поляне, казалось, повис вопль обреченного.

— Звери! — выдохнул в ненависти Станчев. — Какие звери! Убить своего, без жалости, жестоко! — он потянул на себя автомат.

— Так не будет и вам прощенья.
Очередь была короткой.

В пещеру Христо в тот день так и не вернулся. Было очень тоскливо и одиноко на душе, а сырая ночь в каменном логове только добавила бы в сознание танкиста несколько сумасшедших бессонных часов. И Христо пошел туда, где он мог еще сражаться, уничтожить врага.

Глубоко в лес немцы не решались заходить. Христо уже знал это. Он шел к дороге открыто, не опасаясь ни засад, ни минных полей. И только вблизи места, откуда отчетливо прослушивался шум двигающейся на восток техники, пошел осторожно. Перед его глазами вдруг возникли туманные образы матери и нареченной невесты Веселинки. Что с ними, живы ли?

...Он не помнил, сколько прошло времени с того момента, когда прогрохотал последний грузовик. Была уже ночь. Медленно оседала на траву и листья поднятая с дороги пыль, скрипел на зубах песок, в ушах все еще стояла песня, которую, машина за машиной, горланили немецкие солдаты: «Германия, Германия превыше всего...»

— Проклятая песня, проклятая страна! — зло хрустел песком на зубах Христо, пробираясь кустами вдоль дороги.

Еще там, на поляне, у остова сгоревшего тан-

ка, он подумал, что неплохо бы пробраться в Мо-настырки или Крестовку. Сейчас снова вспомнил об этом и решил, что лучшего места для боевых действий ему не найти. Может, удастся угнать мотоцикл, грузовик или, чего доброго, танк. На лесной дороге немцы не так беспечны. В селе — другое дело.

Перед рассветом он вышел к реке. Христо сразу узнал речку, мост — тот самый мост, по которому с боем прорывались в лес.

Через мост Станчев идти поостерегся, хотя на нем не было даже часовых. Но кто знает, как могут сложиться обстоятельства? Вдруг — немцы, грузовик или полицейский патруль? Река была неширокой, да и глубины средней. Христо перешел ее вброд у излучины, где берега настолько заросли ивняком, что в них можно было спрятаться не одному человеку.

Он некоторое время постоял в кустах, отжимая на теле все то, что осталось от комбинезона, несколько раз присел, размахивая руками — все вокруг говорило о наступающей осени, и ночами было уже прохладно. Потом, проверив еще раз трофейный «шмайсер», бесшумно пробрался к огородам Крестовки. У плетня задержался, прислушиваясь. Кое-как раздвинув засохшие ивовые прутья, Христо протиснулся в щель и оказался в картофельной ботве. Пока заделывал щель, прошло еще минут тридцать. Потом он лежал и его не покидало странное чувство того, что чего-то не хватает в селе, но чего? Потом дошло: ни собачьего лая, ни пенья петуха! Видно, всю живность перебили немецкие войки.

Из-за крыши ближнего дома выкатилось солнце; Христо, выжидая, вырыл несколько картофелин, тихонько схрумкал их.

Село оживало. До его слуха доносились гор-таные голоса, бряканье ведер, вот где-то на улице протрещал первый мотоцикл. Ждать до ночи Христо не решался. Стоило ли? Уж если рисковать, так днем, в гуще врагов. Так, он считал, легче можно достичь желаемого.

Он прополз к самому забору, обросшему коноплей, принял к щели. Улица была безлюдна, и почти рядом стояли три мотоцикла.

Христо многое бы отдал за то, чтобы знать, есть ли хоть в одном мотоцикле ключ зажигания. Без него нечего и пытаться угнать машину. А машина — нужна. Как-то привык Станчев чувствовать себя увереннее, имея дело с надежной техникой. Надеяться на оплошность какого-нибудь водителя нельзя. Христо был наслышан о немецкой педантичности и аккуратизме еще в Болгарии. Нужно действовать только наверняка. И такой случай вскоре представился.

В тот день рано утром штурмбаннфюрера Шпринглера разбудил настойчивый гудок зуммера.

— Да, это я,— еще не проснувшись, прохрипел в трубку Вилли.

— Проснитесь же, вы, наконец, штурмбаннфюрер! — рявкнула в ухо рассерженная трубка.

— А в чем дело? С кем я разговариваю?

— Я вам уже битых десять минут разъясняю, что я майор Эган.

— А-а-а. Как поживает люфтваффе?

— Мне не до разговоров о нашей жизни, герр штурмбаннфюрер, выслушайте меня внимательно.

— Ну, слушаю, — недовольно протянул Шпринглер.

— В Витебск прибыл командующий воздушной армией генерал Бертольд фон Бартлинг...

— Меня он совершенно не интересует, — перебил майора штурмбаннфюрер. Как всякий уважающий себя эсэсовец, он терпеть не мог представителей других родов войск и даже презирал их.

— Да погодите вы со своим красноречием! — рассердился вконец майор Эган. — Его приезд касается только нас двоих.

— Да?!

— Так вот, — продолжал майор Эган, — близкий генералу человек — адъютант майор Крушпиль, а это мой старый приятель. Он и шепнул мне, что у генерала директива 12/63, которая обязывает в кратчайший срок уничтожить советский танк, затерявшийся в местных лесах. Как видите, слухи о танке шагнули далеко...

— Да, но танка-то уже давно нет.

— В том-то и дело. Как вы не догадываетесь, что из этого случая можно извлечь выгоду?!

— А ведь вы правы, майор, черт побери! Значит, к генералу?

— Я пришлю за вами машину.

— Не нужно, у меня во дворе стоит первоклассный «хорьх», и я сейчас заеду за вами.

Черная лакированная машина вырулила на пустынную улицу села в сопровождении двух мотоциклистов и помчалась в сторону аэродрома, через некоторое время она вернулась обратно на ту же самую улицу в том же сопровождении. В машине сидели двое.

— Как вы считаете, — спросил майор Эган, — что мы можем получить за этот русский танк?

Штурмбаннфюрер промолчал. Он давно уже не был дома, соскучился по семье. Но на отпуск сейчас трудно рассчитывать. Война в России идет уже более двух месяцев, а победного конца, как обещал фюрер, не видно. А если крест? То же было бы неплохо. Но лучше, конечно, крест с дубовыми листьями.

«Хорьх» свернул в проулок, и тут Шпринглер увидел, как из-за плетня вымахнул какой-то человек. Коротко хлестанула очередь по мотоциклистам. Штурмбаннфюрер не успел даже свернуть в сторону или затормозить, как в глаза ему

ударил что-то ослепительно яркое. Последнее, что он услышал, были слова майора Эгана.

— У каждого своя судьба...

«Хорьх», потеряв управление, вильнул вправо и уперся радиатором в угол большого пятистенного дома. Тонюсенко задрезжали оконные стекла в рамах. Один из мотоциклов перевернулся, но все еще тархтел. Христо, бросив автомат на землю, схватился за коляску мотоцикла, поднатужился. Но мотоцикл качался и никак не хотел вставать на колеса, мешал убитый немец. Христо оглянулся, с дальнего конца улицы бежали солдаты.

— Черт! — выругался он, поднял с земли автомат и полоснул по бегущим, по окнам домов, из которых выставились заспанные физиономии ничего пока не соображающих немецких солдат, и метнулся ко второму мотоциклу, уткнувшемуся передним колесом в плетень. Водитель мотоцикла от удара пули опрокинулся на спину, и Христо столкнул его наземь. По коляске одна за другой ударили очереди, в лицо и глаза Христо брызнули мелкие осколки окалины и краски. Христо еще раз выругался и всадил последние пули в окна дома, из которого открыли огонь.

Отбросив пустой «шмайсер», Христо схватился за мотоцикл, развернул его и прыгнул в седло. Еще несколько очередей взметнули землю вокруг него. Не обращая на это внимания, Христо направил мотоцикл в безлюдный проулок и дал газу. Мотоцикл с треском вылетел на шоссе, ведущее к мосту. Откуда-то выскочил шальной немец, испуганно шарахнулся прочь. Христо пролетел мост и в этот момент в спину что-то дважды ударило, прошло через грудь. Он сразу почувствовал, как намок комбинезон, закружилась голова.

— Ах, ты! — подумал он. — Вот это совсем некстати.

Христо летел по дороге, выжимая из мотоцикла все. Было еще утро и птицы только просыпались в лесу. Но Христо не слышал птичьей разноголосицы. И в лес с дороги свернул не от сознания, что надо свернуть, а скорее интуитивно.

У него хватило силы загнать мотоцикл в пещеру и замаскировать вход. Потом он, уже еле волоча ноги, залез в коляску и ухватился руками за пулемет.

«Если обнаружат, — мелькнула мысль, — то еще могу стрелять...»

Христо жил еще несколько часов, то теряя сознание, то снова приходя в себя. С потолка в дальнем углу пещеры падали капли да у входа в пещеру шевелил пряди сена ветерок. В эти последние свои часы, достав чудом сохранившиеся в нагрудном кармане листки бумаги, он принялся писать:

«18 августа 1941 года.

Прошу мое письмо, если кто его найдет, передать по адресу:

В КОПИЛКУ ЛЕНИНИАНЫ

Наталья
ЧАПЛИНА

Варна, Болгария, Веселине Властовой.
Здравствуй, Веселинка, родная моя!
Теперь я уж точно знаю, что встретиться нам не суждено. Несколько дней назад похоронили механика нашей «девятки» Владимира Графа. Был в экипаже еще пограничник Дмитрий Скворцов, из Сибири, с берегов Байкала, — ушел в разведку и не вернулся. Нашего танка теперь уже не существует, и я один в сырой пещере с раной в груди.

Сейчас не помню, как ты выглядишь. Когда уезжал из Болгарии, то ты была совсем еще девочкой. С того времени прошло шесть лет. И я не жалею, что оказался в России и на ее земле сражался с фашистами. Я знаю твердо, что в ближайшее время на болгарскую землю придет освобождение именно от русских. Они не оставят нашу солнечную Болгарию в беде.

Обнимаю крепко тебя. Уверен, что ты будешь любить еще, у тебя будут прекрасные дети. Но заклинаю — в день Победы вспомни и обо мне, советском воине из Болгарии, нашедшем свое последнее пристанище на белорусской земле.

Твой Христо Станчев.»

ЭПИЛОГ.

Над лесом и над рекой прогремел ружейный залп. В небо взметнулись, галдя и недоумевая, сотни птиц. С высоты своего птичьего полета они с удивлением долго всматривались в грушу людей, застывшую у большого бетонного обелиска. «Слава танкисту и его друзьям, приблизившим своим бессмертным подвигом Победу», — было написано на нем.

...В болгарских лесах близ Копривштицы стоит также высокий гранитный обелиск бойцам партизанской бригады «Чавдар». На нем среди многих имен значится имя Веселины Властовой.

*Иркутск — София — Копривштица
1977—1978 гг.*

Это было когда Рубанов со следопытами из совета юных искровцев Ленинградского Дворца пионеров ходил на Гатчинскую улицу, к племянницам Л. М. Книпович — известной большевички, соратницы Владимира Ильича Ленина. Юлия Николаевна Книпович тогда обмолвилась:

— В этом голубом кресле любил сидеть Владимир Ильич... А за тем вон столиком, что в углу, собирались члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — на совещания, которые проводил Ильич...

Ребята запереглядывались: выходит, этим вещам цены нет?! Гостеприимные хозяйки рассказали, что они вывезли все это из старой квартиры на улице Колпинской, где не раз бывал Ленин. Значит, они уцелели в годы войны, их уберегли от блокадных печек?!

Оказавшись на улице, искровцы решили тотчас же идти в Ленинградский филиал Музея В. И. Ленина. Музей начал переговоры с хозяйками, и в конце концов вещи оказались в фондах. Когда на Колпинской откроется новая квартира-музей Ленина, они займут там места, на которых стояли в давнее-давнее время.

Итог работы последних лет ленинградского следопыта С. А. Рубанова — книга «Красная папка», недавно вышедшая в Лениздате. На ее титульном листе значится: «Рассказы о петербургских годах Владимира Ильича Ленина». Рассказы эти ведут нас по пути поиска новых памятных мест, связанных с Лениным, в Ленинграде и его окрестностях, знакомят со сподвижниками Ильича, его знакомыми. Повествуя о них, автор вносит новые штрихи в биографию вождя, помогает понять истоки его человечности, искренности, убежденности.

За каждым фактом, штрихом в этой книге стоит поиск, участниками которого были и остаются ученики Рубанова: в свое время это был совет искровцев, теперь — учащиеся Рахьинской школы. Сколько они сделали находок! Не известные до сей поры ленинские памятные места... Уникальная коллекция подлинных фотографий Владимира Ильича и его родных, нигде не публиковавшихся... Местонахождение дачи в Парголово, где Александр Ульянов оборудовал подпольную химическую лабораторию, готова взрывчатку...

...Несколько лет подряд ребята Рубанова отправляются на каникулы в поселок Лыкошино. Раньше он назывался Валдайкой. Там, в сосновом бору, в 1896 году спрятала Надежда Константиновна Крупская ящик со шрифтом, уцелевшим после разгрома подпольной лахтинской типографии. В «Красной папке» Рубанов рассказал, при каких обстоятельствах в этот ящик попала не известная пока рукопись одной из ранних работ Владимира Ильича. Этот тайник и разыскивают ребята.

Этим летом Рубанов снова едет на Валдай вместе с нынешними семиклассниками Рахьинской школы. А уже выросшие, взрослые искровцы тоже решили участвовать в экспедиции. Кое-кто даже возьмет в поход своих детей...

Педагогика коллективной

увлеченности

**Эдуард
ГРИШИН**

Рисунки
А. Банько

Э. А. Гришин долгие годы работал сельским учителем, а затем директором школы-десятилетки в одном из районов Коми АССР. Написанная им статья основана на документальном материале, изменены лишь некоторые фамилии.

Ныне Э. А. Гришин — доктор педагогических наук, проректор Владимирского педагогического института.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ИВАНУ АНДРЕЕВИЧУ ЯРЦЕВУ — ПРИНЯТЬ ШКОЛУ — БЫЛО НЕОЖИДАННЫМ. ОН ДОЛГО ОТКАЗЫВАЛСЯ, СЧИТАЯ СЕБЯ НЕ ПОДГОТОВЛЕННЫМ К ЭТОЙ ОТВЕТСТВЕННОЙ РОЛИ. НО КОГДА ЕГО ПРИГЛАСИЛИ НА БЮРО РАЙКОМА ПАРТИИ И ВОПРОС О НАЗНАЧЕНИИ МОЖНО БЫЛО СЧИТАТЬ РЕШЕННЫМ, ОН СЕРЬЕЗНО ЗАДУМАЛСЯ: «С ЧЕГО ЖЕ НАЧИНАТЬ?»

СЕКРЕТАРЬ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, УЖЕ НЕМОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, ПРОШЕДШИЙ ВОЙНУ, ОТВЕТИЛ ТАК: «Я ПЕРЕЖИЛ НА СВОЕМ ВЕКУ МНОГО ДИРЕКТОРОВ. ВСЕ ОНИ НАЧИНАЛИ ПОЧТИ ОДИНАКОВО. ВЫБИРАЛИ СЕБЕ НОВОЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ КАБИНЕТА, ПРИОБРЕТАЛИ И РАССТАВЛЯЛИ НОВУЮ МЕБЕЛЬ, МЕНЯЛИ КВАРТИРУ. НЕ НАЧИНАЙТЕ С ЭТОГО! МОЖЕТ, ЛУЧШЕ ВООБЩЕ НИ С ЧЕГО НЕ НАЧИНАТЬ. ПРИСМОТРИТЕСЬ К ЛЮДЯМ, А ТАМ РЕШЕНИЕ САМО ПРИДЕТ».

ИВАН АНДРЕЕВИЧ ВНЯЛ СОВЕТУ. ПОСЕЩАЛ УРОКИ, БЕСЕДОВАЛ С ЛЮДЬМИ... ВСЕХ УДИВЛЯЛО, ЧТО НОВЫЙ ДИРЕКТОР НЕ ВЫСТУПАЕТ НА СОБРАНИЯХ, НЕ АНАЛИЗИРУЕТ УРОКИ, НЕ ИЗДАЕТ СРОЧНЫХ РАСПОРЯЖЕНИЙ И СТРОЖАЙШИХ ПРИКАЗОВ...

А ЧЕРЕЗ ПОЛТОРА МЕСЯЦА СОСТОЯЛОСЬ ПАРТИЙНОЕ СОБРАНИЕ. ДОКЛАДЧИК — ИВАН АНДРЕЕВИЧ. ЕСТЕСТВЕННО, ВСЕХ РАЗБИРАЛО ЛЮБОПЫТСТВО: О ЧЕМ БУДЕТ ГОВОРИТЬ МОЛОДОЙ ДИРЕКТОР?

В ДОКЛАДЕ БЫЛО БОЛЬШЕ ВОПРОСОВ, НЕЖЕЛИ

ОТВЕТОВ. «ТО, ЧТО МЫ ДАЕМ ПРОЧНЫЕ ЗНАНИЯ УЧАЩИМСЯ, — ЭТО ХОРОШО. А КТО БУДЕТ УЧИТЬ НАШИХ ДЕТЕЙ ЖИТЬ И РАБОТАТЬ? КТО ПОДУМАЕТ О БУДУЩЕМ СЕЛА? ЧТО ТЕПЕРЬ, ЗА РАБОТНИКИ В КОЛХОЗЕ — СТАР ДА МАЛ? НАБРАЛСЯ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ГРАМОТЫ И УЖЕ ВОСТРИТ ЛЫЖИ В ГОРОД. НЕТ ЛИ И НАШЕЙ ВИНЫ В ЭТОМ? МНОГО ЛИ ВЫПУСКНИКОВ ОСТАЛОСЬ В КОЛХОЗЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ?»

ТАК, ЗАДАВАЯ ВОПРОС ЗА ВОПРОСОМ, ИВАН АНДРЕЕВИЧ ПРИШЕЛ К ГЛАВНОМУ ВЫВОДУ: ЗДРАВСТВУЮЩАЯ ПЕДАГОГИКА «СЕЗОННОГО» ТРУДА УСТАРЕЛА. ТРУД В УЧЕНИЧЕСКОЙ БРИГАДЕ МАЛО ПРИВЛЕКАТЕЛЕН, ТАК КАК ВСЕ ПРИХОДИТСЯ ДЕЛАТЬ ВРУЧНУЮ, ВЫПОЛНЯТЬ ПОДСОБНЫЕ РАБОТЫ. НУЖНО СОЗДАВАТЬ ШКОЛУ ТРУДА, НОВУЮ ПО ФОРМЕ И ПО СОДЕРЖАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. А ЧТО ЕСЛИ ПОСАДИТЬ РЕБЯТ НА ТРАКТОРА И МАШИНЫ, И НА ПРАВАХ ХОЗЯЕВ РАБОТАТЬ В КОЛХОЗНОМ ХОЗЯЙСТВЕ? А ЧТО ЕСЛИ ЗАМАХНУТЬСЯ НА ЕЩЕ БОЛЬШЕЕ — СОЗДАТЬ ШКОЛЬНУЮ МТС?

ГУДЕЛО ВЗВОЛНОВАННОЕ СОБРАНИЕ. ВЗВЕШИВАЛИ «ЗА» И «ПРОТИВ», НАКОНЕЦ, ДРУЖНО ПРОГОЛОСОВАЛИ ЗА ШКОЛЬНУЮ МАШИННО-ТРАКТОРНУЮ СТАНЦИЮ.

ПОСЛЕ СОБРАНИЯ — БУДНИ. И ГЛАВНОЕ — ТЕХНИКА. ЛЕГКО СКАЗАТЬ — ДОСТАТЬ МАШИНЫ. А ГДЕ? ЕСЛИ ЧТО И ДАЮТ ШКОЛЕ, ТО ЛИШЬ ТО, ЧТО ДОШЛО, КАК ГОВОРЯТ, ДО «ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО» СОСТОЯНИЯ. РЕБЯТА И ТАК НАТАСКАЛИ НА ШКОЛЬНЫЙ ДВОР ВСЯКОГО МЕТАЛЛОЛОМА: МОТОЦИКЛ М-72 БЕЗ МОТОРА И КОЛЕС, ГАЗ ММ — МАШИНУ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ И ДАЖЕ ТРАКТОР КД-35, БЕСПРИЗОРНО СТОЯВШИЙ МНОГО ЛЕТ ЗА УСАДЬБОЙ РАЙОННОЙ МТС. У НЕГО И ГУСЕНИЦ-ТО НЕ БЫЛО.

Похитители автомобиля

Пятиклассник Володя Панюков, сын председателя райисполкома, под большим секретом сообщил ребятам, что скоро на базу райпотребсоюза придут три новеньких автомашины ГАЗ-93. Не прошло и двух дней, как вся школа знала об этой новости. Гонца за гонцом шлют ученики к Ивану Андреевичу с этим важным сообщением в надежде, что директор обрадует их и скажет — одна из машин будет приобретена для школы. А если откажет? На этот случай у ребят был составлен план операции по похищению автомобиля.

В утро одного из воскресных дней посты, которые были расставлены Валерием Курьидкашиным, доложили о прибытии техники. Операцию надо было начинать немедленно.

Дежурил на базе в тот день дед одного из учеников. Внуку и поручили отвлечь внимание старика. Чтобы бесшумно увести машину со склада, ребята должны были, не заводя двигателя, на веревках вытянуть ее. Расстояние до школы чуть ли не полтора километра. Тянуть машину нужно по глубокому снегу. Надо было спешить, потому что пропажу могли обнаружить. Быстро организовали ребят из школьного интерната на очистку дороги от сугробов, и через час машина была на школьной усадьбе. И когда казалось, что все уже сделано, возникло тревожное чувство: а как среагирует на их выходку директор?

Появился директор на школьном дворе неожиданно. Встретили его ребята в смутении. А вдруг он скажет: «А ну, ребята, давайте немедленно машину обратно на базу». Директор обошел автомобиль, сел в кабину, по сигналу, проверил сцепление и тормоза. Все с тревогой ждали.

«Валерий! Организуй дежурство ребят около машины до утра», — распорядился директор и ушел.

Утром, не без участия председателя райисполкома, которому во всех подробностях было доложено об операции по похищению автомобиля, по счету были перечислены деньги в банк. И закончилась операция тем, что Ивану Андреевичу был объявлен выговор на заседании исполкома за непедагогические действия. Так или иначе, а дело свершилось — совершенно новенькая машина стала собственностью школы.

В скором времени еще одна добрая весть облетела школу. Директор большой МТС Декабрист Александрович безвозмездно передал своим юным коллегам гусеничный трактор ДТ-54. Петя Власов и Гелий Выборов доставили его на своем ходу в маленькое, но уже растущее хозяйство.

Ходоки к министру

Для Ивана Андреевича было неожиданностью предложение ребят направить в Москву ходоков к министру сельского хозяйства СССР.

Аппетит у ребят был большой. В письме они просили трактора ДТ-55, МТЗ-8, ДТ-14 со всеми прицепными орудиями, два мотоцикла и «летучку» для оперативного ремонта. Прочитав обоснование, Иван Андреевич лишь добавил, что учащиеся хотят создать первую в стране школьную МТС и берут на себя обязательство в три года возместить стоимость техники.

Командировать в Москву решили девятиклассника Гену Политова, парня надежного и хорошо знающего технику. Маленький риск в этом был: отправить одного и так далеко. А вдруг что случится? Ведь не сносить головы!

Иван Андреевич вспомнил, как он сам в сорок втором двенадцатилетним мальчишкой убежал на фронт. Втайне от родителей и учителей пятиклассники готовили к походу самодельное оружие, одежду, продукты и

в один из сентябрьских дней пешком за две тысячи километров отправились в Москву.

Полтора месяца добирались ребята до фронта и дошли. «Не случилось же ничего тогда с нами», — подумал Иван Андреевич и уже решительно сказал: «Пусть едет: до Кнежногоста на машине, а там на поезде — прямо в Москву!»

Вечером, за день перед отъездом Гены Политова, ребята собрались в кабинете директора, чтобы обговорить все детали. Еще раз обсудили письмо министру сельского хозяйства СССР, под которым подписались даже малыши.

Провожали Гену всей школой; и когда посадили его на попутную машину, Иван Андреевич подумал: «Ученику, да еще из такой глухой деревни — не откажут! Даже у министра не хватит смелости отправить Гену обратно ни с чем».

В конце второй недели на имя директора пришла телеграмма: «Техника отгружена, дополнительно дали электростанцию 25 квт».

В этот день все ходили в школе именинниками. А как же? Все подписались под письмом. И каждому казалось: не будь его подписи, кто знает, какое бы принял решение министр сельского хозяйства?

Как оказалось, в первый день Гену не приняли и сказали, что с такими просьбами министр не принимает вообще. Тогда он решил ежедневно ходить в приемную как на работу и высиживал там до конца рабочего дня. О нем, видимо, и не докладывали. И вот в один из дней уже второй недели с ним поговорила женщина. Узнав о его просьбе, удивилась, но все же попросила все бумаги, с которыми он приехал.

К концу дня его пригласили в кабинет. За столом сидело человек десять солидных мужчин. Первым заговорил министр: «Значит, решили создать МТС? А хватит силенок?» Гена не растерялся и выпалил: «Мы уже ее создали, только на списанных тракторах много не напашешь, нам бы поновее что-нибудь. Неужели у вас в министерстве не найдется для нас трех тракторов?»

Все заудбалались. О чем-то сразу заговорили. Гена уже не помнит этих минут.

...Когда пришла техника, перед ребятами встала новая проблема: где ее разместить? Выручил случай. С окончанием лесоразработок на ближайшем участке леспромпхоза освободились гаражи и мастерские. Витя Кудряшев выведал у своего отца, директора леспромпхоза, все подробности и рассказал ребятам и Ивану Андреевичу. Если помещения разобрать по бревнышку и сплавить материал прямо к школе (школа близко стояла от реки), то совсем небольшие расходы потребовались бы на строительство. Райком партии дал «добро».

И вот случилась беда, которая чуть не сорвала все начинания. Во время строительства гаража двое мальчиков из второго класса, бегая по срубам, упали на бревна и крепко ушиблись. Произошло это вечером, когда все работы уже были закончены и на строительстве никого не было. Сторож, конечно, был, но кто его знает, где в это время он ходил.

Ивана Андреевича затаскали по судам и прокуратурам. В эти дни он осунулся, потемнел, мало с кем разговаривал. Прокурор ему припомнил все: ранение одной девочки при выгрузке удобрений, о несчастном случае с Володей Поповым на сенокосе. «И вот еще две «жертвы» ваших экспериментов, дорогой директор», — уже с издевкой процедил прокурор.

Хоть Иван Андреевич был сильным человеком, но в эти минуты думал про себя: «А не бросить ли все это к черту? Кто его знает, что еще завтра случится?»

Прокуратура перед районом поставила вопрос о его освобождении от должности. «Подать самому заявление и уйти? Нет. Надо бороться. Бороться не за должность, а за школу, детей!» — решил Иван Андреевич.

Вместе с секретарем партийной организации договорились пойти к первому секретарю райкома и поговорить по душам. Ошибок наделано, конечно, много. За

них надо нести партийную ответственность. Секретарь слушал и того и другого не перебивая. Крепко поругал за промахи и повел разговор о делах школьной МТС.

«Я не педагог, но понимаю, что линию вы взяли верную. Не забывайте главного: школа должна готовить детей к жизни, труду. В районе у нас нет профтехучилищ, поэтому вам решать задачу подготовки механизаторов для хозяйств района. Вот мой сказ», — постукивая карандашом по столу, уже категорично сказал секретарь райкома.

Рождение МТС

Пришло время организационно оформить школьную МТС. Увлеченные серьезным делом, ребята решили по примеру большой МТС создать такие же отделы, как у них. Директором избрали Гену Политова (он же главный поставщик техники!). Главного инженера, главного механика, заведующего мастерскими, заведующего гаражом подобрали из числа тех, кто первыми организовывал МТС.

После того как «разобрали» должности, надо было создавать учебно-опытное хозяйство. Поручили это Валерию Курыдкашину — однофамильцу председателя колхоза «Родина».

И опять началось с заминки. Председатель колхоза Семен Петрович не верил в ребят, не верил, потому что за эти годы ученики ни одного дела не довели до конца. Единственно, где можно было использовать ребятнюю силу, так это на сборе колосьев и прополке. «А тут на тебе, МТС, — с иронией говорил председатель, — дай нам землю! У нас и так ее мало!»

И все-таки, не устояв против многочисленных просьб, председатель обещал закрепить за школой гектаров 250—300. Договор с колхозом заключили на обработку ста гектаров пашни и двухсот гектаров лугов по заготовке сена. Совет малой МТС просил председателя колхоза считать школьников самостоятельной бригадой. Согласно на это им было дано, хотя у Семена Петровича было, конечно, много сомнений: осилят ли дети весь объем работ в необходимых сроки, управятся ли самостоятельно с техникой, не оторвут ли школьников от учебы эти большие колхозные дела?

Первой проверкой был предстоящий весенний сев. Пока шла агротехническая учеба старшекласников, совет МТС разрабатывал план сельхозработ. Иван Андреевич учил их тому, чтобы все было вначале разыграно на бумаге: рассчитан семенной материал, количество необходимых удобрений, расстановка техники и людей. По предложению Валеры Курыдкашина совет МТС с согласия педсовета принял решение прервать учебу старшекласников на десять дней, определенных колхозным правлением для проведения всех весенне-полевых работ.

Первые дни показали, что совсем не просто работать по-настоящему. Погода на севере не балует людей. Ребята стали заметно отставать от календаря. Хотя техника работала исправно, много приходилось делать вручную. Это и сдерживало темпы. Ежедневно проводимые летучки школьных механизаторов и звеньевых проходили все тревожнее и тревожнее. Пришлось организовать двухсменную работу. Это оказалось решающим. Сев был завершен в две недели. Это была уже победа. Семен Петрович вручил ребятам переходящий вымпел, три бидона молока, а также конфеты и печенье.

Теперь надо было ждать всходы, летом пропалывать. Прополку поручили младшекласникам, объединенным в звенья. Старшекласники же отправлялись на сенокос и заготовку силоса.

Всех волновал будущий урожай. Какой он будет? Лучше или хуже, чем в остальных четырех колхозных бригадах?

Урожай вышел хорошим, и большая заслуга в этом малышей, так как они все лето возились на полях своей бригады.

День урожая был большим праздником для всей школы. Группе учащихся вручили путевки на ВДНХ, а школе колхоз подарил комплект новых духовых инструментов.

Летние лагеря

В лагерях все начиналось с неудач. При выгрузке доставленной водой техники ребята утопили трактор ДТ-14. Пришлось косьбу начинать вручную. Пока ремонтировали машину, начались дожди. Ребята от безделья начали баловаться.

Вывел всех из себя Филиппок-девятиклассник (он очень маленького роста, поэтому так его и звали). Он устроил скачки на лошадях, на которых рано утром надо было косить. Обсуждение его поступка на собраниях бригады встряхнуло всех. Больше всего горевал Филиппок — его решили отправить из лагеря домой. Как ни просил ребят пощадить, бригада была неумолима. Пришлось подчиниться.

Косили в любую погоду. Сушили траву на кустах и деревьях. Только на вторую неделю выпали хорошие дни. Ребята работали почти без отдыха. Засыпали, как мертвые, но в четыре утра дежурный снова всех поднимал. Косить по росе было намного легче.

Хотя лагеря находились километрах в ста от села, связь была постоянная. Регулярно привозились почта, продукты, приезжала с концертом агитбригада. Ребят навестил председатель колхоза и только что приехавший с международного фестиваля молодежи Иван Андреевич. Они поздравили ребят со вторым местом в колхозе по заготовке кормов.

И все-таки скептики не утихали. Многим почему-то казалось, что ребячья демократия подрывает дисциплину, ведет к расхлябанности. Особенно это проявилось на бюро райкома партии. Докладывал заведующий районо Петр Степанович. Растягивая фразы, дважды повторяя главное, монотонно говорил он о школьных делах в районе. Слушали его плохо. Но когда было упомянуто имя Ивана Андреевича, зашевелился заведующий отделом финансового обеспечения, реплику бросил прокурор. Петр Степанович не ждал черных красок. Первый секретарь был вынужден бросить реплику: «А что, в районной школе ничего хорошего нет?»

«Есть, есть, — поспешил ответить заведующий районо, — но...» Впрочем, он тут же «закруглился», поскольку регламент выступления закончился. Заведующий райфо в прениях вспомнил о краже автомобиля, о нарушениях сметы. Прокурор в мельчайших подробностях стал рассказывать о недавней краже дизтоплива группой старшеклассников. Лишь вопрос председателя райисполкома Михаила Михайловича Панюкова: «Для каких целей было использовано украденное дизтопливо?» — несколько охладил пыл прокурора.

Иван Андреевич сидел и обреченно думал: «Как странно бывает в жизни. Делаешь даже невозможное для школы, и все оборачивается против тебя. А не лучше ли спокойно жить: ходить на службу, работать по старинке, побережь себя...»

Прервал его мысли первый секретарь. Он конкретно и дельно говорил о задачах школы района. Неожиданно для присутствующих похвалил энтузиазм, смелость директора, с намеком прочитал объяснительную записку директора МТС Гирляндина Декабриста Александровича о «краже» школьниками дизтоплива. «Правильно сделали ребята, что взяли без накладной 200 литров, иначе бы техника школы простаивала. Нашей вины здесь больше. С января мы безвозмездно выделим школе 900 килограммов дизтоплива, 300 килограммов бензина и 50 килограммов масла. Пусть дети учатся и работают».

Секретарь весьма категорично сказал в заключение: «Школе надо помогать не словами, а делом. Есть предложение одобрить работу коллектива по созданию малой МТС».

...Не так уж неожиданно директор пришел к мысли: общая увлеченность детей делами МТС таит в себе возможности для решения многих других проблем обучения и воспитания.

Педагогика активной деятельности, когда каждый находится в зависимости друг от друга, когда от участия каждого зависит общее дело,— вот что определяет лицо школы, стиль ее жизни, а следовательно, и решение если не всех, то многих воспитательных проблем.

Неужели не ясно руководителям района, что не количеством мероприятий определяется лицо школы, не высокой успеваемостью (меньше 99,5% ее уже ни в одной школе нет), не парадными рапортами, а созданием атмосферы общей увлеченности и заинтересованности детского и педагогического коллективов конкретным делом. Не по принципу ли цепной реакции строится вообще воспитательный процесс?

И ребята словно угадали его мысли. Школу всколыхнул новый призыв: «Даешь трехлетку!» Ребята предложили трехлетний план развития школы: построить спортивный зал, озеленить территорию, провести капитальный ремонт основного здания, оборудовать летний лагерь, установить радиоузел... Директор и учительский коллектив отнеслись к идее сдержанно: на какие деньги? Какими силами? Заготовить и сплавить лесоматериалы старшеклассники смогут, сумеют провести его распиловку. А вот построить?

Прежде чем утвердить трехлетку, посоветовались с родителями и шефами. Шефы выделили мастеров по руководству школьной строительной бригадой.

И началось... Надо было видеть энтузиазм детей. По примеру школьников на стройку вышло все село. К началу августа спорткорпус был уже под крышей. Все с нетерпением ждали открытия, которое было приурочено ко дню рождения школы (он ежегодно отмечался 15 сентября).

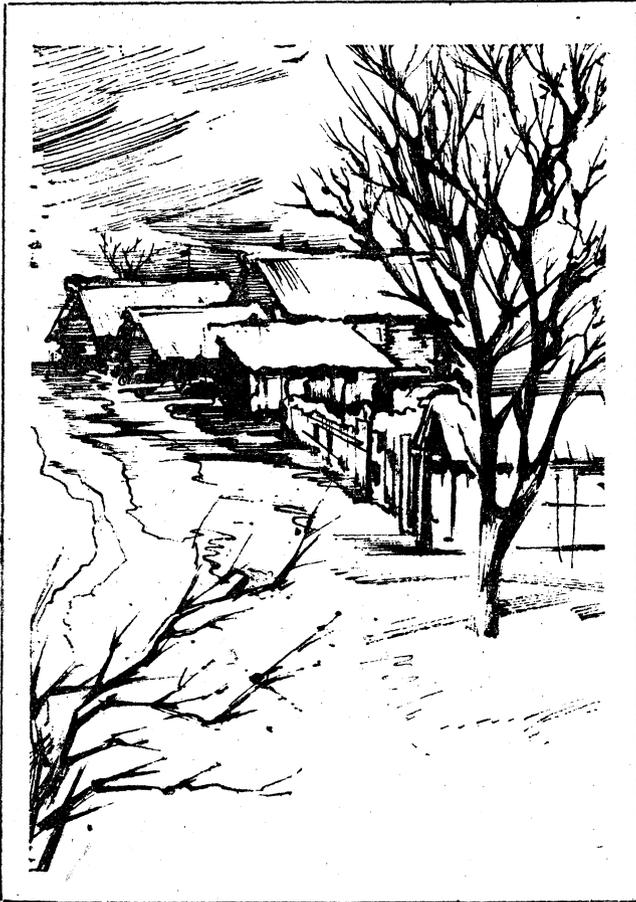
Перспектива рождала у учащихся удвоенную энергию. Педагогам же видны были в этих трудовых делах не только запланированные стройки, но и рождение новых отношений, характеров мужающих детей.

В воспитательной работе, как и в любом другом деле, важен результат. Иван Андреевич понимал, что главный выход всех затей не только в том, чтобы «на большом интересе» организовать труд детей, и даже не в том, чтобы дать им возможность овладеть сельскохозяйственной профессией, а психологически и нравственно подготовить их к мысли — по окончании школы остаться работать в родном селе.

Всеми этими годами школьной жизни, трудовыми делами детский коллектив был подготовлен к выбору своего будущего. Выразилось оно в письме, которое опубликовала газета «Молодежь Севера»: «Всем классом в колхоз!» Точнее, пошел в колхоз не один класс, а все три выпускных. Пусть не каждый из 72 определил свой выбор с охотой, но иначе не мог поступить ни один из них. Сложившийся годами тон, стиль жизни сформировали общественное мнение, которое урегулировало поведение молодежи в самые ответственные моменты своей жизни.

Прошли годы...

Валерий Курыдкашин — директор совхоза, Геннадий Политов — начальник районного агрономического объединения, Ростислав Павлинов — секретарь райкома партии, Валентина Курыдкашина — бессменный бригадир молочнотоварной фермы, Михаил Афанасьев — кандидат наук... Да разве перечислишь всех! У каждого — своя биография. И начиналась она в колхозе с символическим именем «Родина».

● Иванова из Ивановки

Давно был отбой в детском доме. Спят старшие — глухая ночь, спят малыши. И только нянечка ходит, поднимает по очереди тех ребятишек, которых будит каждая ночь. Проходя мимо зала, куда накануне завезли пахучую смолистую елку, каждого приподнимет, чтобы малыш заглянул и... увидел. Наутро счастливицы будут наперебой рассказывать своим товарищам:

— Дед Мороз елку украшал, в шапке, с бородой... Я сам видел!

В ивановском детском доме, руководит которым заслуженный учитель РСФСР Раиса Алексеевна Иванова, много хороших традиций. Ежегодно в день и час, когда Александр Матросов, бывший воспитанник детдома, совершил подвиг, ребята принимают в комсомол. В день рождения героя нынешние воспитанники детдома несут в музей аппликации, рисунки, закладки для книг — подарки для старшего брата, для Саши... На каникулы ребят отправляют к шефам, работникам машиностроительного завода имени Володарского, семьи которых тепло принимают маленьких гостей. Шефские связи возникли еще во время войны. Тогда не было автомобильного моста, рабочие добирались до детдома на поезде, а зимой — по льду, на лошадах; везли в подарок ручки, альбомы, варежки.

И подсобное хозяйство завела Раиса Алексеевна Иванова. Своя ферма обеспечивает детдом молоком, сметаной и почти полностью — мясом, да еще и доход дает в десятки тысяч рублей! Многие делают директор и коллектив для того, чтобы в детском доме ребята чувствовали себя как дома. А главное — это атмосфера сердечности, доброты, желание как можно больше сделать детям приятного, радостного.

Вот и под каждый Новый год кто-нибудь из воспитателей наряжается Дедом Морозом и украшает ночью елку, а потом всем детям раскладываются под подушки подарки. Так что не спростонок почудился ребятишкам Дед Мороз в праздничном зале посреди ночи...

Ульяновская область

● Елка 1941-го

Операция «Новый год» — так назвали этот поиск следопыты знаменитого музея «А музы не молчали» ленинградской школы № 235. Поиск был объявлен в честь сорокалетия блокадной елки, и стал он путешествием в декабрь сорок первого года.

...Спустя всего несколько лет ленинградцы недосчитаются многих тысяч горожан, которые погибнут от голода в блокаду. Но в ту лютую зиму, когда начинался этот горестный отсчет, в штабе обороны, в Смольном, было принято решение: провести для детей новогодние елки.

Тысячу елок привезли шоферы, несмотря на нехватку бензина. Из глубокого тыла по «Дороге жизни» были доставлены гостинцы, в числе которых оказались даже мандарины для самых маленьких. Игрушки для елок почти везде были самодельные, пригласительные билеты писались от руки. В театрах, Дворцах культуры, Домах пионеров взрослые старались угостить детей: в буфетах — стаканом воды с добавкой клюквенного экстракта, в столовых — хотя бы супом, заправленным мучнистой смесью...

Одной из первых в ту зиму зажглась елка Пушкинского театра, которую организовали работники театра музыкальной комедии. Дедом Морозом был на ней Борис Дмитриевич Таубе. Он превзошел себя в тот праздник, заставив ребят развеселиться и забыть обо всем на свете...

● В партизанском лесу родилась елочка

В конце ноября 1943 года командиру партизанской бригады Константину Дионисевичу Карицкому донесли: через деревню Воробьево фашисты гонят в детский концентрационный лагерь около тридцати советских детей в возрасте от трех до семи лет. Дан был приказ — отбить детей и доставить в партизанский лес. На выполнение задания пошли добровольцы-разведчики, было оно опасным: рядом с «детским приютом» находился большой вражеский гарнизон.

Но разведчики сумели тихо и бесшумно вынести из домов спящих детей.

В партизанском лагере ослабевших ребятишек кормили, как тяжелораненых бойцов, и к Новому году поставили на ноги.

Срубил партизаны в лесу елку. Суровые взрослые люди вырезали снежинки из бумаги, делали из бинтов и ваты гирлянды, пустые гильзы приспособляли под елочные украшения. Из партизанских пайков для гостинцев откладывали сахар.

А Дедом Морозом на елке был сам партизанский комбриг Карицкий...

Об этой истории разузнали следопыты Красносельского района Ленинграда. Рассказали о нем их друзья — ветераны 5-й партизанской бригады. Дети жили в лагере несколько месяцев, лишь в конце февраля удалось вывезти партизанский «детский сад».

● Клуб боевой славы «Данко», членами которого являются рижские школьники, сумел помочь родственникам многих советских воинов, погибших при освобождении латвийской земли. «Здравствуйте, дорогие ребята! Долгие годы мы ищем место, где погиб отец...» — с таких писем, как правило, начинается поиск, который клуб ведет уже шестнадцать лет.

● В музее дружбы народов Халданской средней школы в поселке Евлах Азербайджанской ССР хранятся рисунки, чеканка, вышивки — поделки, выполненные ребятами со всех концов страны. У стен музея разбита аллея дружбы, деревья в ней посажены руками школьников разных национальностей. А розы, выращенные азербайджанскими ребятами, цветут во дворах школ Подмоскovie, Грузии, Украины, Латвии.

● «Это было в сердце моем» — так называется сборник очерков, вышедший в Ленинградском отделении издательства «Детская литература». Очерки рассказывают о делах красных следопытов, благодаря которым нынче становятся известны факты, до сих пор не раскрытые ни журналистами, ни писателями, ни военными историками.

● Интересных людей приглашают к себе на встречи члены клуба-музея «Поиск» при Дворце культуры Брянского машиностроительного завода. В гостях у них побывали член партии с 1927 года Ф. Ф. Шорин, М. М. Скворцова, в первые годы Советской власти работавшая воспитателем трудовой колонии, бывший военный разведчик В. А. Заболов и другие.

ПОЛУЧИЛА ПАСПОРТ... ГОРА

По сравнению с миллионлетней геологической историей горы, названной именем нашего журнала — «Уральский следопыт», ее общественная история — всего несколько мгновений. Но уже сложилась маленькая хроника событий. Напомним о них.

Лето 1979 года. Первовосхождение на безымянную вершину, расположенную между верховьями рек Правый Вангыр и Правый Парнук, в Исследовательском крае Приполярного Урала. Его совершила под эгидой журнала группа свердловских туристов во главе с мастером спорта по туризму, действительным членом Географического общества СССР В. Г. Карелиным.

Весна 1981 года. Совет Министров РСФСР принял предложение Академии наук СССР и постоянной Междугосударственной комиссии по географическим названиям о наименовании вершины.

Июль 1982 года. Группа туристско-школьников из уральского города Карпинска поднялась на «Уральский следопыт».

Зима 1982 года. Студенты Свердловского горного института впервые поднялись на вершину зимой.

Лето 1983 года. Свердловские геологи Владислав Чесноков и Борис Бороздин подняли на гору памятную металлическую доску и установили ее там.

Вот пока и все. Но, конечно, хроника горы через зное число лет станет гораздо богаче. И сделают ее такой туристы, следопыты...

А сейчас — интервью с Владиславом Чесноковым, который нес на вершину памятную доску с рельефным изображением символической фигурки следопыта.

— Когда мы в редакции передали вам из рук в руки доску, она не показалась такой уж тяжелой... А как там, в горах? Потяжелела?

— Мы прилетели в верхнее течение реки Вангыр на вертолете, оказавшись в сорока километрах от горы. Шли с Борисом на вершину почти два дня, с ночевкой. И на перевале плита стала тяжелой...

Оказались на самой вершине в одиннадцать часов вечера. Однако было светло, полярный день позволил заснять этот момент.

— Как вам вид с вершины?

— Прежде всего, мы не ожидали, что там такие мощные скалы. Отвесные стенки — двести-триста метров. Обычно такое можно увидеть где-нибудь на Памире или в Тянь-Шане. А внизу в озерах плавают лед, он лишь недавно отошел от берегов, хотя был уже июль — середина лета. Можно добавить: с горы «Уральский следопыт» открывается дикий горный пейзаж, безо всяких следов человеческой деятельности. Ради такого впечатления стоит идти в северные горы!

— Кого вы встретили в пути?

— На Вангыре, на речном берегу, как памятник, стоял сохатый... Похоже, зверь совершенно непуганый. Повстречали и туристов — из Ярославля.

— Что можно принести на память из похода к горе «Уральский следопыт», кроме замечательных впечатлений?

— Кому повезет, может найти другу горного хрусталя... Но больше хотелось бы призвать к иному: заповедного не тронь! Не тронь, например, рыбу в нерестовых реках. Будь также осторожнее с огнем. Вообще, думай о том, как на туристской тропе принести минимальный ущерб природе. Счастливого пути и доброго сердца тем, кто войдет в чистые просторы Севера!

Разговор об экологически безопасном туризме на Севере продолжает первовосходитель на вершину горы «Уральский следопыт» Владислав Георгиевич Карелин:

— Экологически обоснованный туристский маршрут... Что это такое? Культурные туристы ныне думают не только о том, как пройти по маршруту, чтобы больше получить при этом впечатлений, но и учитывают ранимость окружающей среды. Три «Т» губят природу: техника, технология, туризм. Да, и туризм в этом ряду! Наиболее посещаемая и ранимая земля — долины. Там растения, рыбы, птицы, зве-

ри. Среди них есть редкие, исчезающие. Там, в долинах, леса, страдающие от шального огня. Хорошо, если туристские потоки пойдут также и выше. Урал — это почти среднегорье. И не обязательно иметь альпинистскую сноровку, чтобы пройти по горам Приполярья. Преимущество хождения по горам? Нагрузка здесь приличная. Обзор — великолепный. Кто-то скажет: «Идти вверх — холодно, неуютно». Все это окупается эстетическим наслаждением от увиденного! Считаю: кто ощутил очарование горным пейзажем, намагничивается этим надолго. После похода в горы (говорю о себе) повышается работоспособность. Зная об этом, сознательно иду в горы. Среднегорье — самый благодатный этаж земли, по которому полезно ходить.

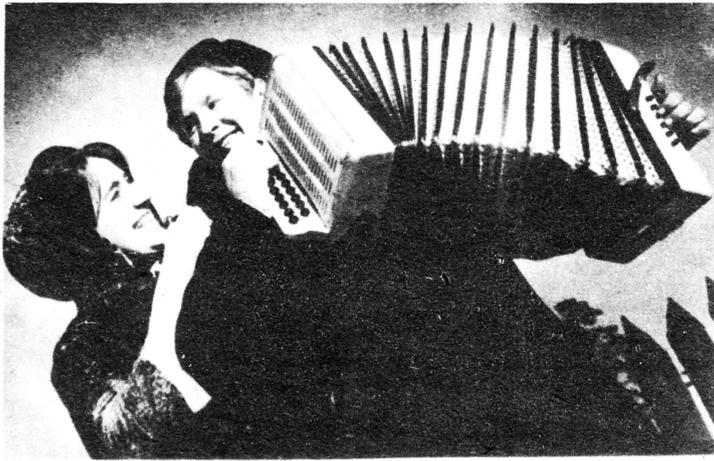
Безымянная гора Приполярного Урала названа именем «Уральского следопыта». В этом есть и такая практическая польза для туристов: чем больше поименованных вершин, тем легче проложить маршрут, такие вершины — вехи, ориентиры, реперные точки. Еще: когда горе дается имя, готовится описание географического района. Этими новыми сведениями тоже могут пользоваться путешественники.

Итак, наша гора получила паспорт. Это металлическая доска с текстом: «Пик «Уральский следопыт». Утверждено Совмином РСФСР 14 мая 1981 г. Первовосхождение — 10.VIII.79 г.»

На снимках (см. 1-ю стр. вкладки): Записки и вымпел горвосходителей, снятые с вершины; Борис Бороздин крепит паспорт горы «Уральский следопыт»; базовый лагерь.

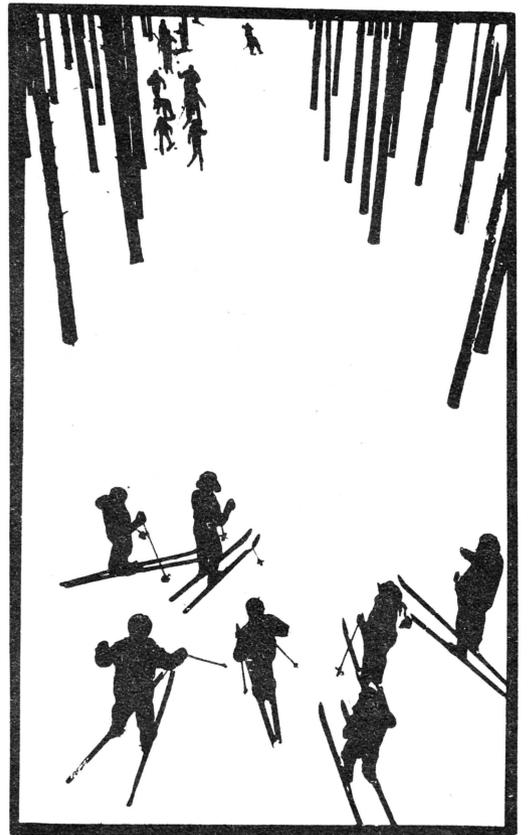
Снимки
А. Лыськова и В. Чеснокова

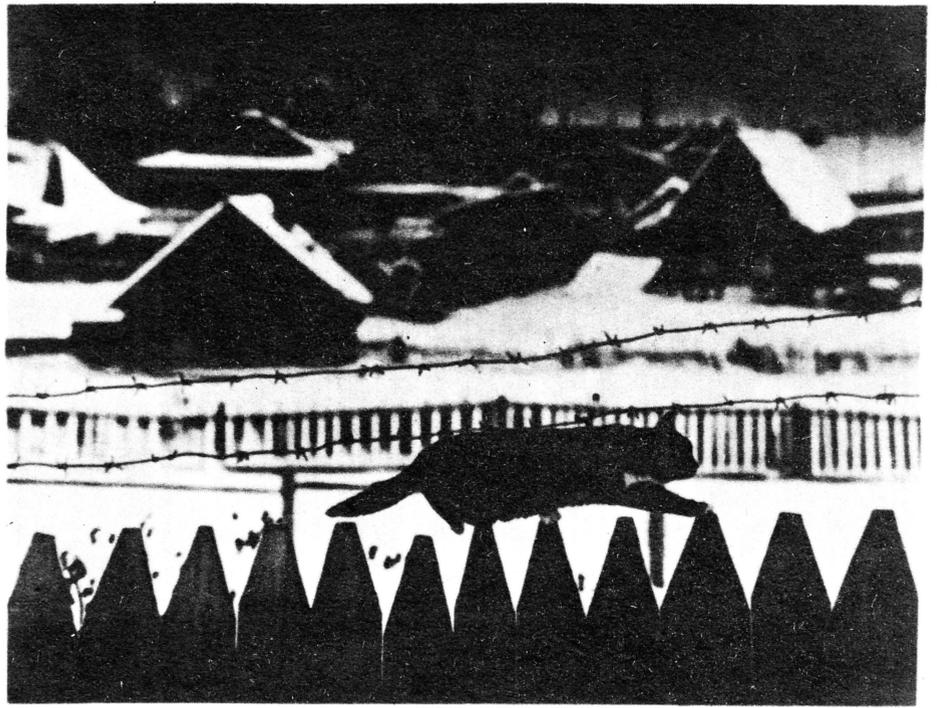

СНЕЖНАЯ ГРАФИКА

Фото Александра Лысякова

ПРАЗДНИК

ЛЕТА

В СТАРОГОРСКЕ

Владислав
КРАПИВИН

Рисунки
Е. Стерлиговой

Повесть

Часть первая

ДЕНЬ ЗНАКОМСТВ

Я бегу, я тороплюсь

Опять я опаздывал. И все из-за нее, из-за тети Вики.

— Никуда не пойдешь, пока не доешь морковку!

Я эту третью морковку со сметаной ненавижу каждым кончиком нервов. У меня от нее судороги в горле. Но тетя Вика знает одно: ребенку нужны витамины.

— Да не могу-у я-а-а...

— Не капризничай. Ты что обещал маме, когда она уезжала?

Что я обещал! Слушаться тетю Вика и бабушку. Но это же не значит, что можно издеваться над человеком!

— У меня не глотается!

— Ты дольше споришь. Давно бы уже доел и гулял.

Я остановил дыхание, зажмурился и сглотал морковь тремя судорожными рывками. И метнулся из-за стола. Следом крик:

— Геля, стой! Куда ты побежал! Не смей купаться у моста, там глубоко! Почему у тебя сандалии на босую ногу, это неприлично! Надень носочки! Во сколько ты вернешься? Гелий, остановись!

Но я только добавил скорости. Потом скажу, что на бегу этих возгласов не слышал...

Я знал: сейчас тетя Вика высунется в окно, чтобы криком остановить меня у калитки. Поэтому с крыльца кинулся к забору. Там сложены дрова для старого нашего камина и стоит будка Дуплекса. Я на будку, на поленницу, на кромку

В ЭТОМ НОМЕРЕ МЫ НАЧИНАЕМ ПУБЛИКОВАТЬ ВТОРУЮ ПОВЕСТЬ ИЗ НОВОЙ ТРИЛОГИИ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА. (ПЕРВАЯ ЕЕ ЧАСТЬ — «ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ» — ПЕЧАТАЛАСЬ В ПРОШЛОГОДНИХ №3—5 НАШЕГО ЖУРНАЛА). СЛЕДУЕТ СКАЗАТЬ, ЧТО У НОВОЙ ПОВЕСТИ — САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ СЮЖЕТ И СВОИ ГЕРОИ, С ПЕРВОЙ ЧАСТЬЮ ТРИЛОГИИ ОНА СВЯЗАНА ЛИШЬ КОСВЕННО.

— КОГДА ЖЕ БУДУТ РЕШЕНЫ ВСЕ ЗАГАДКИ И ЗАВЕРШЕНЫ ВСЕ СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ? — СПРОСИЛИ МЫ АВТОРА.

— РАЗУМЕЕТСЯ, В ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ, — ОТВЕТИЛ ПИСАТЕЛЬ. — ОНА НАЗЫВАЕТСЯ «МАЛЬЧИК И ЯЩЕРКА». Я ЗАКАНЧИВАЮ РАБОТУ НАД НЕЮ...

забора, а оттуда — у-ух! — вниз, в лопухи Коленчатого переулка.

Тетушка поторчит в окне, пожмет плечами и по трескучей от старости лестнице поднимется в бабушкину комнату.

— У меня опускаются руки, Вера Матвеевна. Это не мальчик, а сплошная ачомалия. Как хотите, но я уверена, что от слов пора переходить к решительным мерам.

— Я с вами совершенно согласна, Виктория Георгиевна, Игорь ни о чем не думает, кроме этой своей скважины, и совершенно забывает о сыне. А мать потекает Гелию во всем.

Потом они сдержанно вздохнут, закурят длинные сигареты «Леда», от которых воняет жидкостью для ванн ванных комнат, и будут долго разговаривать о моем воспитании... Они в чем-то очень похожи друг на друга — моя бабушка (папина мама) и тетушка (папина двоюродная сестра). Обе ужасно воспитанные, даже друг друга называют по имени и отчеству, будто не родственники, а дамы в гостях. Только бабушка старая, а тетя Вика... ну, еще не очень. Даже замужем не была...

Обо всем этом я думал машинально, а ноги работали на полную скорость. На бегу я вскинул к носу руку с часами. Часики были старые, еще папа носил их, когда был студентом. Бледные электронные цифры еле мерцали на черном экранчике. Но я разглядел, что до девяти осталось шесть минут.

Я кинулся вниз по Старогорскому переулку, по бульжникам, которыми была вымощена дорога еще в давние докосмические времена. Но тут же пришлось затормозить: навстречу, занимая всю ширину переулка, полз автобус. Он был похож на оклеенный рекламами дирижабль. В таких приезжают экскурсанты осматривать монастырь и другие древности. Я нырнул в щель между монастырской стеной и забором, над которым висели крупные, почти созревшие яблоки.

Придется шпарить через сад. Если увидят хозяева и накапают тетушке, будет еще один разговор о моем поведении. Но это — вечером. А Юрка-то ждет уже сейчас...

Я пустился вдоль забора к знакомой лазейке... А, ч-черт! Дыру закрывали новые желтые доски.

Теперь оставалось одно: по спуску до болотистой речки Пестрянки. Через нее переброшены жерди. Если только мальчишки с Библиотечной улицы не дернули их на свой берег. Когда у них игра в индейцев, они убирают переправу...

Ура, переправа на месте! Я влетел на тонкие жерди со всего хода, без всякого страха — лишь бы скорее! — а они, подлые, запружили под ногами, запрыгали и разъехались. Хорошо, что уже у того берега.

Ноги ушли по щиколотку в ил и по колено в воду. Но я рванулся и через осоку выбрался на сухое место.

И снова вперед! Начался подъем. По склону холма вилась тропинка, но я кинулся напрямик — через траву-лебеду и «бабкины бусы». Это такое растение, вроде бурьяна. К середине лета оно подсыхает, и на верхушках появляются семена, похожие на сморщенные черные бусины. Очень твердые. Когда бежишь в зарослях «бабких бус», кажется, что по ногам стреляют сушеными ягодами. Будто сто человек спрятались в кустах и лупят по тебе из стеклянных трубок. Это, конечно, если быстро бежишь.

Я так и бежал сперва. Сандалии разбухли и стали скользкие внутри, но я мчался вверх, будто вниз. Однако скоро закололо в боку. Воздух стал пролетать мимо рта — не вдохнешь. Я перешел на шаг. Выбрался на тропинку. И по ней уже добрался до плоской макушки холма.

Здесь я остановился, чтобы чуточку передохнуть. Но и... по правде говоря, не только для этого. Когда я оказываюсь на этом холме, то всегда на минутку останавливаюсь. Даже если очень тороплюсь. Потому что мне нравится смотреть на город.

Он совсем небольшой, наш городок. Ну и что? Я за это его и люблю. Нисколько не хотел бы жить в столицах или в Поясе городов. Это тетушка Вика постоянно стонет: «Ах, как там чудесно! Ах, гостиные со встроенными стереовизорами! Ах, кухни с окном линии заказов! Ах, монорельсовое сообщение...»

Зато ни у кого там нет камина с настоящим огнем. И таких откосов над рекой там нет, и пустырей, где можно играть, как в диких джунглях, и разводить костры. И нет в этих громадных городах никаких загадок и тайн, только причесанные парки да стеклянные домища. А у нас один монастырь чего стоит! Сейчас там музей, а раньше, говорят, жили монахи. Специальные такие люди, чтобы молиться богу. Но они этим занимались в мирное время, а если кто-нибудь нападал, монастырь превращался в крепость и мона-

хи сражались, как обыкновенные солдаты. Для этого у них было много всякого оружия, а под стенами подземные ходы, чтобы делать вылазки на врагов.

Мы лазили по дальним закоулкам монастыря и видели остатки этих засыпанных ходов. А в прошлом году мальчишки из нашего класса откопали у стены старинную пушку с непонятными буквами и узорами на стволе...

Вот так... А монорельсовая дорога нам тоже ни к чему. Город можно от края до края пробежать за полчаса. Вот он, почти весь виден отсюда. Со старинными колокольнями, со сверкающими зеркалами энергокомплекса, с разноцветными крышами, с зелеными тучами садов. С белыми куполами обсерватории, где когда-то работал мой дедушка. Высокие дома Западного микрорайона сверкают на солнце, как ледяной барьер Антарктиды. Между прочим, дома эти ничуть не хуже, чем в Поясе...

А большая река — то серебряная, то темно-синяя — плавно огибает холмы, на которых лежит город. Говорят, миллионы лет назад холмы были настоящими горами, но потом осели, состарились. Может, из-за этого нашему городку и дали такое имя — Старогорск. Раньше он назывался еще понятнее — Старые Горы. У станции и сейчас такое название.

Вот она, станция, близко. Двухэтажный желтый домик, башенка с часами, красно-синий поезд у перрона. А дальше пустые запасные пути и на самом дальнем — наш с Юркой вагон...

Ой, а ведь Юрка-то ждет!

Я кинулся вниз по склону — опять сквозь стреляющие «бабкины бусы». И тут вдруг: «Пи-и-и, пи-и-и, пик!» Два длинных сигнала и короткий! Это из репродуктора на станционной башне.

Что? Ровно девять?

Я ошарашенно глянул на часики. Там — 08.57. Вот какая же я балда! За неделю не собрался положить часы на солнце, подзарядить. Конечно, теперь отстают...

Юрка презрительно дрогнет щекой и скажет: «Ну что, Копейкин, не можешь без этого...»

— Эй, Копейкин! Ну-ка, подойди!

Я завертел головой: откуда этот жестяной голос?

Позади, на голой макушке холма — решетчатая вышка ретранслятора. Слева уходят вниз окраинные заросли городского парка. Справа — заросший могучим репейником пустырь. На нем заброшенные сарайчики. Такие приземистые, что над репейником видны только прогнувшиеся крыши.

— Копейкин! Тебе говорю!

На ближнем сарайчике лежал Ерема. Он распахнул на животе мятые железные створки, выдвинул из себя и раскинул веером блестящие элементы солнечной батареи. Заряжался. А квадрат-

ную башку повернул ко мне и смотрел зелеными, как у кошки, глазами.

— Чего? — боязливо спросил я.

— Ну, подойди. Разговор есть...

Ерема был беглый и беспризорный. Лет пять назад он удрал с городской выставки юных техников.

Говорят, его сделали в каком-то кружке электроники из всяких отходов. Запихали в голову несколько старых калькуляторов, а промежутки между ними забили микрочастицами памяти от списанной диспетчерской машины «Кристалл-М». Сбежал Ерема не сразу. Сперва он вел себя как обычный послушный экспонат: здоровался, решал первоклассникам задачки и раздавал посетителям открытки. Но однажды вечером, когда посетители разошлись и Ерема смиренно сидел в уголке, уборщица уронила ему на голову тяжелый таз. В Ереме включилась какая-то музыка, потом он закричал, примолк и вдруг сказал уборщице слова, какие порядочный робот не только говорить, но и знать не должен.

Уборщица пожаловалась директору выставки. Тот пригрозил Ереме, что в наказание отключит от сети. Ерема сказал, что больше не будет. А ночью он вмонтировал в себя аккумуляторы и солнечные элементы, выпилил дверной замок и ушел. И начал вольную жизнь.

В Старогорске Ерема сразу прославился как хулиган. Он ходил с самодельной жестяной гитарой и хрипло пел пиратские песни из фильма «Галеон идет из Картахены». За Еремой толпой ходили ребята. По их просьбе он танцевал и пускал из ушей маленькие молнии. Но это не самое главное. Сторожа в парке заметили, что по ночам Ерема разбивает гипсовые статуи. Всяких там физкультурников, купальщиц и стариков с золотыми рыбками. Тут уж Еремой занялась милиция. Хотели его размонтировать. Ерема не дался. Сказал, что не имеет права: он живое мыслящее существо. Ему объяснили, что мыслящие существа так себя не ведут. Ерема опять пообещал, что больше не будет.

После этого он исчез на год или два. Одни говорили, что уехал в Нейск и работает экскурсоводом в Техническом музее. Другие, что он тайно живет в подвале городской библиотеки и по ночам глотает книжную премудрость.

Когда Ерема снова появился на улицах Старогорска, он вел себя не так нахально. Но родители и бабушки все равно запрещали ребятам с ним водиться. Мальчишек, если они грубили и не слушались, называли «еремами».

Ерема не бездельничал. Зимой вместе с дворниками (живыми и автоматическими) он убирал с улиц снег, а летом сидел у входа в парк и чистил всем желающим обувь. Дворникам он помогал бесплатно, а за чистку башмаков требовал

мелкие деньги. На эти деньги он покупал всякие радиодетали. Для своих внутренностей. А еще он покупал табак.

Да, представьте себе, Ерема курил! Он объяснял, что этим способом прогревает себе нюхательный аппарат. Иначе говоря, блок обоняния.

Мальчишкам, которые с ним знакомились несмотря на запреты, Ерема дарил механических мышей (чтобы дразнить кошек) и электронные пищалки. Отливал из олова маленьких рыцарей и пистолетики. Но к себе домой Ерема никого не приглашал. Говорили, что живет он за городом, на большой городской свалке.

Я с Еремой не был знаком. Наверно, потому, что я не очень решительный. Другие подбегут: «Ерема, привет! Ерема, как дела? Ерема, сделай мыша!» А я только издали поглядывал.

Но Ерема-то, оказывается, меня знал!

Я неуверенно подошел. Ерема втянул в брюхо солнечную батарею, захлопнул дверцы и запер их на проволочный крючок. Потом сел. Свесил с крыши ноги. Ноги были из железных толстых трубок, с резиновыми гармошками на коленях. На одной ноге старый валенок, на другой большущая футбольная бутса. Руки — тоже из трубок с гармошками на сгибах, а ладони и пальцы — из черной пластмассы. Туловище похоже на шкаф из некрашеной жести, а голова — угловатая, как почтовый ящик. Рот широченный, губы из пористой резины. Раздвигал их Ерема только, чтобы сунуть мундштук, а говорил он через динамик на груди.

Нос Ереме сделали из оранжевого мячика с двумя дырками-ноздрыми. А точнее, из баллончика детской клизмы, засунутого острым концом внутрь головы. Глазами служили зеленые индикаторы от старинных ламповых приемников.

Этими индикаторами Ерема и смотрел на меня. Не поймешь, как смотрел: то ли по-хорошему, то ли с насмешкой.

— Да ты не бойся, — сказал он с хрипотцой.

— Я и не боюсь, — хмуро сказал я. — Просто удивился: откуда ты меня знаешь?

— Я всех знаю, — ответил Ерема с горделивой ноткой. — Память-то электронная. — Он похлопал себя по гулкой голове.

— Электронная, а не знаешь, как меня зовут, — сердито отозвался я.

— Ко... пейкин...

— Сам ты Копейкин! Меня зовут Гелька!.. То есть Гелий. Потому что мой дедушка был астрономом, он солнце изучал!

Ерема, видать, смутился. Сморщил резиновый нос, хрюкнул им.

— Я думал, Копейкин — это фамилия...

— А фамилия — Травушкин.

Ерема нерешительно покачал ногой в бутсе.

— Почему тогда «Копейкин»?

— Потому что дураки придумали,— буркнул я.

Три года назад в летнем лагере была игра «Взятие крепости», и нас, маленьких, старшие ребята записали в разведчики. И все так хорошо было сначала, я к самой крепости подобрался, но там вдруг меня схватили и вытащили из травы. И хохочут: «Мы еще издали видели, как ты ползешь. Голова-то блестит на солнце, как новая копейка!»

С тех пор и приклеилось: Копейкин да Копейкин. У меня и правда волосы такие, с медным отливом. Вернее, с латунным. Особенно, когда постригусь ежиком.

Но при чем тут Копейкин? Такое дурацкое прозвище, будто дело не в волосах, а в том, что цена мне одна копейка...

Ерема прыгнул с крыши в репейник, с треском шагнул ко мне сквозь стебли. Он был с меня ростом, но гораздо шире.

— Ладно, Ко... Травушкин.— Он виновато помигал индикаторами.— Дураки, они... ты на них тыфу. У меня дело к тебе.

— Что за дело?— важно спросил я и обрадовался: теперь у моего опоздания уважительная причина. Скажу Юрке: Ерему встретил, о делах говорили.

— У тебя случайно нет старого лампового приемника?— спросил Ерема и переступил валенком и бутсой.— Тут у меня в потрохах одна лампа сгорела. Теперь оглох на левое ухо, и в затылке ломит. Пакостно так...

— Разве ты не на транзисторах?— удивился я.

— Во мне всего хватает. Собирали-то, можно сказать, из утиля. Я в себе кое-что заменяю потихоньку, а для этой лампы никак не отыщу транзисторного эквивалента. Замаялся... Может, найдется приемник?

— Ты заранее знал, что найдется, или наугад?— спросил я.

— Есть?!— обрадовался Ерема.— Я не знал. Я логически. Думаю, у Ко... у Травушкина дом старинный, на чердаке, наверно, всякого барахла хватает.

Дом у нас, правда, старый, еще при дедушкиных родителях построен. Маленький, но двухэтажный, с четырехскатной крышей, под которой просторный чердак. С высокими березами у окошка моей комнаты. Я его люблю, наш дом...

— Так и быть,— вздохнул я.— Поищу тебе приемник.

— Милый,— проскрипел Ерема и часто замигал зелеными глазками.— Я тебя до самой переплавки не забуду...

— Да ладно,— смутился я.— Только ты ко мне за ним не ходи. Понимаешь, тетка у меня... Я сам принесу тебе.

— Вот спасибо! Ты сегодня, как выберешь времечко, принеси в свой вагон, а я вечером приковыляю, заберу.

«И про вагон знает!»— подумал я и даже испугался.

Но Ерема успокоил:

— Я про что знаю, про то молчу, ты не сомневайся. Во мне, как в сейфе... Значит, что? До вечера?

— Ага. Я побежал. Пока!

— Пока. Ко... ой, Травушкин. Это у меня из-за той лампы сбой в контактах...

Орден Алого Шиповника

Станция Старые Горы совсем заглохшая. Грузовые составы по нашей линии почти не ходят, потому что больших строек поблизости нет. Товары возят фургонами. Пассажирские поезда проскакивают два раза в сутки: утром и в три часа дня. Да и то почти пустые. Людям больше нравятся рейсовые электробусы или речные экспрессы. А на станции тихо. Только воробьи галдят в траве среди нагретых рельсов.

Через рельсы можно бежать без опаски. Разве что дежурный закричит или начальник станции.

...Старенький товарный вагон стоял в тупике за станционной водокачкой. Лебеда и «бабкины бусы» скребли макушками по ржавым колесам. Это был наш с Юркой вагон. Мы первые догадались, что он не нужен никому, кроме нас.

Здесь мы хранили наше оружие для мушкетерских игр, фонарики, запас сухарей (на всякий случай), надутые автомобильные камеры, чтобы плавать на них, и всякое другое имущество. И, конечно, удочки. Зачем их таскать домой, если от вагона до реки ближе, чем от дома?

Но сегодня мы собрались не на реку, а на старый затопленный карьер. Юрка узнал от кого-то, что прошлой весной лаборанты из института рыбоводства выпустили в карьер мальков.

— Просто так, ненужных,— говорил он.— А теперь они вымахали вот в таких карпов.

В рассказы про «вот таких» карпов я не верил, карьер был у черта на рогах, тащиться туда мне вовсе не хотелось. Но Юрка и не спрашивал, хочу я или нет, сказал, что пойдем, и точка. Еще он объяснил, что рыбачить надо, пока на воде лежит тень от обрыва. К полудню она уйдет, поэтому надо прийти на карьер пораньше. Договорились встретиться у вагона в девять. Теперь я безнадежно опаздывал. Конечно, у меня уважительная причина, но все-таки...

А если разобраться, почему я боюсь? Сам не знаю. Эта привычка осталась у меня еще с той поры, когда Юрка «делал из меня человека».

С Юркой мы познакомились в прошлом году. В нехороший для меня час. Тогда меня выставили из игры в «три мяча».

Сперва-то все было хорошо. В нашей команде все хотели быть на перекидке, никто не желал защищать зону, и капитан Вовка Елизаров сказал:

— Что делать? Давай, Копейкин, становись...

На радостях я даже простил ему «Копейкина». Натянул перчатки и приготовился отбивать «выстрелы».

Ну что, не так уж я плохо стоял сначала. И отбивал, и ловил, и прыгал, и падал. Все локти и колени поотшибал. А то, что пропустил два мяча, так это хоть с кем бывает...

Но потом в переулке появился Юрка. Я тогда еще не знал, что он Юрка. Незнакомый парнишка, на вид — класса из пятого. В каком-то обвисшем свитере, в мешковатых штанах до пяток, в мятом беретике с хвостиком. Наши противники сразу поставили его в центр нападающей тройки. Видимо, уже знали. Вот этот нападающий и вляпал мне три очка подряд. Буквально за одну минуту.

Первый раз мяч свистнул у земли рядом с дырявым ведром, которое заменяло нам границу зоны. Я и шевельнуться не успел. Та команда радостно завопила, а наши молча смотрели, как я ищу мяч в чертополохе у дальнего забора.

Только я выкинул этот мяч из сектора, как — бам! — второй ударил! Издалека и поверху, по самым кончикам пальцев.

Я разве виноват, что не допрыгнул?

Третий мяч я поймал. Но какой толк? Он самый большой из трех — тугой и тяжелый, как ядро. Вместе с ним я птичкой влетел в зону...

Вовка Елизаров сказал мне даже не сердито, а так просто:

— Эх, Копейкин ты, Копейкин. Не защитник, а дырка. Иди отдохни.

Я сел у палисадника на лавку. Дышу сквозь зубы, чтобы не зареветь, Вовку Елизарова ругаю шепотом: сам бы постоял, когда в тебя так лупят... Ну, и на себя злость, потому что до четвертого класса доучился, а все какой-то беспомощный...

Тут команды сделали перерыв. Счет пять — два не в нашу пользу. Ребята кто на траву повалился, кто к колонке побежал. На меня и не глядят. Тот, который мне три очка вкатал, тоже прошел мимо. Потом остановился в двух шагах, снял беретку, отряхнул ею штаны, оглянулся, хмыкнул и говорит мне:

— Когда на защите стоишь, нечего зевать и чесаться...

— Тебе-то какое дело!

А он спокойно так отвечает, даже угрюмо:

— Никакого мне дела... Смотри, локоть содрал. Иди домой, перевяжи...

Что ему надо? Может, виноватым себя чувствует, что из-за него я так треснул?

— Засохнет без перевязки... Дома все равно никого нет.

Это я соврал. Тетя Вика и бабушка были дома, но я с утра с ними рассорился.

Он спрашивает:

— Куда все девались? Как это мама оставила птенчика?

— Сам ты птенчик... Она к отцу уехала... — Тут у меня в горле еще сильнее заскребло.

— А отец... он где?

— В экспедиции, на скважине в Ярксоне. Тебе-то что?

Мальчишка поддернул штаны, взял меня за плечо и повел к колонке. Я не сопротивлялся. Злился на него, но шел.

Он промыл мне ссадину на локте, вздохнул почему-то, хлопнул меня мокрой ладошкой по шее и пообещал:

— Ничего, жив останешься.

— Да уж как-нибудь... Ладно, спасибо.

— Не за что... Ты где живешь, существо?

Я опять ощетинился:

— Тебе это зачем?

— Провожу, чтобы не упал от потери крови.

Я отвернулся от него и домой пошел. Он — рядом. И тут, как назло, навстречу тетя Вика.

— Геля! Что за вид! Немедленно домой! Вот я напишу маме...

Глянула сердито на моего попутчика и зашала впереди, деревянная такая. А он вздохнул и говорит:

— Несчастное ты создание... Сделать, что ли, из тебя человека!

— А я кто, по-твоему?

Он будто не услышал. Подумал и решил:

— Ладно. Завтра и начнем.

И Юрка начал. В шесть утра он явился под мое окно, стукнул в стекло и показал: выходи. Я вышел. Иначе бабушка и тетя Вика проснутся, начнется допрос: что да куда, да зачем? Юрка увел меня на стадиончик за школой, поставил в ворота и давай обучать вратарскому искусству. Своим способом. Мяч, как бомба: бах! бах!

— Не увертывайся, Копейкин...

— Сам Копейкин! У меня имя есть!

— Научись мячи ловить, будет тебе имя.

И так повелось каждое утро. Вытащит меня из постели чуть ли не на рассвете и давай дрессировать. То в футбольных воротах обстреливает, а то заставляет на деревянных мечах драться, будто хочет из меня древнеримского гладиатора сделать. То драные боксерские перчатки принесет — тогда уж совсем худо. А если увидит, что я испугался, командует:

— Пузом на землю и пятнадцать отжиманий!

Не знаю, почему я ему подчинялся. Насмешек боялся, что ли? Он умел так посмотреть: щекой шевельнет, усмехнется и глядит сквозь упавшие волосы, как на прилипшего к смоле кузнечика. Будто думает: ах ты, букашка бедная, что с то-

бой делать? Глаза желто-серые, ехидные, а волосы темные, нестриженные, все время лезут на брови из-под клоунского беретика.

Но нет, не только в насмешке дело. Если утром Юрка не приходил, я почему-то не радовался, а начинал вертеться от беспокойства: забыл он про меня, что ли?

Случилось как-то, что он не пришел три утра подряд, и я совсем извелся. Наконец отыскал его дом. Юрка лежал в постели — несчастный и сердитый. Меня впустила к нему пожилая женщина с рыжими волосами и добрым лицом. Сказала:

— Надо же ухитриться среди лета ангину схватить. Небось, купаетесь до посинения... Ох, горе, горе. Ты, мальчик, посиди с ним, а я в аптеку схожу...

— Не надо мне лекарства,— буркнул Юрка.

— Как это не надо? Мать приедет, я ей что скажу?

— Приедет она, жди...— сказал Юрка, глядя в потолок.

— Это кто? — неловко спросил я, когда женщина вышла.

— Да пожалуй, что никто... Вроде тетки. Мы с тобой одинаково живем: у тетушек.

— А... твоя мама где?

— В Нейске,— сумрачно сказал Юрка.— Личную жизнь устраивает.

Я молчал — смущенно и вопросительно.

— Вышла замуж за одного редактора,— усмехнулся Юрка.— За знаменитого. Передачи «Вести с орбит» смотришь? Его работа... Мамаша ко мне все с вопросами да с намеками: «Не хочешь ли, Юрик, в интернат?» В интернате, мол, все условия, товарищей много, секции, кружки, эстетическое воспитание... В гробу я видел этот интернат.

— А отец где? — нерешительно выдавил я.

— Понятия не имею. У меня его никогда не было,— откликнулся Юрка почти весело.

— Так не бывает...

— Значит, бывает,— усмехнулся он.— А тот мужик, редактор-то, он ничего. Только я им там зачем? Вот и слинял сюда. Между прочим, это он устроил. Тетушка-то — его сестра...

Юрка вылечился через день. И пошла у нас прежняя жизнь. Иногда хорошая, интересная, а порой такая, что я ее ненавижу.

Один раз я не выдержал.

Мы вдвоем купались в бухточке за старой пристанью. Юрка нырял с кормы полузатопленного лихтера и требовал, чтобы я тоже. Но до воды было метра три, с такой высоты я еще никогда не прыгал. Я топтался на горячей ржавой палубе и набирался решимости. Набрался бы и прыгнул. Может, не ласточкой, а солдатиком, но прыгнул бы. Только Юрка не дал мне собраться.

Подошел да как отвесит пинка! Я и полетел! Пузом об воду! Забарахтался, захлебнулся, потому что рот не успел закрыть...

По-моему, я чуть-чуть не потонул. А он стоял на корме и смеялся, глядя, как я погибаю. И я не погиб. Видимо, потому, что разозлился до ярости. Я выбрался на берег, потом на лихтер. Юрка что-то говорил с ухмылкой, но я не слышал, у меня в ушах была вода. Слышал только, как гудел пустой лихтер, когда я шел к Юрке по наклонной палубе. Подошел и врезал кулаком по ухмыляющейся роже.

Он прижал к лицу ладони. Из-под них потекли по рукам красные струйки, кровь стала капать с локтей на палубу.

И я вдруг увидел, что Юрка никакой не герой и не силач. Что он только чуточку побольше меня. И такой же ребристый, тонконогий и тонкорукый. Наверно, поэтому он и таскает на себе в любую жару похожий на мешок свитер и старомодные клеши. Специально, чтобы казаться взрослее и здоровее...

Но он оторвал от лица руки и глянул на меня желто-серыми прищуренными глазами. И стало ясно, что это прежний Юрка. И что сейчас он раскатает меня по палубе в тонкий блин.

Он не раскатал. Сказал пренебрежительно:

— Даже стукнуть не можешь как следует. Если бьешь, бей по зубам. А из носа краску пустить любой младенец может.

Я сразу же опять его возненавидел. И сказал: — Я тебя убью.

— Ну и дурак,— ответил он и вытер под носом кровь тыльной стороной ладони.— Кто тебя тогда человеком сделает? Даже нырнуть не можешь толком. Смотри, как надо...

И все пошло, как раньше. Ничего не изменилось.

Изменилось потом, осенью.

Хорошая была осень, будто второе лето. Снова зацвели сирень и шиповник. И по-летнему летали бабочки над зарослями, где мы играли в мушкетеров и гвардейцев. Мы с Юркой и еще трое мальчишек были гвардейцы. На рубашках, на майках, на Юркином свитере были нашиты белые кресты. А у мушкетеров — голубые. В старину кресты нашивались на форму, чтобы спасти солдат от пуль и клинков. Но кресты ни от чего не спасали, в этом я убедился. Когда я лежал в кустах у монастырской стены, в засаде, мне на спину, повыше выреза майки, сел тяжелый шмель.

Я не могу сказать, как я их боюсь, этих шмелей всяких, пчел и ос. Наверно, у меня в нервах какой-то заскок. Если такая жужжащая тварь летает рядом, я обмираю. А если сядет...

Я вскочил и заорал. То есть... я понял, что сейчас это сделаю. Но на крошечный миг задержался. Потому что в засаде все же. А в следующую секунду Юрка сказал стальным шепотом: — Лежи.

Он сидел надо мной метрах в двух, на кирпичном выступе за чашей сиреневых веток. Своим шепотом он пришил меня к земле, как шпагой.

И он был прав: нельзя выдавать себя. Где-то рядом носятся на конях-велосипедах мушкетеры.

Но я же не могу! Мамочка... Шмель ходит по мне мохнатыми щекочущими лапами. Он сейчас под майку заползет!

— Ле-жи. Молчи.

— Ой... Гад ты, Юрка! Ты же знаешь, как я их не терплю! Ну, дотянись ты, паразит, своей шпагой, прогони!

Он сжалился. Деревянный клинок чиркнул меня по спине. Шмель взлетел, и я понял, что такое настоящее счастье.

Но счастье длилось несколько секунд. Я понравился шмелю. Он сделал новый заход и мохнатой градиной упал мне на ногу.

— Ой! Ой, ой, ой...

— Лежи,— долетел сверху зловещий приказ.

А мохнатый злодей шел по ноге. Время от времени он останавливался и, кажется, потирал одну о другую задние лапки. И, видимо, прикидывал, как удобнее воткнуть жало.

Не надо... Юрка, скотина, ну что ты там?! Но Юрка замер — противник близко. Что делать-то? Сильно дергать ногой нельзя: разведка мушкетеров заметит. А несильно — тогда шмель ужалит!

— Ле-жи. Не двигайся...

Но я сейчас помру. Или еще что-нибудь, хуже... Спасите...

Меня спасли мушкетеры. Они вынеслись прямо к нашей засаде, и я с радостным воем ринулся в бой.

Ух как я махал шпагой! Мушкетеры отлетали, будто мячики. А когда бой кончился, Юрка сорвал с куста шиповника большой цветок. Концом шпаги проковырял дырку на моей майке и воткнул в нее стебелек цветка. Сказал совсем серьезно:

— За храбрость и железную выдержку Гелий Травушкин награждается орденом Алого Шиповника.

— Ничего себе «выдержка»,— проворчал Витька Соломеин, потирая локоть.— Машется, как бешеная мельница.

— Я не про это,— сказал Юрка.

...«Орден» я спрятал в карман, а дома расправил лепестки и положил цветок в свой «Журнал наблюдений».

А Юрка с того дня стал относиться ко мне иначе. Конечно, все равно командовал и покрикивал, но уже не воспитывал специально. Ребята Юрку уважали, поэтому и на меня перестали смотреть, как на полного размазню и неудачника. Иногда еще называли Копейкиным, но это по привычке.

В школе Юрка учился на класс старше меня, но после уроков мы всегда играли вместе.

И осенью, и зимой, и весной. Маме Юрка нравился, только она почему-то вздыхала, глядя на него. А тетя Вика поднимала брови и поджимала губы, когда Юрка приходил к нам во двор и гладил Дуплекса, поджидая меня. В дом он заходил редко, потому что тетю Вику тоже не жаловал. Впрочем, держался он с ней очень вежливо.

Тетя Вика говорила:

— Станный мальчик. Что-то в нем есть, но этот ужасный вид... В прежние времена таких детей называли беспризорными. Имей в виду, Геля, раз ты с ним дружишь, значит, должен на него положительно влиять.

Но как я мог влиять на Юрку?

Бродяга

Я с разбега нырнул под вагон и на коленях выбрался с другой стороны, там, где вход. Юрка сидел на штабеле старых полусгнивших шпал (сейчас такие, деревянные, уже не делают).

— Привет,— сказал я и встал с четверенек.— Ну чего ты... Я, знаешь, как бежал!

— Вижу,— усмехнулся он.

Конечно, он всегда все видит... И сам я увидел себя как бы Юркиными глазами — от растрепанной рыжей макушки до заляпанных илом сандалий. Ноги в грязи и царапинах от осоки, шорты скособочились — одна штанина задралась, другая съехала до колена, полосатая майка вылезла из-под ремня, висит спереди, как фартук. Хорошая майка, почти настоящая тельняшка, а храброго вида все равно не придает, это уж я знаю точно. И топчусь вот тут перед Юркой, будто опоздавший первоклассник перед завучем.

Дурацкая привычка всегда чувствовать себя виноватым!

Я кулаком запихнул майку в штаны и сердито сказал:

— А чего... Я не просто так опоздал! Там Ерема на горке...

Юрка выслушал рассказ про Ерему без удивления, даже рассеянно. Будто думал о своем. Может, о том, что не начать ли снова делать меня человеком? Ну уж фиг тебе, Юрочка...

Он вздохнул, поцарапал под беретиком затылок и глянул на меня странно. Даже виновато.

— Не до рыбалки сейчас. Тут такое дело... Жилец у нас появился.

Я замигал:

— Где? Какой жилец?

— Пойдем, познакомлю.

В вагоне было светло. Солнце шпарило горячими лучами в два оконца под крышей и в щели, которых было множество. Да и двери оказались раздвинуты на всю ширину. Внутри не осталось

темных уголков. В том углу, где мы с Юркой устроили наш «кубрик», я и увидел незнакомца.

Это оказался парень с бородкой, похожей на светлый курчавый пух. Худой, белобрысый, в толстых очках. В клетчатой рубашке и узких штанах из рыжего вельвета. Он сидел на пластиковом ящике, который был у нас вместо стола. Когда мы подошли, парень поднялся и оказался очень тощим и длинноруким. Глаза его за стеклами были голубые и нерешительные.

— Вот,— сказал Юрка.— Это мой друг Травушкин. Я говорил...

От этих Юркиных слов я весь потеплел внутри. А парень протянул мне большую лапу и неловко сказал:

— Глеб.

Я тоже сказал:

— Гелька... Гелий. Травушкин.

Глеб кивнул, вздохнул почему-то и опять сел. Растопырил острые колени. Юрка мне объяснил:

— Видишь ли, он тут поселился. Недавно. Думал, что вагон необитаемый... Пускай поживет, раз такое дело.

— Если никто не против,— смущенно сказал Глеб. И опять посмотрел на меня через толстые стекла.

Я пожал плечами. Я не знал, против я или нет. Но это не имело значения, они с Юркой все равно уже договорились.

Я только сказал для порядка:

— Мне не жалко. А вы тут... вы кто?

— Он журналист. В командировке,— торопливо объяснил Юрка.

Я чуть на пол не сел от удивления. Разве журналисты такие? Мало я их, что ли, видел по телевизору! И Юркиного «зампапашу» видел (Юрка так его называл, мужа своей матери). Он недавно приезжал в Старогорск. Тоже журналист, редактор, солидный такой. А этот Глеб... Ему лет двадцать всего, несмотря на бородку. Да и бородка-то так, еле-еле.

Глеб, кажется, понял, про что я думаю. Приподнялся, вытащил из заднего кармана красную книжечку.

— Вот... чтобы, значит, рассеять недоверие.

Это было удостоверение. Фотография (правда, без бородки, но похожая), синяя печать. И слова: «Вяткин Глеб Сергеевич является литературным сотрудником Колычской районной газеты «Маяк». Главный редактор Д. И. Сомов...» Сверху еще что-то напечатано, а внизу крючковатая подпись.

Ну ладно... Только разве журналисты живут в дырявых вагонах? Может, этот Глеб от кого-то прячется?

А может, он шпион?

Но вроде бы шпионов сейчас уже не бывает, разве что где-нибудь в дальней пограничной зоне.

Или журналист решил нарочно стать бродя-

гой, чтобы написать потом про это книжку, как Джек Лондон? Но Лондон-то когда жил и в каких краях!

— А чего же вы не в гостинице? Здесь разве лучше?

Глеб развел руками, хотел что-то сказать, но Юрка дернул меня за майку:

— Я тебе все объясню. Потом...

— Да я и сам могу,— добродушно сказал Глеб.— Чего уж...

— Тебе, наверно, осточертело,— отозвался Юрка.— Сколько можно одну и ту же историю пересказывать!

— А что делать... Главное, что сам разобраться не могу. Даже записывать начал все по порядку, чтобы в систему выстроить, да не получается... Я привык на машинке работать в редакции. В командировках только стенографирую, а потом...— Он пошевелил длинными пальцами, будто застучал по клавишам. И спросил без всякой надежды:— Вы случайно не знаете, где бы раздобыть на пару дней машинку?

Юрка пожал плечами.

Я тоже хотел пожать плечами. И все было бы нормально: откуда у четвероклассника пишущая машинка, это же не калькулятор для уроков математики. Но... а если я все-таки достану?

Тогда Юрка лишний раз увидит, что я не только опаздывать умею. Что Гелька Травушкин— не Копейкин, он кое-что стоит.

Я небрежно сказал:

— Точно обещать не могу, но попробую...

Глеб обрадовался совсем по-ребячьи:

— Ой, правда? Будь другом! А то я без работы свихнусь окончательно.

А Юрка посмотрел на меня с недоверчивым уважением.

Мы с Глебом распрощались до вечера. Когда шагали через пути, Юрка спросил:

— Где возьмешь машинку?

— Дедушкина.

Юрка сказал без насмешки, даже с сочувствием:

— Вот тогда тетушка твоя точно перейдет от слов к делу.

— Если не надолго возьму, никто не узнает... Лишь бы этот Глеб вместе с машинкой не сбегал куда-нибудь.

— Он что, похож на жулика?— заступился Юрка.

Я не знал. Настоящих жуликов я видел только в кино. Но ведь и в кино они не настоящие, а артисты.

— А зачем он тогда в вагоне укрывается?

— Да не укрывается он. Наоборот. По всем начальникам ходил, только они на него как на сумасшедшего смотрят.

— Почему?

— Ты удостоверение видел? Какой там город?

— Колыч какой-то... Или Кóлыч?

— Кóлыч. А где такой?

Я сердито дернул плечом: мало ли на свете разных городов?

— И никто не знает,— хмуро сказал Юрка.

— Как это?

— Вот так... И сам он не знает.

— Тогда он сумасшедший. И ты заодно. А я еще машинку хотел ему...

Юрка не разозлился. Он сказал серьезно:

— Тут непонятный случай. Он поехал из своего Колыча очень недалеко. В какую-то Старо-Талицу, писать репортаж про летний лагерь. А вместо этой Старо-Талицы попал сюда.

— Ну и ехал бы обратно, если не туда пришло.

— Куда «обратно»? Нет на линии такой станции — Колыч. Нет нигде...

Я даже остановился.

— Как это нигде?.. Ну, значит, он не из Колыча! Он врет!

— А удостоверение?

— Ну... Юрка! Оно, наверно, фальшивое!

Юрка сказал снисходительно:

— Глупенький-глупенький Геля. Кто будет делать фальшивый документ, от которого у всех глаза на лоб? Да и зачем?

«В самом деле»,— подумал я. А Юрка глянул на меня сбоку и спросил:

— Ты вот скажи: этот Глеб похож на плохого человека?

Я посоображал. Нет, не похож. Скорее наоборот. Глаза добрые. И какой-то беззащитный он, хотя и большой.

— Он даже ни одного сухарика нашего не тронул, несмотря на то, что голодный,— сказал Юрка.

— А почему голодный-то?

— Он же из дома совсем ненадолго уехал, денег с собой почти не взял. И теперь — ни в кафе, ни в гостиницу...

— Хлеб-то мог взять в булочной!

— Он не знал, что можно бесплатно.

Я обалдело заморгал.

— Он совсем какой-то... ну, как Робинзон на диком острове,— сказал Юрка.— Надо ему помочь. Ты вот Ереме помогать взялся, а Глеб — живой человек.

— Ерема — тоже живой,— заступился я.

Шепот звезд

Недалеко от дома, когда с Юркой мы уже расстались, я наткнулся на тетю Вику. У нее просто злодейская какая-то особенность: то и дело попадается мне навстречу.

Она, конечно, воздела к небу руки.

— Геля! Еще утро, а ты уже похож на чучело! Ступай, приведи себя в порядок! Ты не ребенок, а сплошная аномалия!

Раньше я думал, что «Аномалия» — это имя какой-то девочки-неряхи, и обижался. А потом узнал, что это просто «ненормальность». Ну и перестал обижаться.

Я зашагал к дому, а тетушка шла сзади.

— Гелий, ну почему ты не можешь выглядеть как нормальные дети?.. Вот хотя бы как этот мальчик. Посмотри.

Я посмотрел.

«Этот мальчик» шел по другой стороне улицы... Такие мальчишки, наверно, специально существуют в природе, чтобы радовать тетушек и бабушек. Шагает чистюля, скрипку в футляре тащит, под ноги смотрит, чтобы лаковые башмачки не поцарапать. Причесанный, в желтом костюмчике, на шее даже бантик — тоже ярко-желтый, с черными горошинами. На брючках стрелочки наглажены...

Я хмыкнул по-юркиному, затолкал кулаки в карманы и зашагал быстрее. Затопал по асфальту. С сандалий посыпались чешуйки высушенного ила.

— Не вздумай в такой чудовищной обуви заходить в комнаты,— сказала тетя Вика.

Я вымыл сандалии на дворе под краном и потащил их сушиться на крышу.

— Опять тебя понесло куда-то. Сломалась шею,— сказала бабушка из своего окна. Ее окно рядом с приставной лестницей, это очень неудобно.

— Не всем на скрипке играть,— буркнул я. И поскорее наверх. Там я поставил сандалии на решетку солнечного энергонакопителя, а сам пролез на чердак. Пол на чердаке был посыпан негорючей пластиковой крошкой, она колола босые ноги. В углу я отодвинул поломанный кухонный автомат и вытащил из старого бочонка приемник.

Это был совсем старинный приемник, ламповый «Рекорд». Он когда-то стоял у дедушкиного дедушки, да и в те времена это была устаревшая модель. Я отыскал его здесь прошлой весной. Протянул из своей комнаты удлинитель, думаю: дай включу эту машину. Что будет? Смотрю: лампы засветились. Что-то потрескивать стало, потом даже голос какой-то пробился. Интересно так...

Тогда я и придумал свою звездную станцию.

Я про нее никому-никому не рассказывал. Потому что засмеются: на Земле и на других планетах такие громадные звездные зеркала и антенны стоят, супертелескопы на спутниках, скадеры добрались до дальних звезд, а на крыше двухэтажного домика сидит третьеклассник и пытается услышать космические голоса. С помощью доисторического приемника и зонтика.

Из черного старого зонтика я сделал антенну-

зеркало. Его я тоже нашел на чердаке и оклеил изнутри фольгой от чая и шоколада. Получилось что-то вроде маленького локатора. Я, конечно, не разбирался ни в физике, ни в астрономии, ни в радиотехнике. Но про большие звездные станции кое-что читал в «Технике юных» и решил, что у меня будет такая же, только очень маленькая. Если какие-нибудь сигналы от звезд попадут в мой «отражательный» зонтик, они соберутся в фокусе: как раз на кончике стальной проволоки, которую я приладил к рукоятке зонта. А оттуда — в приемник. Потому что другой конец проволоки я засунул в гнездо антенны.

Вдруг я однажды услышу что-нибудь такое... загадочное и совсем неожиданное? Нам даже в школе рассказывали, что важные открытия иногда делали не научные работники, а разные любители с помощью нехитрых аппаратов...

И вот я по ночам тихонько забирался на крышу и слушал звезды. Никто про это не знал, кроме старого Дуплекса. Я был очень осторожен.

Шкала у приемника оказалась разбитой, настройку заело на одной волне (понятия не имею, на какой). Поэтому я не таскал его на крышу, включал на чердаке и только протянул вверх провод с наушниками. Когда приемник нагревался, в наушниках начинало шипеть и потрескивать. Я садился у каминной трубы, легкий зонтик брал за края и направлял его рукоятку к звездам. То есть антенну направлял.

Теплый воздух подымался от земли и уходил вверх с гребня крыши. Обтекал меня. Внизу трещали ночные кузнечики. Вокруг переливались огни Старогорска. Но я смотрел только вверх. Звезды были большие. Белые и немножко мохнатые от лучей. Между ними искрилась в черноте звездная пыль. Я переводил острие антенны от одной звезды к другой, и мне казалось, что конец стальной проволоки ходит где-то посреди вселенной. Шорох в наушниках иногда угасал, иногда нарастал. Словно кто-то шептал недалеко от меня — то в сторонке, то у самого уха. Неразборчиво шептал, но иногда очень настойчиво: будто хотел что-то объяснить, но не знал нашего языка.

Бывало, что и настоящие передачи пробивались: слова, музыка, песни. Одну песенку я слышал несколько раз, и она мне очень нравилась. Но больше всего я любил шорохи и шепот. Может, это сами звезды шептали? Или люди с незнакомых планет? Может, жители далекой Леды, где скадермены отыскивали развалины мостов и зданий? Вдруг они летят в пространстве и пытаются рассказать, почему покинули свою родину...

Я так и называл эти шорохи — «шепот звезд».

Среди ночи я через окно возвращался в дом и под одеялом, при фонарике, делал запись в «Журнале наблюдений»:

«11 июня 209 г. к. э. Сегодня в 00.05 опять слышал шепот, похожий на считалку про шесть мь-

шей. А еще что-то потрескивало, будто от звезд шли электрические искры. Потом была еще неизвестная колыбельная песенка, я разобрал несколько слов. Небо было чистое и звезды яркие».

Звезды всегда были яркие. И они меня прямо завораживали. Хоть я и не понимал ничего в космических науках, но все-таки, наверно, сказывалось, что я внук астронома Травушкина. Жаль только, что я совсем не помнил дедушку, он умер, когда мне было чуть больше года...

В те ночи, когда я слушал шепот звезд, я был до обалдения счастливым. Наверно, не меньше, чем скадермен, который идет в бросках от звезды к звезде. Но, как любит повторять бабушка, все проходит, все меняется. В середине лета я встретил Юрку, и жизнь пошла другая. Она так меня закрутила, эта жизнь, что стало не до ночных наблюдений. Но приемник я сберег: вдруг пригодится еще!

И вот пригодился. Немножко жалко отдавать, но у меня он без дела, а Еремее нужен до зарезу. Пусть уж...

Приемник я спустил с крыши на веревке, потом спустился сам (не по лестнице, а по стержню заземления) и спрятал «Рекорд» за будкой Дуплекса.

После этого я проник в комнату дедушки.

Здесь золочеными рядами стояли за стеклами ужасно старые книги. Чернела карта звездного неба. На большущем глобусе горел яркий солнечный блик. И со щелканьем качали тяжелый маятник древние пружинные часы со стрелками.

Машинка стояла на краю зеленого, как стадион, письменного стола. Она была накрыта полированной ореховой коробкой. На коробке блестящие бронзовые узорчатые уголки. Машинку никто никогда не открывал (только я иногда поднимал крышку и осторожно давил на клавиши).

Я снял коробку и оглянулся на дедушкин портрет. Бородатый дедушка улыбался. Он знал, какое дело я задумал, но, видимо, не сердился. А чего сердиться? Тут машинка стоит просто так, а там она нужна человеку. Для дела! И ничего с ней не случится за два дня.

Так я себя успокаивал. Но все равно я понимал, что делаю скверную штуку. Вздыхая и казнясь, я убрал машинку со стола, а футляр оставил на месте. Завернул машинку в старую папину куртку из плотной тетраткани — я нашел ее на чердаке и прихватил с собой. Прислушался. В доме стояла тишина: тетя Вика куда-то ушла, бабушка дремала наверху. Я поднял раму. Окно выходило в чащу сиреневых кустов...

Машинку я закидал лопухами рядом с приемником. Из будки вылез Дуплекс. Это кудлатый пес, большеухий, песочного цвета. Он обитал здесь давным-давно и раньше был дедушкиным

любимцем. Дуплекс посмотрел синими водянистыми глазами и ткнул меня в ногу мокрым носом: погладь. Я погладил и признался:

— Плохой я человек, Дуплекс...

Он вздохнул и мотнул головой: «Нет, хороший».

— Для тебя-то я всегда хороший... Ладно... А как я все это потащу? Придется идти за Юркой.

Дуплекс кивнул: «Иди».

Засада на скрипача

Топал я босиком — сандалики все еще сушились на крыше. На углу я запнулся за кромку тротуара, ушиб палец и разозлился на Юрку: он мог бы и сам догадаться, что мне одному не утащить приемник и машинку. Болтается где-то...

Юрку я увидел, когда свернул на улицу Марка Твена. Юрка не болтался. Он словно прятался от кого-то.

Улица была горбатая, и на самом верху стоял красный дом с колоннами. В давние времена его построил владелец местной пристани, а теперь здесь была детская поликлиника. От дома спускалась кирпичная стена. Могучая такая и красивая: наверху узорные решетки, а в толще кирпичей полукруглые ниши. В нишах скамеечки сделаны. Тоже старые, прячутся в лопухах и диком укропе. Вот на такой скамеечке и притаился Юрка.

Интересно он себя вел: вытянет из воротника шею, глянет вверх, вдоль улицы, и опять в тень.

Меня Юрка не заметил: я-то снизу шел. Подобрался я кошачьим шагом и говорю:

— Руки вверх...

Он чуть вздрогнул, но голову повернул медленно.

— А, пришел... Садись, не торчи.

Я пролез через укроп, устроился у Юрки под боком. Сказал сердито:

— Это ты торчишь здесь. А я должен, как автоносильщик, весь груз переть к вагону?

— Успеет с грузом. Я тут жду кой-кого.

— Кого?

— Есть тут один... Хочу ему бантик пощупать.

— А, скрипач! — догадался я.

— Встречал?

— Видел. Тетушка мне его в пример ставила...

— Ну вот. Значит, и у тебя к нему счетик есть.

Но у меня никакого счета к музыканту не было. Пусть живет себе, как хочет. Я сказал:

— Больно он мне нужен... А тебе он что сделал?

Юрка оттопырил языком щеку, сощурился и плюнул в траву.

— Не люблю трусов. Их надо перевоспитывать, а то человечеству от них один вред.

Надо же, о человечестве забеспокоился. Лишь бы тяжести не таскать! (Палец у меня все еще сильно болел.)

— С чего ты взял, что он трус?

— Он вчера от меня драпал, как зайчик...— Юрка усмехнулся.— Я иду через мостик над Пестрянкой, а навстречу это музыкальное произведение. Я остановился, он тоже. И глазища вот такие, будто марсианского ящера увидел.

Я сразу понял, как это было. Стоит Юрочка на мостике, ботинком притопывает, руки сунул в широкие карманы, шевелит щекой и щурит табачные глаза не по-хорошему...

— Ну и что дальше? — сказал я без одобрения.

— Я говорю: «Ну-ка подойди, я посмотрю, что это за чудо с бантиком...» Он шаг назад. Я к нему — тоже шаг. А он повернулся да как рванет вверх по дорожке!

Я поморщился. Мне на музыкантика наплевать, но все равно неловко за него сделалось. Всякое случается: бывает, что и струсишь, и заревешь, но драпать вот так, без всякого боя — это позор. Это вам самый смиренный первоклассник объяснит.

Однако Юрке я сказал:

— Ты вон какой, на полкочана его выше...

— Ну и что? Он решил, что я его утоплю или съем?

— Решил, что драться будешь. А он драку, небось, только в кино видел.

— Вот и надо в жизни опыта набираться... А, вон он шагает! Красавчик Ниня...

— Это по-испански, что ли? Не «ниня», а «нинья». Значит «девчонка».

— Это не по-испански. Это сокращенно от слова «Паганиня».

— Не Паганиня, а Паганини.

— Кому Паганини, а кому так...

«Ниня» шел, не чуя засады. Спокойно так шел — не быстро и не тихо, ровно. Скрипка в футляре словно плыла с ним рядом. Другой бы махал ею, коленками поддавал, а этот...

— Я навстречу выйду, а ты сзади, — распорядился Юрка.

Не нравилось мне это дело, но с Юркой ссориться не хотелось. Получится, что я ему изменил, если откажусь. Ну и... по правде говоря, стало любопытно: что будет делать этот скрипач, увидевши в ловушку?

Лупить мы его не будем. Не за что, да и нельзя двоим на одного. А пугнуть «образцового мальчика», может, и полезно...

Все получилось очень ловко. Быстро, как в кино. Юрка скакнул на тротуар и вырос перед Ниней. Тот шарахнулся назад, но там уже я стоял — руки в карманах, ноги на ширине плеч. Ниня отскочил вбок — и очень глупо. Оказался в нише,

где мы только что прятались. Буквально в каменном мешке.

— Привет,— сказал Юрка и приподнял за хвостик берет.

Ниня прижимал скрипку к животу и перепуганно махал ресницами. Ресницы желтые, как его костюмчик, а глаза серые, налитые страхом, будто две чайные чашки. Потом он перестал мигать и спросил почти шепотом:

— Я вам что сделал?

— Ты? А что ты можешь сделать?— усмехнулся Юрка.

— Тогда почему вы за мной гоняетесь?

— Гоняемся?— удивился Юрка. Не по-настоящему удивился, а по-клоунски.— Да что ты! За таким бегуном разве утонишься? Вчера вон как чесанул.

Ниня слегка прикусил губу. В его глазах за страхом появилось что-то еще. Сердитость, что ли... Он вдруг быстро положил скрипку на скамейку, за собой, встал прямее, уперся сзади ладошками в кирпичи.

— Ну и что?— сказал он тихо.— Я же не знал, чего ты хочешь.

— Вот именно!— обрадовался Юрка.— Не знал и скорей бежать! А мне просто поговорить хотелось.

Ниня посмотрел на Юрку, на меня, потом куда-то между нами. Шевельнул плечом.

— Ну вот... теперь говорите.

Юрка усмехнулся и сплюнул. Я вдруг понял, что не знает он, про что говорить. Я тоже не знал, но я и не собирался.

Юрка лениво сказал:

— Теперь уже неохота. И так видно, что ты за персонаж. Еле стоишь, коленки от страха вибрируют.

Ниня глянул на свои желтые брючки со стрелками и ответил очень серьезно:

— Нет. Не вибрируют.

— Все равно боишься,— хмыкнул Юрка.

Ниня опять посмотрел вниз. Будто раздумывал. Потом глянул на нас честно и спокойно.

— Да, боюсь. Я очень за скрипку боюсь.

Юрка ненатурально засмеялся:

— Ну вы даете, маэстро... Не такие уж мы дикари. Бантик могли пощупать, но зачем же трогать скрипку...

— Если в драке, можно ведь случайно. Я всегда за нее дрожу.

— Такое сокровище? Страдивариус?— язвительно спросил Юрка. Он иногда умел показывать образованность.

— Нет,— сказал мальчик.— Но она все равно очень хорошая. Она одна такая на свете...

— Надо же,— сказал Юрка.

Скрипач стоял все так же: упирался ладонями в стену и загораживал скрипку. Я сейчас разглядел его как следует. Лицо загорелое, нос облупленный, а волосы такого цвета, как шерсть

у Дуплекса— будто желтый песок. Растрепались теперь... Мы встретились глазами. Я замигал от неловкости, опять разозлился на Юрку и на себя тоже. Чего мы к этому мальчишке привязались?

Чтобы помочь ему, я спросил:

— Значит, что? Если бы без скрипки, ты бы не убежал?

Он подумал секунды три, облизнул губы и сказал негромко:

— Нет. Я бы не убежал.

Глаза его набирали смелость. Не нахальную смелость, а такую, спокойную.

Я дернул Юрку за свитер:

— Ладно, пойдём...

— Ага,— охотно откликнулся Юрка. Повернулся, и мы пошли от скрипача. Юрка сказал с усмешкой:— Поговорить можно и потом, когда он будет без скрипки. Как-нибудь встретимся.

И вдруг мы услышали сзади:

— Если хотите, пожалуйста...

— Что?— Юрка сразу обернулся.

Мальчик не ответил, но глаза не опустил.

— Значит, можно встретиться?— с недоверчивой усмешкой спросил Юрка.

— Ну... пожалуйста,— снова тихо сказал мальчик.

— А когда?— Юрка опять завелся.

— Хоть когда. Пожалуйста...

— Хоть сегодня?

— Ну... ладно. Раз вам так надо...

— Тогда мы тебя проводим,— деловито сказал Юрка.— Отнесешь скрипку и выйдешь. Идет?

Мальчик подумал, кивнул и взял со скамейки футляр. Сказал, будто оправдываясь:

— Я в трех кварталах живу, на улице Кольцова.

— Посмотрим, где обитает юное дарование,— бормотнул под нос Юрка.

И мы пошли. Скрипач немного впереди, а мы сзади и по бокам. Молча. Я чувствовал себя ужасно по-дурачки. А Юрка вроде бы ничего. Спросил у мальчика:

— Ты откуда взялся? Мы всех в округе знаем.

— Мы из Приморска приехали. Папа будет поликлиникой заведовать, вон той,— мальчик мотнул головой назад.

— Ух ты...— сказал Юрка с насмешливым уважением.— А что, в Приморске все с бантиками ходят?

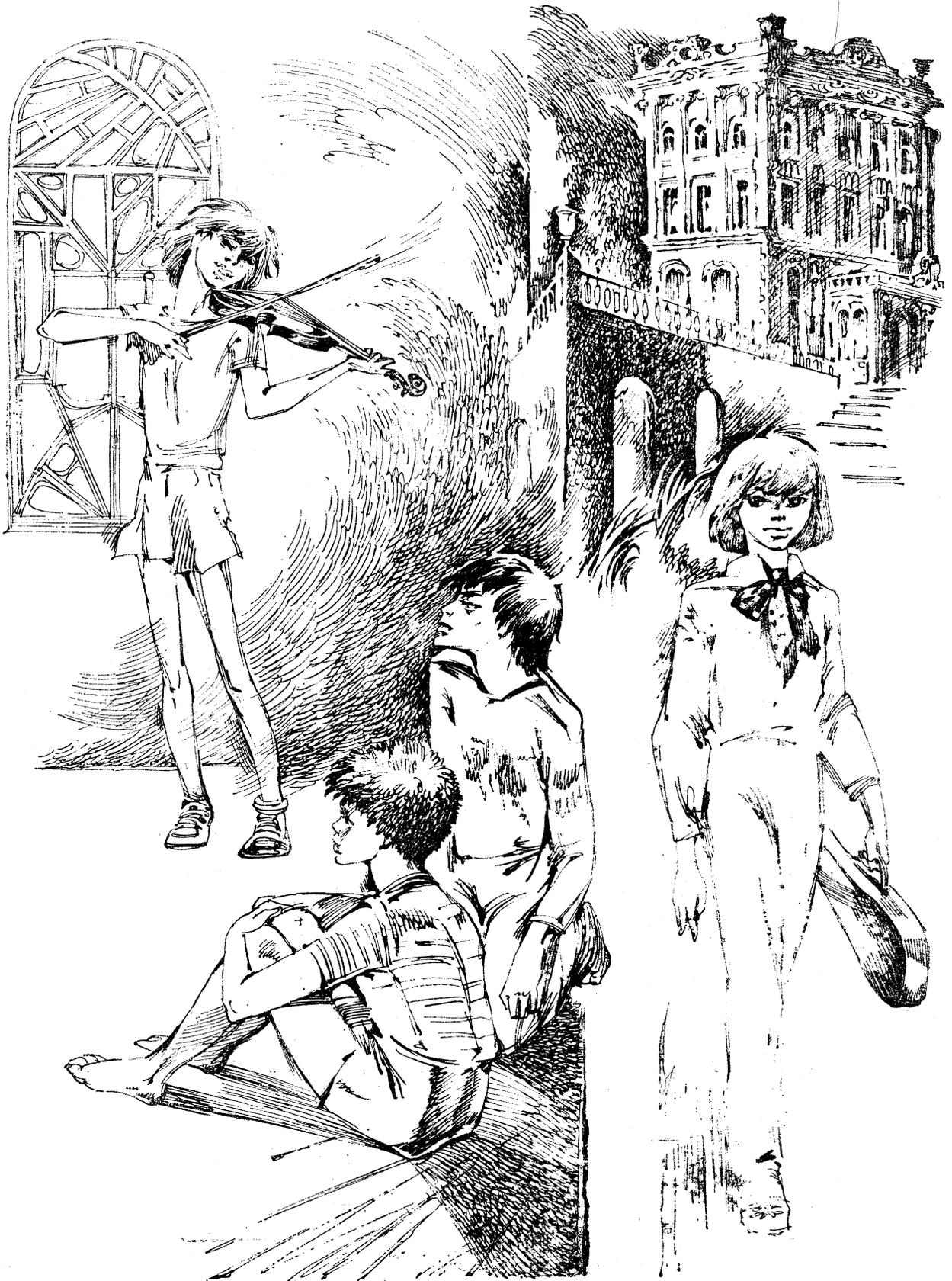
— Нет,— отозвался мальчик.— Там ходят без бантиков. Просто я сейчас занимаюсь у одного... у дедушкиного друга. Он старый музыкант и любит, чтобы ученики всегда были, как на концерте. Мне это не трудно, а он доволен.

Юркины насмешки как-то усыхали от этих спокойных ответов. И все же Юрка сказал:

— Не забудь снять, когда пойдешь обратно.

— Да, сниму.

Он жил в новом двухэтажном доме с полукруглыми окнами. У нас в Старогорске много та-

ких понастроено: разноцветных, небольших, квартир на восемь. Перед каждым — газон с низеньким пластмассовым штaketником.

Мальчик сказал нам:

— Я быстро...— и скрылся за дверью высокого крыльца.

Мы сели на штaketник.

— Глупо,— сказал я.

— Что глупо? — огрызнулся Юрка.

— Сидим здесь без толку, а там Глеб ждет. И Ерема, наверно, пришел.

— Ну и подождут. Надо же опыт до конца довести.

— Какой опыт?

— Психологический. Выйдет Ниня или нет.

По правде говоря, мне тоже было интересно: выйдет ли? И хотелось, чтобы мальчик вышел. Назло Юрке...

Распахнулась дверь. Я обрадованно привстал. Но это был не скрипач. Вышла женщина в красном платье и соломенной шляпе. Оглянулась на нас.

— Мальчики, вы, наверно, моего сына поджидаете?

Самое время было сыграть отбой. Я уже прикинул: кувырок назад, а там через траву и в переулок. Но она сказала:

— Он просил подождать две минуты. У нас вешалка в коридоре сорвалась, он прибывает.

Женщина, улыбаясь, подошла к нам. Юрка незаметно саданул меня локтем в бок: встань, дубина. Когда надо, он умел себя вести. Мы поднялись. Я виновато затоптался, захотелось куда-нибудь спрятать босые ноги. Мать скрипача посмотрела на них, улыбнулась и объяснила:

— Он сказал: «Там два моих новых товарища сидят, пусть не уходят...» А почему вы не зашли в дом?

— В другой раз,— вежливо отозвался Юрка.— Спасибо.

Она опять улыбнулась нам и пошла вдоль газона. Красивая такая, молодая. Вроде моей мамы. Юрка опустил голову и досадливо шевел щекой.

И в эту минуту появился наш музыкант.

Конечно, уже без бантика. И вообще без концертного наряда. В синей майке, в мятых шортиках от летней школьной формы, в потрепанных кедах. Встал перед нами, опустил руки и сказал:

— Ну вот...— И посмотрел хмуро.— Куда пойдешь?

— Зачем? — удивился я.

— Как зачем? «Разговаривать».

— Можно и здесь,— неловко проговорил Юрка.— Ты скажи вот что... С чего ты нас в товарищи записал? Матери сказал...

— А что я должен был сказать? «Мама, там два мальчика драться со мной пришли, попроси их подождать». Да?

— Да кто с тобой драться собирался...— насупленно произнес Юрка.

— А что, нет? — Он глянул довольно дерзко.— Пожалуйста. Вы же сами хотели.

— У нас двое на одного не нападают,— сказал я.

— Нигде не нападают. Значит, по очереди?

— Да ну тебя,— вздохнул Юрка.— У меня с тобой силы разные. Если хочешь, давай с ним.— Он кивнул на меня.

— С какой стати! — возмутился я.

Юрка вдруг засмеялся. Я сердито посмотрел на него и спросил у мальчика:

— Тебя как зовут?

Он шевельнул губами, будто улыбнуться хотел и раздумал. Опустил глаза и сказал:

— Янка.

Честное слово, за полсекунды до этого я уже знал, что он — Янка. Сам не понимаю, почему. Будто шепнул кто-то. А может, незаметно шевельнулась память про книжку, которую я когда-то читал? Старая такая книжка, называется «Янка-музыкант». Или Янко? Не помню. О крепостном мальчике, которого забил до смерти помещик.

Конечно, этот Янка был непохож на крепостного. Но тоже скрипач. И такой беззащитный на вид. У меня почти никакой мускулатуры, а у него даже по сравнению со мной руки как спички. А еще драться хотел...

— Ян-ка...— машинально повторил я. Шепотом.

А Юрка сказал с заминкой:

— Имя какое-то... не здешнее.

— Меня дедушка так назвал,— объяснил мальчик и зацарапал кедом тротуар.— Дедушка с Балтийского моря родом, ну и вот... Полное имя Ян. А Янка — это так, пока...

Я подумал про своего деда и спросил Янку:

— А твой дедушка кем был? Скрипичным мастером?

— Почему «был»? Он и сейчас есть, он врач. Ну и мастер тоже... Он скрипки всю жизнь делает. Ему даже Лев Сайский скрипку заказывал.

Я понятия не имел, кто такой Лев Сайский. Но Юрка поднял брови, будто сказал про себя: «Ого!» и спросил:

— А твою скрипку он специально для тебя сделал?

— Да... Сразу, как я родился.

— А ты давно учишься играть?

Янка улыбнулся:

— Ну... наверно, да. Всю жизнь.

— Значит, тебя не заставляли? Ты сам? — поинтересовался я.

— Кто меня может заставлять? — Глаза у Янки распахнулись от удивления.

Я вспомнил, как три года назад тетя Вика и бабушка пытались записать меня в музыкальную школу. Реву было...

— Я сам...— сказал Янка.— Я если долго не играю, то просто... ну, как будто не живу.

Юрка посопел и проговорил нерешительно:

— Тогда конечно... А сегодня ты много играл?

— Я не знаю... Наверно, да.

— А еще можешь?— совсем тихо спросил Юрка.

Янка обрадованно вскинул глаза:

— Я хоть сколько могу! Пошли ко мне! Вы хотите?

Я не знал, хочу ли. Но Юрка почему-то хотел. И сам Янка весь прямо засветился.

Но Юрка вдруг напустился:

— Да ладно, потом. Дела у нас.

Я понял, что он стесняется своего балахонистого наряда. И подумал, что и сам не гожусь для гостей.

Янка сказал быстро:

— У нас дома никого нет. Пойдем!

Бабушка говорит, что я ничего не понимаю в музыке. Потому что, когда по радио играют сонату Бетховена, я могу свистеть разбойничьи куплеты из фильма «Замок на Черном острове» (свистеть вообще неприлично, а при Бетховене... О, этот ребенок!). Ну, не понимаю и не надо. Что теперь делать?

То, что играл Янка, я тоже не понял и не запомнил.

Сперва мне понравилось, как струны пропели: та-а... та-та-а... Будто не струны, а труба в летнем лагере. Но дальше музыка взвилась, закружилась— не уследишь, не разберешь. И я от нее отключился. Но все равно мне очень понравилось, как играет Янка. Смотреть на него нравилось.

Мы сидели на пустой веранде с разноцветными окнами. У стены, прямо на полу сидели. А Янка стоял посередине. То есть он не стоял, а будто летел вместе со своей музыкой. Солнце косо било в желтые и красные стеклышки, и мимо Янки словно неслись на быстром ветру яркие осенние листья. Черный смычок рвал воздух над блестящей скрипкой, пальцы летали над грифом, волосы у Янки растрепались, пряжка на пояске съехала набок, майка сбилась выше живота, но это было не смешно нисколько...

Мне вдруг показалось, что Янка мчится, стоя на спине золотистой лошади...

В музыке опять прозвучали те ноты, с которых началась мелодия. Как сигнал. И Янка опустил смычок. Откинул волось. У него на лбу и на горле блестели крошечные капельки.

Юрка сидел скорчившись. Поставил на коле-

ни кулаки, на кулаки положил подбородок. Глядел на Янку из-под волос.

— Вот...— тихонько выдохнул Янка.

— Это что было?— спросил Юрка не шевелясь.— Тадеуш Левский?

Янка чуть улыбнулся:

— Нет... Это дедушка написал. И я немножко. Мы вместе...

— Вот и я смотрю: что-то совсем незнакомое,— полушепотом сказал Юрка. Я удивленно покосился на него.

Янка поправил майку, почесал смычком ногу, сблизнул губы. Вскинул голову.

— Еще?

И спохватился:

— Ой, вам же надо идти. Да?

Юрка лопатками оттолкнулся от стены и вскочил.

— Да,— сказал он.— Хочешь с нами?

Янка не спросил: куда? Не спросил: зачем? Сразу ответил:

— Хочу.

Мы вышли на крыльцо. Уже совсем вечерело. Солнце делалось кирпичным и проваливалось в гущу тополей на станции. Я сказал Янке:

— Мы домой поздно вернемся. Тебе не попадет?

(Про себя-то я точно знал, что попадет.)

Янка удивился:

— Почему? Мне хоть до какого часа бегать разрешают, я человек вольный... Только я дедушке записку оставляю, ладно?

Он опять убежал в дом. Юрка задумчиво сказал ему вслед:

— Вот это игра у парня.

— Не знал, что ты такой любитель музыки...

— Ты много не знал,— усмехнулся Юрка.— В Нейске из меня делали всесторонне развитого ребенка.

— Поэтому ты и сбежал?

— Ты же знаешь, что не поэтому,— ответил он сумрачно.

Я прикусил язык. Потом примирительно спросил:

— А что, Янка в самом деле здорово играет? Я ведь не разбираюсь...

— Дело даже не в том, что здорово...

— А в чем?

— Никогда не думал, что в скрипке могут так звучать трубы и барабаны. Вот тебе и... Ниня. Что-то шевельнулось во мне. Беспокоество какое-то.

— Юрка, зачем ты его позвал с нами? Будешь делать из него человека?

— Из него-то? Он и так человек, дай бог каждому.

Я промолчал. Тревога во мне осталась. Пока еще маленькая, непонятная...

ОТЕЛЬ

«КУРЯТНИК НА КОЛЕСАХ»

Наша компания

Это Глеб назвал так наш вагон: отель «Курятник на колесах». Вагон был покосившийся, щелястый, будто и в самом деле старый курятник. Но мы его любили.

С двух сторон у вагона были широкие раздвижные двери. Те, что смотрели в сторону станции, оставались закрытыми: их наглухо заклинило. А те, что выходили на пустырь за тупиком, нормально раздвигались и задвигались. В торцевых стенках вагона тоже находились двери. Они вели на узенькие крытые площадки, вроде балкончиков. Наверно, раньше здесь размещались те, кто караулил ценные грузы...

Глеба мы устроили неплохо. Принесли ему (а заодно и себе) надувные матрацы, несколько старых одеял. Я нашел на чердаке круглый фонарь типа «сатурн». Днем он заряжается от солнца, а ночью сам светит, как солнце. Юрка распотрошил где-то старенький карманный телевизор, которые сейчас уже не делают. Экран часто мигал и путал краски, но Глеб все равно радовался.

В вагоне сохранились широкие полки — вроде двухэтажных нар. Можно спать хоть внизу, хоть наверху. Мою машинку Глеб поставил на пластиковый ящик, который служил столом.

Все получилось хорошо, только щели в стенах заткнуть мы не смогли. Слишком их было много.

— Да ладно, — сказал Глеб. — Погода у вас теплая, до осени и так протяну.

— Дело не в погоде, — озабоченно разъяснил Юрка. — На станции увидят, что вечером щели светятся, и начальник попреет нас.

— Да не попреет он, — отозвался Глеб. — Он знает, что я здесь поселился.

— И не ругается? — удивился я.

— Нет. Он хороший дядька.

Юрка шевельнул щекой. «Хороший дядька» часто орал на мальчишек и обещал оторвать уши за то, что бегают не через мост, а прямо по путям.

— Он понял, что мне деваться некуда, — вздохнул Глеб.

И мы опять задумались над его странной историей.

Где этот город Колыч? Почему никто о нем не слышал, если ехать от него до нас два часа? И вообще, когда Глеб рассказывал про себя, мы узнали много странного.

Глеб с семи лет жил в интернате, потому что родители его разбились в авиалайнере. (Как может разбиться лайнер?). Школа у них была громадная — несколько зданий по четыре этажа. (Хотя все знают, что интернаты и школы выше двух этажей строить запрещено). Рядом с интернатом стоял механический завод, и старшие ребята проходили там практику (это, конечно, здорово, но как завод может стоять рядом со школой? Куда смотрели врачи?).

Но Глебу мы верили. Было видно, что он не придумывает. Он оказался хорошим парнем, добрым таким, и ни чуточки не показывал, что старше нас. Только в те моменты, когда Глеб брился, мы вспоминали, что ему больше двадцати.

Глеб разводил в чашке мыльную пену, мазал этой пеной светлую щетинку на худом лице и со скрипом скоблил щеки страшной складной бритвой. Пух на подбородке он оставлял. Мы держали перед Глебом зеркальце и смотрели, развесив губы. Такое допотопное бритье мы раньше видели только в кино.

— Учитесь, учитесь, молодежь, — говорил Глеб, махая тонким лезвием. — Бритье — истинно мужское дело.

Однажды, взбивая пену, Глеб научил нас выдувать из нее и пускать по ветру большущие радужные пузыри. Мы с Янкой просто выли от восторга, да и Юрка радовался. Никто в Старогорске до этого не знал такой игры. А Глеб удивлялся: что за город, простых вещей не знают!

Но те простые вещи и дела, которые были в Старогорске, его тоже удивляли. Например, что хлеб в булочных бесплатный, что пообедать можно тоже без денег, если не в ресторане, где танцы и стереотеатр, а в простой столовой. И что в автоматической прачечной платить не надо (он туда носил свою рубашку).

— А сигареты стоят бешеных денег! — возмущался Глеб.

Но сигаретами его снабжал Ерема.

Ерема вставил в свои потроха лампу из моего приемника, и боли в затылке у него прекратились. Он долго благодарил меня и подарил литой пистолет (такой тяжелый, что чуть не свалились штаны, когда я положил его в карман). Вагон Ереме понравился, да и наша компания тоже. Он стал заходить в гости. Играл с Янкой в магнитные шашки, курил с Глебом на вагонной площадке, сидел вместе с нами, когда мы разговаривали о всяких своих делах или обсуждали таинственную Глебову историю.

Мы потрошили эту историю снова и снова. Глеб никогда не отказывался от таких разговоров. Но порой лицо его делалось грустным. Он снимал очки и рассеянно чесал ими в затылке.

Однажды Янка осторожно спросил его:

— Скучаешь?

— А... Да, — Глеб неловко заулыбался. — Там меня работа ждет, а я здесь торчу, как курорт-

ник. Неизвестно, кто я и зачем... С другой стороны, хочется во всем разобраться до конца. Иначе я не журналист, а дырявый чайник... Вот хожу, смотрю, потом сижу, пишу. Пытаюсь воды сделать. Хорошо, что машинка есть, спасибо Гельке... А с третьей стороны...

— Разве в логике есть такое понятие — «третья сторона»? — придиричиво спросил Ерема.

— Есть... С третьей стороны, пора бы все-таки домой, но куда и как? С четвертой — что делать дальше-то? Там люди ждут, волнуются...

— Друзья? — спросил Янка.

— Ну... и друзья. И редактор...

— Меня дернуло за язык:

— И невеста?

Глеб серьезно сказал:

— Невесты пока нету.

— А ты влюблялся? — нахально спросил Юрка.

— Бывало, — засмеялся Глеб. — Но в основном неудачно.

— А зачем влюбляются? — спросил Ерема.

— Низачем. Это бывает само собой, — сказал Глеб.

— Необъяснимое отклонение от логики. Чисто человеческое свойство, — скрипуче подвел итог Ерема и сморщил нос.

— А у тебя всегда все объяснимое? — поддел Юрка. — Скажи, ты зачем статуи в парке громил?

— Это объяснимо. Я думал, они шпионы.

— Кто?! — хором спросили Юрка, Янка и я.

— Шпи-оны. Не все, а некоторые. Я не знал, какие. Бил все. Некоторые не бились.

— Да чьи шпионы-то?

— Я не знаю. Мне казалось.

— А потом не стало казаться? — хихикнул Юрка.

— Нет, потом тоже. Но я не стал. Гражданин милицейский начальник объяснил...

— Что объяснил? Что тебя по голове тазиком стукнули? — со смехом спросил Юрка.

— Он сказал: «Ерема, если они шпионы, они люди. Нехорошие, но все равно люди. А робот не имеет права делать вред людям. Никаким». Я не стал.

— Но ведь они не люди, а просто гипсовые куклы! — крикнул я.

— Разберемся, — сказал Ерема. Потом спросил немного другим голосом: — А чего ржете?

Мы смутились. Разве Ерема виноват, что не все знает. Никто же ему не объяснял, что шпионов у нас не бывает.

Вообще-то Ерема был очень умный. Математику и физику он знал, наверно, лучше наших учителей. И электронную технику. Он изучил эти науки в подвале библиотеки. Но историю он совсем не изучал. В живой природе тоже не разбирался. И писал безграмотно. Такими корявыми буквами, что порой и не разберешь. Наверно, поэтому он очень интересовался машинкой и лю-

бил тыкать в клавиши твердым пластмассовым пальцем. Палец часто застревал между клавишами. Ерема скрипучим шепотом ругался.

Ерема был недоволен своей системой. Он рассказывал, что делали его тяп-ляп, чтобы успеть к выставке. От случайного удара голова его перестроилась и поумнела, но конструкция-то лучше не стала. Один раз он долго ворчал, что на корпусе не сделали карманы. Тогда я подарил ему куртку, в которой принес машинку. Ерема целый вечер был как именинник.

Скоро Ерема совсем переселился в «Курятник». Он притащил старый сундук и сказал:

— На свалке старухи совсем заели. Можно здесь устроиться?

Мы не поняли, что за старухи, но Ереме были рады. Особенно Глеб. Он говорил:

— Хороший мужик, хотя и железный, умница. Оригинал. Откуда у вас такие берутся?

Мы объяснили, что не «такие», а «такой». Потому что Ерема — единственный в своем роде. Автоматические дворники и контролеры в кино не в счет. Они практически совершенно безмозглые.

Ерема со своим сундуком устроился в дальнем углу «Курятника». За сундуком он, как за столом, читал или что-то царапал на бумаге. На сундуке спал: сядет на него, сложит калачом ноги в бутсе и валенке, привалится к стенке и выключится. Только внутри за жестяными дверцами тикает реле времени.

Сейчас Ерема был не такой, как в недавней молодости. Песен не горланил, разговаривал сдержанно. Бывало, правда, что раздражался, но редко. Если уж очень сильно Юрка начинал доносить его ехидными вопросами.

Юрке почему-то нравилось поддевать Ерему. Начинал он спокойно, невинно так. Например, говорит:

— Ерема, а почему у тебя такое имя? Несовременное...

— Так получилось, — отвечает Ерема и поскрипывает внутри.

— Как получилось?

— Сначала было ЭР-м«А». Электронный робот, модель А. Сокращенно — Эрема. Переделали в Ерему. Постепенно.

— А что такое модель А?

— Значит начальная. А — первая буква в алфавите.

— А что, собирались строить на все буквы? — радуется Юрка. — Тридцать три братца-богатыря! Самый умный на букву Ъ!

Ерема опускает голову на ребристой резиновой шее. Потом говорит негромко, будто не Юрке, а себе:

— Мне хватило бы и одного...

Нам почему-то не по себе. Даже Юрке.

— Ладно, старик, ты не обижайся.

— Электронные системы не обижаются, —

сухо отвечает Ерема. И, видимо, это неправда.

Я с досадой гляжу на Юрку и говорю:

— Ерема, дай ему валенком по копчику, чтобы не болтал!

— Не могу,— объясняет Ерема с явным сожалением.— Робот не может наносить вред человеку.

— Какой же это вред? Это ему только на пользу!

Ерема поднимает голову и, кажется, всерьез обдумывает задачу: вред или польза?

— Но-но,— говорит Юрка и на всякий случай лезет на верхние нары. Туда тяжелому Ереме не забраться.

— Вопрос отпадает,— подводит итог Ерема.

Мы смеемся. Даже Ерема весело похрюкивает резиновым носом. И опять нам хорошо вместе.

В «Курятнике» мы собирались обычно по вечерам. Днем у каждого хватало своих дел. У меня, у Юрки и Янки—известно, какие дела: каникулы на дворе. Янка, кроме того, каждый день ходил на музыкальные занятия. Ерема чистил башмаки прохожим или копался в своем электронном нутре, паял там что-то. Глеб тоже был занят. Начальник станции взял его на временную работу: разбирать старые документы и оформлять стенгазету для пассажиров (которых почти не было). За это Глебу кое-что платили. Он купил себе пару новых башмаков и рубашку.

А еще он купил несколько пачек бумаги, копирку и каждый день щелкал на моей машинке. Быстро-быстро! Многие листы рвал, а уцелевшие складывал в стопку.

Один раз я прибежал раньше Юрки и Янки, а Глеб сидит над машинкой сгорбившись, чешет за ухом снятыми очками. Повернулся ко мне—лицо без очков незнакомое и ужасно печальное.

— Не получается ничего, Гелька... Думал, напишу по порядку, тогда во всем разберусь. Мыслишки приведу в порядок. А ничего не выходит. Белиберда, каша...

Я переминался перед ним, не знал, как помочь. Глеб широченной ладонью провел по моему ежику.

— Пойду, покурю...

Я остался у машинки. Две стопки напечатанных листов лежали на краю стола. Но лежали они вниз текстом—буквы еле просвечивали через бумагу.

Любопытный черт подтолкнул меня. Знал ведь я, что свинство это—совать нос в чужие бумаги, а рука сама приподняла листок...

Прочитать я не успел ни слова. Глеб кашлянул за спиной. Когда он вернулся?

Тут бы и провалиться мне сквозь дощатый пол, сквозь шпалы, сквозь кору Земли. Глубже Ярксонской скважины, на которой работает отец.

Не провалился. Только башка опустилась, а шею и уши будто капроновой мочалкой надрали.

А Глеб сказал, будто ничего не случилось:

— Да ничего там хорошего, путаница всякая. До сути я еще и не добрался... Почитай, если хочешь.

Лучше бы взял за шиворот да выставил из «Курятника».

— Я нечаянно...— глупо пробормотал я.

— Да?— вздохнул он.— А я думал, тебе интересно.

— Мне... интересно,— выдавил я, не поднимая головы.

— Ну и возьми. Можешь забрать домой и почитать. У меня два экземпляра на всякий случай...

Я понемногу перестал краснеть и отдышался. И хотел взяться за чтение прямо сейчас. Но пришли Юрка с Янкой, а за ними грустный Ерема.

Ерема взгромоздился на сундук, запахнул куртку и мрачно проскрежетал:

— Выключиться, что ли...

— Ты чего кислый?— спросил Глеб, забираясь на верхнюю полку и прихватывая машинку.

— Меланхолия,— сказал Ерема.— Все паршиво. Один на свете.

— Как это один?— осторожно сказал Глеб.— А мы?

— Вы—хорошо. Но это недолго. Будет осень, все разойдется, «Курятник» будет пустой. Это с одной стороны...

— Все равно мы тебя не бросим,— сказал я.

— Понимаю. Это тоже хорошо. С другой стороны. А с третьей стороны все равно я один такой.

— Тогда обзаведись детьми,— посоветовал Юрка.— Построишь домик, будешь сидеть с ними у камина и рассказывать, как развлекался в молодости... Только не оставляй их на тетушек.

— Откуда у Еремы тетушки,— сказал Янка.

— Да,— согласился Ерема.— И где взять детей?

— В самом деле...— заметил Глеб.

— Откуда они вообще берутся?— спросил Ерема.

Юрка хмыкнул. Глеб завозился на верхней полке и сказал:

— М-м... да. Видишь ли, Ерема, человеческий опыт все равно тебе не пригодится.

— Я не для опыта. Для информации. Я эту проблему еще не изучал.

Юрка захихикал. Янка лежал на нижней полке, закинув руки, и внимательно рассматривал над собой доски. Я глянул на них и бодро сказал:

— Видишь ли, Ерема, это большая волокита. Прежде всего нужны два человека—папа и мама. Они договариваются, какой должен быть ребенок. Потом они идут... в это... в магазин «Детский мир», в самый малышейовый отдел, подаю заявление... Да, еще документы нужны, что

они именно папа и мама. От других родственников и от посторонних заявки не принимают... Ну, а потом приезжает почтовый фургон, приносят заказ: розовое дитя в коробочке. Воспитывайте... Иногда, правда, перепутывают. У меня мама и папа хотели девочку, а получили рыжего бестолкового мальчишку.

— Почему же обратно не сдали? — спросил Глеб.

— Обратно не принимают. За какого распались, такого и воспитывайте.

Янка задумчиво сказал:

— А со мной не так было. Мама и папа никого не ждали, а в окошко влетел ветер. Маленький такой ветерок, закрутил по комнате всякие бумажки, лепестки с букета. А когда вылетел — пожалуйста. Я лежу на кровати... Мне дедушка рассказывал.

Я покосился на Ерему и спросил придиричиво:

— Но документы у мамы с папой все-таки были?

— Конечно!

Юрка зевнул и сказал:

— А обо мне предания молчат. Думаю, обошлось без документов. Ты, Ерема, не верь этим бюрократам.

— Балбесы, — отчетливо произнес Ерема. — Вы не поняли вопроса. Я спрашиваю, как получают дети, такие, как вы. Бестолковые и вредные.

Глеб обрадованно захохотал. Но потом спохватился:

— Ерема! Это сложный научный вопрос. Они же все равно разные. Вот Янка, например, он вместе со скрипкой на свет появился. Почему?

— Нет, — сказал Янка. — Скрипку дед сделал. Сразу, как я ро... как ветер принес.

Глеб сказал:

— Принес бы ты еще разок скрипку, поиграл бы...

— Ну, пожалуйста.

Янка не стал ждать другого раза. Сказал, что принесет скрипку сейчас. Это же мигом: туда и обратно — полчаса.

— Я с тобой, — подхватился Юрка.

Они теперь все время так: если куда один, туда и другой. А меня когда позовут, а когда и забудут.

Сейчас забыли. А я стал такой же скучный и одинокий, как Ерема. И полчаса бродил вокруг вагона, сшибая палкой «бабушкины бусы». Хотя нет, не полчаса. Они прибежали раньше.

Когда Янка начал играть, я перестал дуться. Просто забыл. Он так здорово играл! Даже Ерема слушал, подперев башку пластмассовой ладонью.

Янка и раньше устраивал концерты в вагоне. Его хлебом не корми — дай поиграть, а нам нравилось слушать. Я не всегда вникал в мелодию, но любил смотреть, как летает над скрип-

кой смычок и как мечется по стене Янкина тень. Как он качается на тонких ногах, будто улететь хочет, и как разлетаются у него волосы... Всегда хорошо смотреть на человека, если он что-то делает от души...

В этот раз он играл особенно долго. То песни — знакомые и простые, то что-то запутанное, быстрое. А потом... потом я услышал ту музыку, что играл Янка в день знакомства. Там, на разноцветной веранде.

Оказывается, я эту музыку помнил!

В ней и правда было что-то такое... Ну, не трубы и барабаны, как сказал тогда Юрка, однако что-то тревожное. Негромкий сдержанный марш. А еще — плавная и хорошая такая мелодия, которую вдруг что-то ломает, и будто звучат резкие шаги. А затем — тише, тише, тише... И вдруг снова тревожный марш. И сигнал трубы. И конец...

— Это что за вещь? — спросил Глеб, когда Янка опустил скрипку.

— Ее Янка с дедом сочинил, — быстро сказал Юрка.

— Да? А что это такое?

— Это... ну, вроде музыкальной пьесы, — застенявшись, объяснил Янка. — Называется «Восстание».

— Похоже, — сказал Юрка.

И я подумал, что похоже.

Янка сел, положил скрипку на колени и объяснил:

— Это так случилось... Я еще в первом классе был, и дедушка рассказал мне про одно давнее восстание. Там была баррикада, и на ней отбивались от врагов взрослые и ребята... Мы про это и стали придумывать музыку. Ну и вот...

— А они победили? — спросил я. — Те, кто на баррикаде.

Янка покачал головой:

— Нет, они просто отбились и ушли. Те, кто не погиб.

— Такие восстания редко побеждали, — сказал Глеб.

— Почему? — удивился я.

— Подумай сам, на баррикаде много ли завоеешь? Враги лезут и лезут, а у тебя патроны кончаются, хлеба и воды тоже нет. Вот и остается погибнуть или уйти куда-нибудь. Если не хочешь сдаться.

— Нет, они не сдались, — тихо сказал Янка.

Когда мы шли домой, за тополями светил закат, а над головой уже появились звезды. Было хорошо, и я забыл все грустные мысли. У меня в голове толкалась музыка Янкиного «Восстания». Потихоньку я стал насвистывать марш.

Юрка вдруг сказал:

— Гелька, помнишь, ты просил у меня арабскую монетку?

Я помнил. В прошлом году Юрка где-то раздобыл медную денежку с заковыристыми буквами и с круглой дыркой посередине. Появилась тогда у мальчишек мода — носить старинные монетки на шее, на шнурке. Будто амулет штурмана Кареева из фильма про скадерменов. Но я-то не для этого ее просил, а для коллекции. Юрка не давал.

— Ну и что? — удивился я. — Это же когда было...

— А сейчас? Хочешь?

— Ну... хочу.

— Только уговор...

— Какой?

— Не свисти, ладно? У тебя слух, как у большой курицы.

Я сбил шаг. Будто снежком в лицо вляпали. За что? Но... я ничего. Пошел дальше. Все делалось по-другому, но я шел.

Янке, видно, стало не очень-то хорошо.

— Юр... — проговорил он.

— А что? Я правду говорю.

Конечно, он правду говорит... Я сказал:

— Ну давай.

— Что?

— Монетку. Я же перестал свистеть.

Юрка хмыкнул, зашарил в необъятных карманах. Положил мне в ладонь денежку. Я размахнулся и бросил ее вдоль улицы.

И сразу я быстро пошел вперед, оторвался от Юрки и Янки. Было тихо. Только стучали по камню мои шаги да шелестели на груди листы Глеба — я их сунул под майку.

О чем писал Глеб

Дома я был такой насупленный и так мне было все равно, что даже с тетей Викой я не спорил. Послушно умылся, послушно съел морковку со сметаной, послушно пошел спать.

Но не заснул, обида грызла. На Юрку. После того, как появился Янка, Юрка стал со мной совсем не таким. Будто надоел я ему, будто я опять «Копейкин»...

На Янку я ни капельки не злился. Если бы нам втроем одинаково дружить, я бы только радовался. Но теперь я в стороне. Все время я это чувствую. Иногда просто до слез чувствую...

А что, если Юрка станет уже не друг, а... просто как все мальчишки. Тогда мне как жить? У меня же... если честно говорить, у меня кто есть на свете? Мама, папа да Юрка. Он-то этого не знает, про такие вещи не говорят никому. Но себе можно сказать. Если не вслух, а мысленно. Если ночью, когда рядом никого нет...

Я лежал, выбросив подушку и запрокинув

голову. Смотрел на розовую луну в бледном небе. Быстро темнело, и луна становилась все ярче. И расплывалась, расплывалась в глазах. Я со злостью моргнул, перевернулся на живот.

Ладно, Юрочка, живи, как хочешь, я набиваться в друзья больше не буду. В конце концов, и без тебя хватает на свете хороших людей. Вот Глеб... Между прочим, не тебе и не Янке, а мне одному он дал почитать свои записки.

Я включил фонарик и взял с подоконника листы...

«Я должен все написать по порядку. Мне сейчас не до красоты стиля. Главное — чтобы точно. Чтобы разобраться в этой истории. Я был бы уверен, что все это сон, если бы не мальчишки. Очень уж они живые. В том смысле, что настоящие...»

Да, я же хотел по порядку. Вот так.

Я, Глеб Сергеевич Вяткин, литературный сотрудник районной газеты «Маяк» в городе Колыче. В этот город я приехал три месяца назад, когда перешел на заочное отделение и попросил заведующего кафедрой журналистики подыскать мне какую-нибудь должность в газете. Меня долго не хотели отпускать с факультета: «Зачем тебе это надо, четвертый курс, куда-то ехать из Москвы, ты так и застрянешь в районе, какая глупость...»

Каждому свое. Москвы за три года мне хватило. По крайней мере пока. «Районка»? Ну и хорошо. Я всю жизнь (кроме армии и университета) прожил в районном Ново-Вятске, я люблю маленькие города. Я хотел работать и писать первую в жизни книгу. Сам еще толком не знаю, о чем эта книга. Но, чтобы ее писать, надо работать, надо делать дело...

Мне двадцать четыре года. До семи лет я жил с родителями. Потом случилась катастрофа. Они первый раз в жизни отправили меня в лагерь, а сами полетели отдыхать к морю, и самолет разбился при посадке... Меня определили в интернат. Я хорошо помню этот черный год: и застывшее внутри меня, как ледяной ком, горе, и сны, когда мама и папа снова живые, и тоску... К интернату я привыкал медленно. Два раза убежал в лес, чтобы построить дом и жить в одиночку. Потом все же привык. Только мечта о собственном доме (или просто о комнатке, о каюте, где ты один) с той поры у меня была всегда.

С семи лет и до приезда в Колыч у меня не было своего угла. Сначала большие спальни в интернате, потом общежитие в строительном ПТУ. Затем казарма в военном городке. Из-за слабого зрения в строй меня не взяли. Был писарем в штабе, потом перевели в дивизионную многотиражку. Когда закончилась служба, военное начальство дало мне характеристику

для поступления в университет: в газете я печатал кое-какие рассказы и репортажи.

Без большого труда я поступил на факультет журналистики (и опять общежитие).

Все шло хорошо в смысле зачетов, экзаменов и курсовых работ. Но написать ничего дельного не мог. Начал повесть об армейской жизни — не вышло. Пробовал писать про детские годы — тоже не смог. В интернате хватило всего — и горького, и хорошего, но вечное ощущение сиротливости проступало в памяти и сквозь радости. Я не хотел об этом.

Я хотел что-то найти. Свое.

Как в одном детском сне: стою посреди пустой улицы в громадном незнакомом городе и чего-то жду. Улица — прямая, длинная, уходит неизвестно куда. И я знаю — можно по ней шагать и шагать, и она поведет из города через леса и степи, вокруг Земли. И будет много-много интересного, незнакомого. Может быть, опасного и страшного. Я не боюсь, но что-то не дает мне сделать первый шаг. Будто должен кто-то подойти и что-то сказать. И вдруг я думаю: «Чего я жду? Здесь у меня никого и ничего. А впереди обязательно что-то есть!» И я шагаю... и просыпаюсь...

В общем, я перешел на заочное отделение и приехал в Колыч. Редактор в «Маяке» оказался неплохой дядька, но он, видимо, решил: чем больше взваливать на молодого литсотрудника дел и заданий, тем скорее он станет «газетным волком». И пошло: я мотался по району, писал репортажи о механизаторах и отчеты с совещаний передовиков, зарисовки о жизни местного ПТУ и корреспонденции о заводе «Богатырь». Я не отказывался ни от какой работы, не спорил. Лишь два раза я сцепился с ответственным секретарем газеты, когда он вычеркивал у меня самые интересные абзацы. Мы долго орали друг на друга, но оба раза секретарь уступал. Он был крикливый, но не злой старик.

Кстати, этот наш ответственный секретарь и пожалел меня, когда увидел, что я совсем вымотался. Он сказал редактору:

— Митя, ты совсем загонял парня. Пускай Глебушка съездит на три дня в пионерский лагерь. Напишет, как загорают наши ребятишки, и сам заодно позагорает, по лесу побродит, подышит полной грудью и от нас, старых склеротиков, отдохнет...

Редактор «Митя» сперва заскрипел, что все, мол, хотят дышать, а писать о заготовке кормов должен, значит, Николай Васильевич Гоголь, но глянул на меня и махнул рукой:

— Сегодня четверг. Мотай и дыши до понедельника.

Я подхватил сумку и махнул на вокзал.

До Старо-Талицы, рядом с которой лагерь, ехать два часа на поезде. По закону вечного свинства нужная электричка уже ушла, следую-

щий поезд только вечером. Я вышел на платформу и стал подумывать о попутном товарняке. Но не было ничего подходящего. Стоял один состав, но без тепловоза — неизвестно, когда и куда двинется. Промчался другой, но на полной скорости и сплошь одни цистерны...

Когда цистерны перестали мелькать, я на самом дальнем пути заметил зеленый поезд. Старенькие вагоны с площадками и крутыми крышами. Прямо музейный экспонат под открытым небом. Конечно, это был какой-то пригородный поезд, такую рухлядь не станут посылать на дальние расстояния. Я взлетел на виадук, промчался над путями и оказался как раз у поезда. В этот момент он тронулся. В ту сторону, куда мне надо. На проходящих вагонах я заметил таблички:

Ст. Мост — ст. Мост

«Кольцевой, что ли? — подумал я. — И что за станция Мост?» Но дальше думать было некогда. Я вскочил на площадку последнего вагона. В конце концов, куда бы этот древний поезд ни ехал, мимо Старо-Талицы не провезет, линия здесь одна.

Билета не было, но я решил, что покажу редакционное удостоверение и отговорюсь срочной командировкой. В крайнем случае суну проводнице рубль.

Однако в вагоне никого не оказалось. Ни проводницы, ни пассажиров. Только сквозняки летали в открытые окна и крутили среди облезлых скамеек мусор.

Я сел у открытого окна, достал блокнот и начал мусолить первую фразу новеллы, которую собирался написать про картину неизвестного художника в Колычской галерее:

«Под вечер солнце косо падает в крайнее окно и освещает нижний угол тяжелой рамы...» Мне мешали эти дурацкие навязчивые буквы «ж» в стоящих рядом словах: ...ниж-жний... тяж-желой... Я стал перестраивать фразу и на те места, мимо которых ехал, совсем не смотрел.

И теперь я не могу точно сказать, когда эти места исчезли. Куда сгнули.

Сильно трянуло, я поднял голову. И ничего не смог понять (и сейчас не могу). Мы ехали не в ту сторону. Я не помнил, чтобы поезд тормозил и менял направление, но ехали мы явно назад. И главное — неизвестно где.

Поезд проскочил мостик над оврагом и пошел вдоль широкой реки. Я увидел на холмах городок со множеством колоколен, какие-то белые купола. Хороший такой городок. По реке, не отставая от поезда, мчался теплоход невиданной формы. Вернее, не по реке, а над рекой — видно, на воздушной подушке.

Я мотал головой, как ошалевший теленок. Потому что во всей округе у нас не было боль-

шой реки. И города, кроме Колыча, не было. Я исколесил район и знал его досконально.

Легче всего было предположить, что я сплю. Но вагон снова тряхнуло, и я треснулся затылком о трубу воздушногo тoрмoзa. Дoстaтoчнo крeпкo, чтoбы прoснуться...»

На этом кончился очередной лист, а дальше страницы шли не по порядку. Они оказались без номеров и, видимо, были перепутаны. Я читал уже отдельные отрывки.

«...станции Старые Горы в нашем расписании нет.

Он говорит:

— А в нашем нет никакого Колыча. Посмотрите внимательно сквозь ваши очки, черт возьми! Где я вам возьму станцию, которой нет на свете?!

Я разозлился совсем по-глупому:

— Это ваших Старых Гор нет на свете!

— Вот и прекрасно! Тогда отправляйтесь на ту станцию, которая есть, а мне не мешайте работать.

Я говорю:

— Дайте схему путей вашего участка.

— Может, вам всю документацию развернуть? Может, вы ревизор? Так я вам заранее скажу: она в полном беспорядке, эта документация! Можете увольнять! У меня нет должности делопроизводителя, чтобы чистить архивы!

— Мне архивы не нужны! Схему дайте! Я журналист, вы обязаны!

— Надо еще разобраться, что вы за журналист... Да вон она, схема, на стене висит!

Я больше часа торчал перед картой, все пытался понять, что это такое. Колыча не было. Старо-Талицы тоже не было. Ничего, что знакомо...

У меня за спиной кто-то закашлял. Я оглянулся — пожилой милиционер.

— Здравия желаю, — говорит. — Документы ваши позвольте полюбопытствовать.

Я дал ему удостоверение. Он почитал, пожал плечами.

— Издалека, видать...

Начальник станции тут же сунулся:

— Пассажир утверждает, что ехал не больше двух часов.

— Бывает, — сказал милиционер. — А вы случайно... я, конечно, извиняюсь... когда в вагон сядились, немножко не того?

— Нет, «не того». Я вообще никогда «не того»!

— Похвально, конечно... — Он отдал мне удостоверение, на начальника станции поглядел, руками развел.

— Разбирайтесь, — говорит, — сами...»

«...— А эта станция Мост, она-то где?

— Да нет же, нет такой станции! — заорал он.

Вообще-то он, по-моему, неплохой человек, добродушный на вид. На нашего ответственного секретаря похож — тоже лысоватый, кругленький. Если и сердится, то не всерьез. Но тут я его просто до бешенства довел. А что мне было делать?

— На поезде же написано, черт побери! «Эс, тэ, Мост!»

— Где? Где он, поезд?! Покажите мне его!

— Да там он стоял! На крайнем пути! Вы начальник станции или парикмахер? Не знаете, какие поезда у вас проходят?

Мы вышли на перрон.

— Где? На каком пути? — стонет он, бедняга.

— Вон на том, за водокачкой!

— Господи! Да там же тупик! Видите, там старый вагон! Он там сто лет стоит!

Я плюнул и пошел через рельсы.

Подхожу — правда, тупик. Правда, вагон...»

«Буфетчица и говорит:

— Станный у вас рубль какой-то...

— Почему странный?

— Да вот... цифра не с того краю. Цвет какой-то...

— Всю жизнь получаю зарплату такими рублями, — сказал я. А сам думаю: «Пора уносить ноги. Так я и в фальшивомонетчики уйду». Однако она рубль взяла, дала гривенник сдачи...

И пошел я снова на вокзал. Думаю — вдруг чудо? Вдруг там стоит этот самый поезд? Нет, все тот же тупик, все тот же старый вагон. Я постоял, подумал и забрался внутрь...»

«...этот дурак в «Вечернем Старогорске». Тоже мне — коллегал! «У нас, — говорит, — в последнее время просто наплыв авторов-фантастов. Один рассказывает сказку про гипсовых пришельцев из другой галактики, второй историю вроде вашей, третий про машину времени в виде трехколесного велосипеда. Такие вещи надо печатать в столицах, там специальные журналы. А у нас городская газета, местные новости...»

«... если бы не эти мальчишки. Особенно Гелька.

Мне показалось, что в этом городке, таком ласковом и хорошем, все должны быть веселыми. А у Гельки то и дело тревожные глаза. И почему-то очень часто оцетинивается обидой, как шипастым щитом. Я такой был — это понятно. А он-то с чего? Живет нормально, никаких забот... Никаких? Откуда я знаю?

Господи, что я вообще знаю об этом мире?

Какой он? Как меня сюда занесло? В этот непонятный край, где вечером передают по телевизору новости о разведчиках Марса, а с мальчишками дружит скрипучий робот-меланхолик...

А может быть, Дмитрий Афанасьевич, начальник станции, прав? Мы пили чай у него в кабинете, и он сказал:

— Глеб... А если тебе просто привиделся такой Колыч? Ты не обижайся, бывают иногда такие заскоки, особенно у писателей.

Я подумал: а что, если правда?

Но удостоверение...

Нет, я совсем какую-то ерунду пишу.

Дмитрий Афанасьевич предложил:

— Давай, устрою в гостиницу.

— Нет, я в вагоне. Пока тепло... Как-то привычнее.

Дело, конечно, не в том, что привычнее. Просто я боюсь уходить со станции. Все надеюсь: вдруг опять появится тот поезд...

— Ну, живи, не жалко. Только смотри, чтобы пацаны твои не баловались...

— Нет, они спокойные ребята...

«...одиночество. Какая-то грустная закономерность. Сошлись те, кому дома чего-то не хватает. У Гельки отец на Севере, и мать снова уехала к нему. Юрка — сумрачный и будто на ключик запертый — сам уехал от матери. Янка... у него вроде бы все хорошо, но... не знаю. Почему он все «дедушка» да «дедушка», а о родителях ни слова. И в музыку свою уходит, будто спасается от чего-то. Как я спасался, придумывая книжки, которые когда-нибудь напишу...»

«Опять не получается по порядку.

Вспоминаю мою комнатку в Колыче. Я по ней скучаю. По редакции тоже скучаю. И по проклятой своей работе! Я там нужен был людям! А здесь я кто?

По комнатке — какая-то особая грусть. Ведь это первая в моей жизни моя комната. Я оклеил ее не обоями, а географическими картами — от пола до потолка. Полку для книг прибил. Печку побелил. Батареи тоже есть, но когда в печке огонь горит, как-то веселее. Купил в рассрочку «Электронику». Экранчик маленький, но мне такой и нравится...

До сих пор люблю детские передачи. В Колыче всегда смотрел «Вечернюю сказку» местной студии. Она начиналась с той же песенки, что в Ново-Вятске, в давние времена. В интернете у нас эти вечерние тридцать минут были лучшим временем. Соберемся у телевизора в кучку, будто дома, в семье... На экране — сказочный городок, часы на башне, и начинается песенка. Мне особенно нравилось:

И если были слезы в этот день,
Придет другой — теплой и веселее.
Ты сказку за руку возьми —

назло беде.

И улыбнись.

Она тебя согреет...»

Я беспокойно завожился под одеялом. Но дочитал страницу до конца:

«Здесь тоже по вечерам детские передачи. Но песенка другая, незнакомая.

Юрка притащил мне маленький, меньше моей «Электроники», телевизор. Он часто барахлит, зато цветной. Когда нет ребят, я его включаю и смотрю все подряд. Некоторые передачи просто не пойму. Или это цикл «Очерки из будущего», или...»

Я выбрался из постели, вытащил из шкафа спрятанный за книжками свой «Журнал наблюдений Звездной станции Гелия Травушкина». Открыл наугад и увидел сразу:

«16 июня 209 г. к. э.

Сегодня были громкие шелестящие звуки, а потом опять пробилась колыбельная песенка, я слышу ее уже третий раз. Разобрал в ней слова: «И если были слезы в этот день, придет другой — теплой и веселее...» Хорошо, что придет. У меня самого сегодня были слезы. Один раз из-за Юрки, а другой раз из-за тети Вики. Но с Юркой я помирился. А с тетушкой не буду».

Я спрятал журнал за книги. Листы Глеба — тоже.

...Глеб, откуда ты, а?

Огненный рецепт

С Юркой я назавтра помирился. А что еще было делать?

Жизнь в «Курятнике на колесах» пошла по-прежнему.

Ерема повесил в своем углу вырезанную из журнала фотографию: портрет мальчишки. Мальчишка небольшой — класса из первого или из второго. И веселый такой! Голову запрокинул и хохочет. На носу конопушки, а в глазах два солнышка.

Глеб подошел, присел, упершись в колени, долго разглядывал портрет. Потом сказал:

— Славный парнишка... Кто это, Ерема? Знакомый, что ли?

Ерема что-то царапал на бумаге. Он прокрипел неохотно:

— Знакомый, незнакомый, какая разница? Ваську такого буду делать...

Тут мы все подошли. Что он задумал?

— Какого Ваську?

— Говорю: вот такого...— Он кивнул на снимок.

— В точности?— удивился Янжа.

— Не в точности,— разъяснил Ерема, не отрываясь от бумаги.— По характеру похожего. А с виду будет вроде меня. Только маленький. Роботенок-ребяенок. Васька... Я ему буду папа и мама.

— Да-а...— задумчиво сказал Глеб и почему-то вздохнул.

Ерема поднял голову и обвел нас зелеными индикаторами.

— А чего одному век вековать? Будет Васька, будем вдвоем... Путешествовать пойдем по дорогам, белый свет глядеть...

— Меня с собой возьмите,— сказал Юрка, не то дурачась, не то всерьез.

— Только потом возвращайтесь,— попросил Янка.

Еремина идея нам понравилась. С роботенком-ребяенком жить ему станет веселее. И вообще здорово, если появится на свете маленький железный Васька с таким вот неунывающим характером. Будет нам товарищем. Можно попросить, чтобы в школу записали. Если способности окажутся, как у Еремы, сразу отличником делается.

Ерема увидел, что мы радуемся, и настроение у него подскочило. Он замурлыкал музыку и объяснил:

— Руки-ноги из дюралевых трубок составлю, чтобы легче было бегать-играть. Пацаненок ведь... Для туловища ферропластовую канистру нашел, непробиваемую. Голову, наверно, из чайника сделаю. Чтоб веселее. Пускай с поднятым носом ходит.

— Голову лучше как у тебя,— возразил Янка.— Чтобы похож был на родителя.

— Подумаем,— согласился Ерема.

Юрка с ехидцей спросил:

— А внутри-то что будет, в голове?

Ерема сказал небрежно:

— Что в голове, это не вопрос. Мозги я ему давно рассчитал. У меня суперблоков памяти полсундука припасено... Другое худо: не знаю, как наладить Ваське питание.

— А в чем сложность?— удивился Глеб.— Делай по своему образцу.

— Ну да, по своему,— обиженно заскрипел Ерема.— Я-то вон какой шкаф, а он маленький. Как ребяенок будет в себе таскать пудовые аккумуляторы?... А с подзарядкой какая морока... Был бы двигатель типа «В»! Самое подходящее для пацана.

— Что за тип «В»?— спросил я.— С вентилятором, что ли?

Ерема слегка рассердился:

— Голова у тебя с вентилятором. «В» — значит, вечный.

Глеб тихо свистнул. Юрка сказал:

— Ты, Ерема, зациклился малость. Дошкольники и те знают, что вечный двигатель — бред сивой кобылы.

— А что такое кобыла? Робот?

Мы чуть не померли от хохота.

В динамике у Еремы прорезались нехорошие нотки:

— Дошкольники, конечно, все знают. И школьники тоже. И академики... А если не знают, сразу говорят: «Так не бывает, потому что мы не проходили». Недаром колесо Шишкина никому не показали.

Мы пристали к нему: что за колесо? Ерема покапризничал, но потом рассказал.

Пять лет назад на выставку детского технического творчества (ту самую, с которой Ерема сбежал) восьмиклассник Шишкин принес колесо. Простенькое, деревянное, размер, как у детского велосипеда. Колесо держалось на оси, а ось лежала концами на подставках. У колеса были широкие спицы с желобками, в желобках перекатывались железные шарики. Они словно подталкивали своей тяжестью обод колеса, и оно вертелось...

Янка засмеялся и сказал:

— Это же шутка! Ее еще древние механики придумали, чтобы простактов обманывать. Такой двигатель не может работать!

Ерема покивал:

— Не может. Все так и сказали. Но он работал...

Двигатель работал. Колесо останавливали, но через минуту оно принималось вертеться опять. Вертелось днем и ночью. И модель спрятали в кабинете директора. Потому что она безобразным образом нарушала все законы физики, механики и многих других наук... А Шишкину, кажется, попало.

Глеб покачал головой и сказал:

— Все равно там была какая-то хитрость.

— Была,— снисходительно согласился Ерема.— Шарики в колесе катались просто для вида. Колесо и без них могло вертеться. Шишкин мне потом рассказал один на один, в чем там дело. Он просверлил у колеса ось и спрятал в нее искорку.

— Что за искорку?— спросили мы хором.

— Живую негаснущую искорку. В ней энергия. Тип «В».

— Сдвинулся ты на этом типе,— сказал Юрка.— Не бывает таких искорок.

— Колесо-то вертелось,— возразил Ерема.— Думаешь, из-за шариков? Значит, у тебя самого шарики не там.

— Ну, тогда сделай такую искорку,— посоветовал Юрка.

Ерема сразу помрачнел.

— Не могу.

— Шишкин-то смог,— поддел Юрка.— Разве ты глупее?

— Не глупее,— сообщил Ерема.— Шишкин человек, я робот. Человек может, робот нет. Такой рецепт.

— Что за рецепт? — спросил Глеб.

Ерема наклонился над своим чертежом и не ответил.

— Ерема, что за рецепт? — повторил Глеб.

— Ну... как ее зажечь,— недовольно проскрипел Ерема.

— Эту живую негаснущую искорку?

— Ну...

— А что в этом рецепте? — быстро спросил Янка.

— Забыл.

— Ерема, врать нехорошо,— сказал Юрка.— Ты сам говорил, что электронные системы ничего не забывают.

Ерема яростно скреб толстым карандашом по бумаге.

— Ну чего ты молчишь?! — не выдержал я.— Может, мы сумеем сделать искорку для твоего Васьки!

— Потому и молчу,— хмуро отозвался Ерема.

— Сам же хотел двигатель типа «В», — напомнил Глеб.

— Хотел. Потом понял: вам делать нельзя. Будет вред. Из-за меня. Робот не может делать человеку вред.

— От чего вред? От искорки? — не поверил я.

— Нет. Вред, когда делают.

— Шишкин же сделал... — напомнил я.

— Это его дело,— проскрипел Ерема.— Ему не робот давал рецепт. Он его узнал от ржавых ведьм.

Юрка хохотнул:

— От кого?

— Повторяю отчетливо: от ржавых ведьм.

Мы навалились на бедного Ерему с вопросами: что за ведьмы? И Ерема подробно, неторопливо (наверно, чтобы мы забыли про рецепт) стал рассказывать, что на большой железной свалке за городом живут костлявые растрепанные старухи в перемазанных ржавчиной платьях. Они не роботы, но и не совсем люди. Ведьмы. По ночам, когда круглая луна, они выползают из жестяных шалашей и пляшут на пустых железных бочках. Что они еще делают, Ерема не знает, хотя он жил на свалке долгое время. Знает только, что есть старухи ничего, не злые, а есть и ужасно вредные (они Ерему и выжили со свалки). Все эти ведьмы — очень умные. Разбираются в науках и в колдовстве, особенно когда дело касается металлов.

— А Шишкин-то здесь при чем? — напомнил я.

Ерема с досадой лязгнул под курткой дверцами живота и сообщил, что Шишкин познакомился с ведьмами, когда искал на свалке какие-то детали. Он был вежливый, образованный и ведьмам понравился.

Юрка сказал, что у Еремы явный сдвиг в мозгах: помехи и электромагнитный бред. Старухи какие-то, бочки, луна...

— Не веришь, сам сходи на свалку и посмотри,— разозлился Ерема.— Лучше всего ночью. Сейчас как раз полнолуние.

— А мы все вместе сходим,— хитро сказал Глеб.— Верно, ребята? Повстречаем бабушек, выспросим рецептик. Мы тоже вежливые и образованные. Не хуже Шишкина...

Мы с Янкой завопили, что ура, конечно, так и сделаем. Юрка хмыкнул. А Глеб задумчиво произнес:

— Только обдерутся ребята среди ржавого железа, исцарапаются. Заразу какую-нибудь подхватят... Вот это будет вред! Имей в виду, Ерема, из-за тебя.

Ерема сложил на груди руки и упрямо сказал:

— Пусть. Это меньший вред, чем делать искорку.

— Да кто тебе сказал, что мы будем ее делать? — воскликнул Глеб и подмигнул мне.— Нам просто хочется узнать, что за рецепт. Любопытно, вот и все! Верно, ребята?

Мы дружно закивали. Даже Юрка.

— У меня такое свойство характера,— объяснил Глеб.— Болезненное любопытство. Если что-то мне начали рассказывать, а до конца не объяснили, начинаются головные боли и бессонница.

Мы с Янкой в один голос заявили, что у нас от любопытства такие же страдания.

— Плюс расстройство желудка,— добавил Юрка то ли про себя, то ли про нас.

— Видишь, Ерема, сколько людей будут мучиться! — закончил Глеб.— Снова получается, что из-за тебя вред. Как ни поверни...

— Врете вы все,— уныло сказал Ерема.

Мы заорали, что не врем, а Ерема нас бессовестно мучает.

— Черт с вами,— сказал Ерема и встал.— Я скажу... Нет, я говорить не буду ни словечка, я лучше на машинке настучу. А потом, если что не так, я не отвечаю...

Мы ему наперебой поклялись, что всю ответственность берем на себя. Ерема сердито проковылял к машинке, заправил в нее лист и настучал по клавишам. Мы стали заглядывать через плечо, но он пригрозил:

— Будете соваться, не стану печатать.

Стукал он минут пять, мы прямо извелись. Наконец он отошел от машинки. Мы кинулись к листу. На бумаге была какая-то дребедень:

трик Ап Лик РОВин Адавзя

ть четыреил ипять

Пат ом...

и так далее. Несколько строчек.

— Бедный Ерема,— сказал Юрка.

Но Глеб выдернул лист из машинки, поднес к очкам.

— Пойдите, пойдите... Дайте-ка, я... Тут нужна небольшая редаKTура.

Он опять вставил бумагу и начал быстро печатать пониже загадочных Ереминых строчек. И через минуту мы прочитали:

Три капли крови надо взять,

Четыре или пять.

Потом с движением их смешать,

С полетом их смешать.

Надежной прочности туда

Добавить хорошо —

И кровь исчезнет без следа,

И в пузырьке у вас тогда

Заблещет порошок.

Его, дождавшись заката дня,

Зажги ты от праздничного огня.

У искр улетающих жизнь коротка.

Останется только одна на века.

— М-да,— сказал Глеб.— Не очень вразумительно. И с точки зрения поэзии, прямо скажем, на троечку.

— Поэзия — это фиг с ней,— вмешался Юрка.— Ведьмы сочиняли, а не Пушкин. А как тут разобраться: с каким полетом смешивать? А может, с пометом?.. Ерема!

— Что знал, то написал,— буркнул Ерема.— Технологию не знаю. Шишкин делал.

— Ты будто не хочешь, чтобы у твоего Васьки живая искорка была,— с досадой сказал Янка.

Ерема топнул валенком так, что подскочила машинка.

— Я же не имею пр-ва! От этого вред будет! Всем! Порошок же надо на крови замешивать!

— Подумаешь, вред,— хмыкнул Юрка.— Тут по одной капельке надо. Все равно, что для анализа, из пальца.

— Это не для анализа,— глухо сказал Ерема.— Для колдовства. Эти капельки человеческую жизнь сокращают. Доказано.

Мы помолчали. Переглянулись. Янка тихо спросил:

— Намного сокращают?

— Не знаю...— отозвался Ерема.— Наверное, не на много. Капелька—на капельку. Но все равно...

Мы опять посмотрели друг на друга. Глеб, Янка, Юрка, я... И, видимо, каждый подумал, как я: «Ну что, одна капелька...» Наша жизнь вся была впереди, до глубокой старости.

Янка погладил Еремино плечо и сказал:

— Зато будет живой Васька. А от этого у нас

будет радость. Она сильнее вреда. Вред капельный, а радость большая.

— И радость продлевает человеческую жизнь,— добавил я.

— Это доказано,— подтвердил Глеб.

А Юрка сказал:

— Так что давай уж, Ерема, раскалывайся до конца. Ради Васьки.

Ерема поскрежетал, внутри у него потрещало, будто помехи в телевизоре. Мы ждали.

— Ну ладно,— сказал он.— Только я ни при чем... Это должен быть металлический порошок. Мелкие опилки. Если «движение» — надо наскрести их от какого-нибудь колеса...

— Хоть от нашего? — спросил я.— От вагонного?

— Вполне,— согласился Ерема.

— Значит... если «полет», надо что? От самолета опилки? — воскликнул Янка.

— Выходит, так — согласился Ерема.

— Где же самолет-то взять? — озабоченно сказал Глеб.

— Да в парке,— вспомнил Юрка.

В самом деле! В городском парке стоял на площадке четырехмоторный лайнер прошлого века. В нем был теперь маленький детский кино-театр. Долго ли забраться под крыло да наточить опилки с дюралевой заклепки...

— А вот что такое прочная надежность? — недовольно поинтересовался Юрка.— Ерема...

— Клянусь всеми транзисторами, не знаю. Шишкин говорил, но я не понял.

Глеб почесал за ухом снятыми очками.

— Вообще-то... если рассуждать логично, колеса и крылья — это символ движения в двух стихиях. На земле и в небе. Значит, нужна и третья стихия — вода.

— Корабль, что ли, скрести? — сказал Юрка.

— Не корабль, а, наверно, якорь. Якорь всегда был символом надежности. От якоря зависит безопасность судна...

— Это не я, это вы сами догадались,— опасно сказал Ерема.

— Сами, сами,— засмеялся Глеб.— А где добыть якорь, братцы?

В самом деле, где? Наш город от моря далеко. По реке, правда, ходят грузовые и пассажирские судна, но как до них доберешься?

Все заскребли затылки. Потому что... вот ведь как вышло! Сперва никто этой истории про искорку не верил. Просто так болтали, Ерему поддразнивали. А потом незаметно получилось, что все это всерьез. И очень хочется зажечь живую искорку, в которой хранится вечная энергия.

Сказка?

А кто знает, где сказка, где наука? Про снежных людей тоже говорили — сказка. И про говорящих дельфинов, и про живые кристаллы... Может, и ржавые ведьмы есть. А искорка... Вдруг это сгусток неизвестных науке энергетиче-

ских полей? Мало ли что... А теперь дело может провалиться, потому что никто не знает, где взять якорь.

Но я уже знал, я вспомнил!

— Якорь есть!

— Где? — обрадовался Янка.

— На складе елочных игрушек!

Все, даже Ерема, посмотрели на меня, как на сумасшедшего. Юрка плюнул и сказал:

— Всю жизнь у тебя, Копейкин, заскоки. Люди о деле говорят, а ты со своим юмором... Янка, давай махнем на «Стреле» до вашего Приморска. Туда и обратно — не больше суток. Там на разных памятниках якорей сколько хочешь. Тебя пустят?

Вот как! Опять «Янка, давай»! А я — Копейкин.

Хорошо Ереме — у него глаза всегда сухие, а нервы из никелевых сплавов. А я-то человек! Я выпрыгнул из вагона и пошел через лебеду.

Они кричали мне вслед: «Гелька, ты чего? Ну, сам же виноват! Гелька, да вернись ты! Гель...»

А я шел...

Лунная песня

Дома ждала меня новая беда. Бабушка деревянным голосом сказала с антресолей:

— Подымись ко мне, Гелий.

Я поднялся с нехорошим предчувствием.

— Гелий, где дедушкина машинка?

У меня сразу — брык — голова ниже плеч. Дурацкий такой характер: если я в чем-то виноват, ни спорить, ни отпираться не могу. Стою носом вниз, краснею и молчу.

— Гелий, ты будешь отвечать?

Отвечать, конечно, придется. Надо только переждать, когда перестанут противно слабеть ноги и растает в животе холод, который туда наливается от страха.

— Ну? — сказала бабушка.

— Ну? — сказала тетя Вика. Она сидела здесь же, в бабушкиной комнате.

Я переглотнул и прошептал:

— Я ее дал на два денечка...

(Ничего себе, два денечка! Две недели уже Глеб на ней стучит. А я не решаюсь сказать, что хватит. Работает человек...)

— О-о... — простонала бабушка и села.

— Кому дал? — деловито поинтересовалась тетя Вика.

— Одному... журналисту. Знакомому... Он попросил...

— Что ты сочиняешь! — воскликнула тетя Вика. — Какому журналисту? Кто он такой? У журналиста нет своей машинки? Ему понадобилась эта, старинная, без электронного блока?

— Реликвия... — вставила бабушка.

— Так получилось, — пробормотал я. — Очень было надо.

Тетя Вика с горечью покачала головой.

— И ты не мог попросить разрешения? Почему?

— Вы бы не дали...

— Именно! — сказала бабушка. — И ты пошел на обман. На чудовищное вероломство. Тайком взял не принадлежащую тебе вещь и с трусливой хитростью оставил футляр! Чтобы скрыть следы! О, если бы ты мог осознать всю глубину...

— Всю глубину он осознает потом, — пообещала тетя Вика. — Сначала машинка. Где она? Надеюсь, она цела?

Я поднял глаза.

— Цела! Конечно! Я сейчас...

Я бросился в дедушкину комнату, схватил футляр, крикнул уже из прихожей:

— Сейчас принесу!

Может, если сразу принести, не будут сильно воспитывать?

Я мчался к станции, а футляр колотил меня по ноге и царапал бронзовым уголком. Я не обращал внимания. Но перед вагоном я отдышался. Заправил майку. Принял спокойный и независимый вид. В «Курятнике» все было по-прежнему. Ерема чертил, Янка и Юрка о чем-то разговаривали. Они посмотрели на меня виновато. Глеб настраивал карманный телевизор. Я небрежно сказал Глебу:

— Дома ворчат: почему долго машинку не нес. Придется забрать...

— Конечно, бери! Мне Ерема на свалке нашел какую-то, скоро наладит.

— Завтра налажу, — отозвался Ерема.

Глеб озабоченно спросил:

— Гель... А тебе не попало? Может, мне пойти с тобой, объяснить?

— Да вот еще... Привыкать мне, что ли?

С тяжелой машинкой я спустился с подножки. Глеб, Юрка и Янка стояли в раздвинутых дверях «Курятника». Между Глебом и Юркой просунул голову Ерема. Глебу и Ереме я сказал:

— Пока.

И пошел.

Почти сразу сзади затопали. Это догнали меня Юрка и Янка.

— Гелька, ну ты чего? — сказал Янка. — Не обижайся.

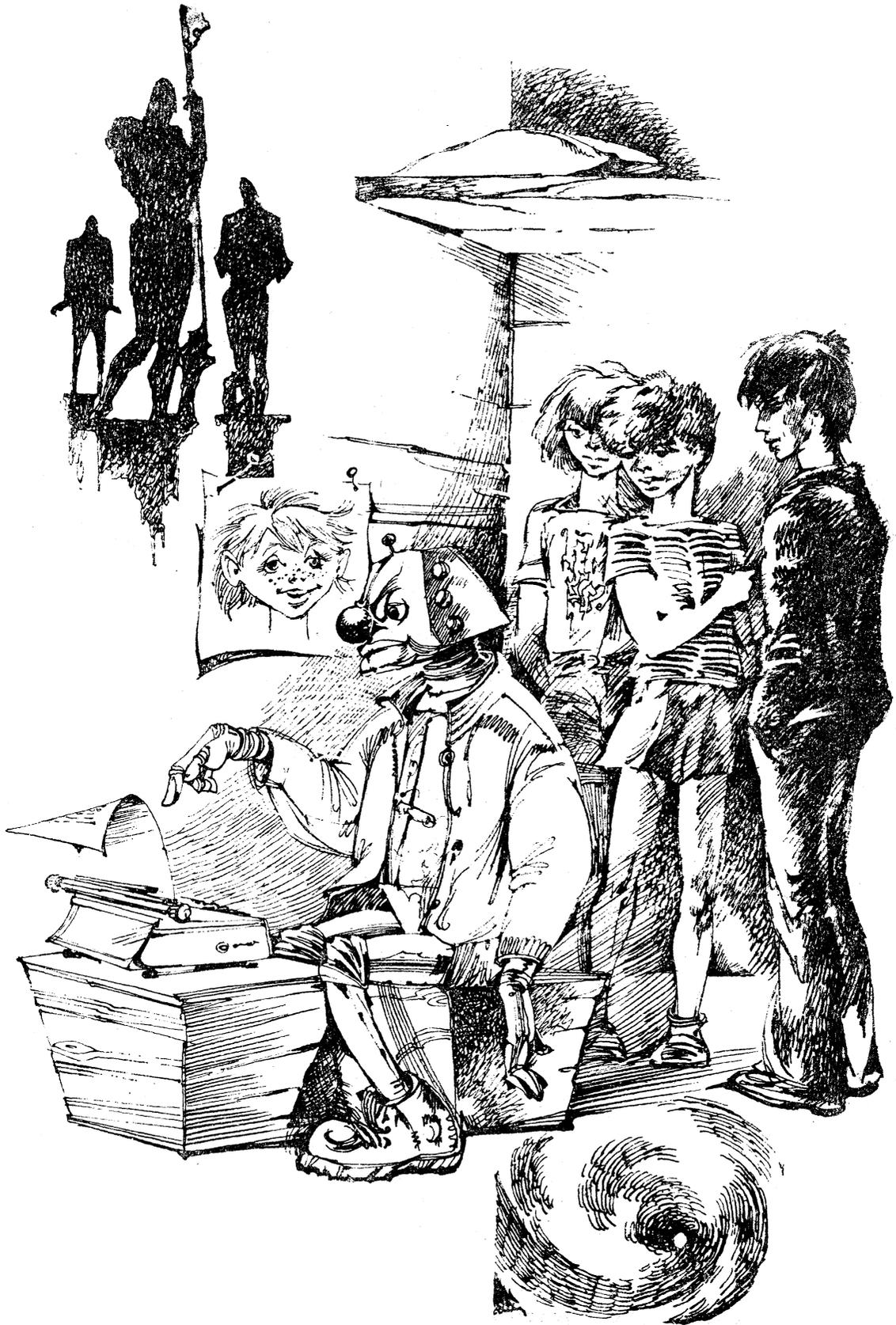
— Ты здесь ни при чем, — ответил я.

— Гелька всегда так, — хмыкнул Юрка, но я уловил в его словах виноватость. — Сам наплетет что-нибудь, а потом дуется на всех.

— Наплетет?! Что я наплел?

— А про склад? Мы о деле говорили, а ты шуточки начал дурацкие...

— Шуточки? Там на самом деле якорь! Настоящий!

— Ну... тогда объясни толком.

— Ага, теперь «объясни»...

С минуту мы шли молча. Они — виноватые, я насупленный. Наконец Юрка сказал:

— Давай, я коробку за ту ручку понесу. Вдвоем легче.

Я дал. Помолчал еще немного, а потом рассказал про якорь.

Зимой, перед каникулами, меня выставили с урока танцев, и я болтался в коридоре. Там наткнулась на меня наша директорша Клара Егоровна. Ругать не стала, а сказала:

— Гелюшка, выручи. Столько дел, народу не хватает, съезди с нашим Сан-Дымычем на склад за игрушками для елки. Он один не управится.

Я обрадовался. Завхоз Александр Вадимович нас, мальчишек, любил. Он был старенький, мы его звали Сан-Дымыч и всегда ему помогали. Сан-Дымыч вызвал с автостанции фургончик, и мы покатались.

Склад елочных игрушек находился в старой церкви. Внутри горели тусклые лампы и было холодно, изо рта шел пар. Пока Сан-Дымыч с начальником склада выбирали коробки, я оглядывался. За штабелем ящиков я увидел наклонный столб с кольцом и тяжелой цепью. Полез туда. И оказалось, что столб и кольцо — верхняя часть могучего трехметрового якоря!

Якорь стоял в кирпичной нише. Даже не стоял, а был прислонен к боковой стенке. Под ним темнела чугунная плита с выпуклыми буквами. Я сел на корточки и с трудом прочитал:

**Флота Капитанъ и Кавалеръ
Федоръ Осиповичъ
Ратмановъ**

1 июля 1753 года — 2 августа 1832 года

**Онъ трижды плавалъ во кругъ
свѣта
и много разъ могъ погибнуть
въ морѣ,
но судьба уготовила ему
послѣдний пріютъ въ родномъ
городѣ.
Миръ праху твоему,
Капитанъ и Командиръ**

Я потрогал буквы: они были очень холодные, над ними стоял пар от моего дыхания. Потом я погладил холодный якорь. Может быть, его взяли с корабля, на котором в давние времена ходил в плавания Флота Капитан Ратманов. Мне стало жаль капитана Ратманова, хотя жизнь он прожил долгую и, наверно, очень интересную...

Дома я рассказал про старинную могилу бабушке и тете Вике. И они впервые поссорились при мне. Бабушка сказала, что это безобразие — превращать в склады памятники старины. Тетя

Вика работала как раз в Городской комиссии по наблюдению за культурными ценностями. Она стала быстро объяснять, что склад — это временно. Все исторические здания взяты на контроль, надежно законсервированы и со временем будут реставрированы. Просто пока не хватает времени и средств. Бабушка заявила, что поменьше надо тратить денег на всяческие колоссальные авантюры вроде сверхглубокой скважины или проекта СКДР. Планету ковыряем насквозь, к звездам летаем, а в обычной жизни порядка нет, не было и не будет... Тетушка сказала, что планету она не ковыряет и никуда не летает. Даже в отпуск. Потому что те, кто занимаются всеми этими сверхглубокими бурениями, имеют привычку вызывать к себе жен, а детей оставлять родственникам: воспитывайте...

Тут они спохватились и погнали меня спать.

А старую церковь с могилой я с тех пор называл про себя Капитанской.

Когда я кончил рассказывать, мы были уже совсем помирившиеся. Юрка сказал:

— Значит, завтра в десять, в парке у самолета. Я прихвачу напильник.

— Ага! Приду! — крикнул я.

И ошибся. Назавтра меня ожидало совсем другое.

Только я вернулся с машинкой, как на меня упало новое несчастье. Тетя Вика поставила меня перед собой и долго смотрела суровыми и печальными глазами. В ушах у нее качались подвески из фальшивых марсианских кристаллов. Тетя Вика сказала:

— Были времена, когда провинившихся мальчиков воспитывали не так. Тратили гораздо меньше слов... Я пока не стану применять старые способы, но и разговоров с меня довольно. Сейчас ты отправишься в свою комнату и в течение трех дней будешь размышлять о себе и своих поступках. А уж потом побеседуем... В эти дни из комнаты никуда!.. Кроме туалета.

Я посмотрел на бабушку. Она поджала губы и развела руками: допрыгался, мол. И я отправился на «отсидку». Оправдываться я не умел. Каяться и просить прощения не умел тоже.

Утром я с горькими мыслями сидел на подоконнике. И с надеждой думал: Юрка с Янкой увидят, что я не пришел, и прибегут ко мне сами. Может, хотя бы посочувствуют.

Они пришли, но только после обеда. Появились у меня под окном. Юрка сказал как ни в чем не бывало:

— Проспал, а теперь торчишь в окошечке, как красна девица?

— Дубина ты. Тетка не пускает. За машинку. Юрка свистнул. Потом предложил:

— Сбеги.

Нет, на это я не решался. И дело не в том, что после будет еще хуже. Просто... ну, не мог я. Все-таки тетя Вика — она тетя Вика, она меня с младенчества воспитывала, я привык ее слушаться. То есть я часто не слушался по мелочам, спорил, но нарушить вот такой приказ — это будто в себе что-то сломать.

Я покачал головой.

— Ты что, честное слово дал не удирать? — с пониманием спросил Янка.

— Не давал, но... — я пожал плечами.

— А мы уже от колеса и от крыла наточили порошка, — сказал Янка. — Вот... — Он достал из кармашка бумажный пакетик, развернул. Я увидел горсточку серебряной пыли.

«Конечно, — подумал я. — Они и без меня справятся. Юрка даже рад, что под ногами не путаюсь».

— Ну и молодцы, — мрачно сказал я.

Юрка беззаботно зевнул:

— Мы же не виноваты, что тебя посадили... А вечером пойдешь? Надо якорь точить.

— Тетушка, наверно, не пустит...

— Попробуй как-нибудь. А то в церкви мы без тебя заплутаем.

— Разве нельзя подождать три дня?

Юрка объяснил:

— Мы там на разведке были. Смотрели, как пробраться. Дверь, конечно, заперта, но в одном окне решетка отогнута и стекол нет. Это сегодня. А завтра вдруг заметят и починят? Надо использовать момент... В общем, если сможешь — в одиннадцать у церкви.

Они убежали.

А я прямо заметался.

Ну, не мог я так жить, не мог без Юрки!

Я позвал тетю Вику и скрутил в себе гордость. Стал упрашивать, чтобы отпустила. Она слушала внимательно, однако была непреклонна. Тогда я пошел на жуткое унижение. Зажмурился, задержал дыхание и выдал из себя:

— Прости, пожалуйста. Я больше не буду.

Не помогло!

— Больше и не надо, — сухо сообщила тетя Вика. — Достаточно того, что ты натворил. Сиди. И обдумывай свою вину.

Я стиснул зубы и стал обдумывать.

Виноват я?! Виноват. Стащил машинку без спросу.

Но почему без спросу? Потому что просить было бесполезно. Ах, это память о дедушке!

О дедушке, кроме машинки, памяти полно: и портрет, и книги, и дипломы на стене, и шкаф с письмами учеников. Целая комната памяти. Это во-первых! Во-вторых, дедушка был общий. Значит, и мой тоже. А почему же мне запрещается брать его вещи?

Этими мыслями я себя немного оправдал. Конечно, если бы я высказал их тете Вике и ба-

бушке, они сразу бы доказали, что я все равно виноват. Но бабушка не заходила, а тетя Вика зашла на несколько секунд — молча поставила на стол мой ужин.

«Ладно! — подумал я. — Если так, ладно...»

Без пятнадцати одиннадцать я поднял в окне раму и прыгнул во двор. Скользнул к забору. Дуплекс в будке лениво застучал хвостом. Я вытащил его за ошейник, быстро обнял.

— Дуплекс, ты меня прости...

Потом я махнул через забор.

Я бежал и думал, что ребята уже у церкви и что они совсем не ждут меня. Ладно, а я вот он... А потом пускай хоть что будет!

На Зеленом спуске я услышал впереди себя частый топот. В свете окон мелькнула синяя майка и светлые волосы.

— Янка! Пстой!

— Гелька!

Мы побежали рядом. Янка смеялся:

— А я играл, играл, потом смотрю — времени-то уже ой-ей! Выскочил, даже смычок не положил...

Он размахивал на бегу длинным смычком, как шпагой.

Я подумал — чего мы так несемся. Теперь-то Юрка нас подождет.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ВИКТОРИНА-84:

фантастика под микроскопом

СЛЕДУЯ ПОЖЕЛАНИЯМ ЧИТАТЕЛЕЙ, МЫ НАЧАЛИ МОДЕРНИЗАЦИЮ НАШИХ ВИКТОРИН.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО УВЕЛИЧЕНО КОЛИЧЕСТВО ТУРОВ, ПРИЧЕМ ОДНИМ ИЗ НИХ СТАЛ РАССКАЗ, СОСТАВЛЕННЫЙ ИЗ НАЗВАНИЙ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (ЕГО АВТОР — С. ЗЫРЯНОВ ИЗ ВЕРХНЕГО УФАЛЕЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ).

ВВОДИТСЯ ОЧКОВАЯ СИСТЕМА. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА КАЖДЫЙ ВОПРОС (ТОЧНЕЕ, НА КАЖДОЕ ЗАДАНИЕ, СОДЕРЖАЩЕЕСЯ В ВОПРОСЕ) ОЦЕНИВАЕТСЯ В 1 ОЧКО; В ПОИСКОВЫХ ВОПРОСАХ ПО 0,1 ОЧКА НАЧИСЛЯЕТСЯ ЗА КАЖДОЕ К МЕСТУ УПОМЯНУТОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ. ВТОРОЙ ТУР МЫ ОЦЕНИЛИ В 3,5 ОЧКА: ПО 0,1 ЗА КАЖДОЕ НАЗВАНИЕ, К КОТОРОМУ ПРАВИЛЬНО НАЙДЕН АВТОР. ЗАДАНИЯ ТРЕТЬЕГО ТУРА ПРИНОСЯТ ОТВЕЧАЮЩИМ ПО 1—3 ОЧКА. ДО 0,5 ОЧКА МОЖЕТ БЫТЬ НАЧИСЛЕНО ДОПОЛНИТЕЛЬНО ЗА НЕШАБЛОННОСТЬ, ОБСТОЯТЕЛЬНОСТЬ, ОСТРОУМНОСТЬ ОТВЕТА НА КАКОЙ-ЛИБО ИЗ ВОПРОСОВ.

ВВОДЯТСЯ ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ФИНИШИ. В ВИКТОРИНЕ-84 ЧЕТЫРЕ ОСНОВНЫХ ТУРА (О ПЯТОМ — ЧУТЬ НИЖЕ) — И ЧЕТЫРЕ ФИНИША. НА ПОСЛЕДНЕМ ИЗ НИХ ПО ОБЩЕЙ СУММЕ НАБРАННЫХ ОЧКОВ ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ 10 ПОБЕДИТЕЛЕЙ ВИКТОРИНЫ В ЦЕЛОМ. ИЗ ТЕХ, КТО НЕ ВОЙДЕТ В ЭТУ ДЕСЯТКУ (И НИ РАЗУ НЕ БЫЛ ПРИЗЕРОМ В ТРЕХ ПОСЛЕДНИХ НАШИХ ВИКТОРИНАХ), МЫ ОПРЕДЕЛИМ ПО 5 ПОБЕДИТЕЛЕЙ: А) ПЕРВЫХ ТРЕХ ТУРОВ, Б) ПЕРВЫХ ДВУХ, В) ПЕРВОГО ТУРА.

ДЛЯ КОЛЛЕКТИВОВ В ДВА-ТРИ ЧЕЛОВЕКА ВВЕДЕН ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПЯТЫЙ ТУР. ОН ОЦЕНЕН НАМИ В 4 ОЧКА; НЕДОБРАННЫЕ В

НИМ ОЧКИ БУДУТ ВЫЧТЕНЫ ИЗ ОБЩЕЙ СУММЫ ТЕХ, КОГО ОН КАСАЕТСЯ.

КОНТРОЛЬНЫЙ СРОК ОТПРАВКИ ОТВЕТОВ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ ЕДИНЫЙ — ДО 1 ИЮНЯ 1984 ГОДА.

ОТВЕТЫ НА КАЖДЫЙ ТУР (И НОВЫЕ ВОПРОСЫ) ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАПИСАНЫ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ.

ДЛЯ УПРОЩЕНИЯ РАБОТЫ НАД ПИСЬМАМИ ЖЕЛАТЕЛЬНО В ОТВЕТАХ (И ВОПРОСАХ ДЛЯ НОВОЙ ВИКТОРИНЫ) УКАЗЫВАТЬ ИСТОЧНИКИ: ИЗДАНИЕ, НУЖНЫЕ СТРАНИЦЫ.

ПОБЕДИТЕЛЯМ ВИКТОРИНЫ БУДУТ ВЫСЛАНЫ КНИГИ С АВТОГРАФАМИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ.

К ШКОЛЬНИКАМ ПРЕЖНЯЯ ПРОСЬБА: УКАЗЫВАЙТЕ, В КАКОМ КЛАССЕ УЧИТЕСЬ.

АВТОРЫ ВОПРОСОВ ВИКТОРИНЫ-84 И РАЗМИНКИ ДЛЯ КЛУБОВ — Л. АБДУЛИН (КАЗАНЬ), Р. АРБИТМАН И В. КАЗАКОВ (САРАТОВ), С. БИТЮЦКИЙ, И. ПАВЛОВСКИЙ И В. РЫБКИН (РОСТОВ-НА-ДОНУ), С. ВАРТАНОВ (МОСКВА), В. ГУРЕВИЧ (КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ), В. ДЕМИДОВ (ПАВЛОВСКИЙ ПОСАД МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ), А. ЗАГУДАЕВ (КУЙБЫШЕВ), В. КАРАБАЕВ И Р. КАДИКОВ (УФА), К. МЗАРЕУЛОВ (БАКУ), В. ПЛАТОНОВ (НОВОСИБИРСК), В. ПОЛТАВСКИЙ (ХАБАРОВСК), Г. ПРОКОПИК (ВЯЗНИКИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ), И. СТЕПАНОВ (ИРКУТСК), Г. ФАТЕЕВ (ЛУНГА МССР), О. ХОХЛОВ (ТУЛА), А. ЧЕРТКОВ (НИКОЛАЕВ), М. ЯКУБОВСКИЙ И А. ТЕТЕЛЬМАН (РОСТОВ-НА-ДОНУ), А ТАКЖЕ КЛУБЫ «АЛЬТАИР» (ТИРАСПОЛЬ), «ГОНГУРИ» (АБАКАН), «НЕПОБЕДИМЫЙ» (БАКУ) И «ПОЛГАЛАКТИКИ» (ЛЕНИНГРАД).

1. «Погоди, Андрей... Посмотри, как он бежит... Он не мнет травы. От него не остается следов. Он бежит по воздуху...» О ком идет речь? И не припомните ли вы других «неощутимок», приобретенных чудесное свое свойство при помощи науки!

2. Известен ли вам космонавт Шорин?

3. Человек входит в картину, и... Встречалась ли вам подобная ситуация? В частности, с картиной В. Васнецова «Аленушка»!

4. Не попадались ли вам в НФ (а не в сказке Э. Успенского!) крокодил Гена и Чебурашка?

5. Какие НФ произведения начинаются со следующих фраз: а) «Перед тем, как войти в испытательный бокс, я взглянул на индикатор личного счастья»; б) «Книгу я написал за одну ночь»; в) «Создателем индивидуальной музыки общепризнан Михаил Потапов»!

6. Инопланетяне, играющие в футбол. В фантастике возможно и такое, не правда ли?

7. «...И вдруг я вспомнил, что когда мой друг... улетал с Земли, он дал мне свой легкозапоминающийся телефон... Добежав до ближайшего автомата, я вошел в будку и набрал на диске одиннадцать единиц и пять пятерок». Где приведен этот образец межпланетной связи? Кстати, не припомните ли, в каких НФ произведениях герои звонят самому себе! а в прошлое! Возможно, вам известны и иные необычные ситуации, связанные с телефоном!

II

Полет на Луну

13 июня, пятница. Летнее утро. Космодром. Ракета — красивая, как мечта! Третья экспедиция.

— Путешествие будет долгим. Каким ты вернешься!

«Дрион» покидает Землю: путешествие на Луну...

...В этот исторический день человек — на Луне. Лунная пыль... Чужая планета. Странный, незнакомый мир, где не ступала нога человека. Уже 30 минут на Луне...

Южнее залива Астронавтов в серебристой лунной мгле — парчовая скала. Миллионы в пещере: ведро алмазов.

— Удача! Подарок селенидов!

Бесконечная ночь на серебряной планете... Диковинное диво — изумрудные цветы лунной ночи.

Ясное утро после долгой ночи. Возвращение — на двенадцатый день.

31 июня под ногами — Земля.
— Как здорово вернуться!

III

1. Попробуйте составить короткий рассказ из четырех-пяти цитат, взятых в НФ произведениях разных авторов.

2. Напишите лаконичный, не более одной-двух страниц, аргументированный отзыв об одной из НФ новинок 1982—1983 гг.

3. «Массаракиш». «Чепьювин»... Наберите с десятка подобных неологизмов, по которым можно было бы безошибочно определить их авторов.

IV

1. «Ах, тетушка, это вы! — обрадовалась юная баба-яга. — А дедушка отдыхает. Он только что вернулся со стадиона на Лысой горе. Там, говорят, был такой грандиозный шабаш! С танцами и фейерверком...» Откуда это? В каких еще произведениях фигурирует место, называемое Лысой горой?

2. Великое Кольцо из романа И. Ефремова. Встречается ли оно в произведениях других писателей-фантастов?

3. «Пью стакан апреля, — ответил он... — Я всегда не равнодушен к апрелю. Май на него похож, но немного тепловат. Ну, а июнь, июль и август вызывают у меня только жажду золотого вина осени...» Из какого произведения эта цитата? А вот эта: «Вино из одуванчиков. Есть в нем и немного сока лопуха. Слишком уж хлопотно выбирать ненужную траву, когда нарвешь большую охапку...»

4. «В окно была видна река. Из воды торчали камни. С камня на камень прыгал какой-то человек, а один раз смешно поскользнулся и угодил ногой в воду. Когда бы я ни подошел к окну, я всегда видел одно и то же». Откуда взят этот отрывок? Попадались ли вам в фантастике другие подобные окна?

5. Вулканы в будущем. «Везувий был на ремонте...» «Голос препода-

вателя принялся рассказывать о том, как был погашен вулкан Стромболи...» Откуда эти цитаты! Сумеете ли вы добавить к ним идентичные!

6. «Мы сегодня видели четыре восхода...» «Однажды я за один день видел заход солнца сорок три раза!» Где это происходило! Встречались ли вам иные подобные ситуации!

7. Кто является автором брошюры «Способ стереть вселенную в порошок и не погибнуть в то же время!»

V

«Я кинулся к нему.

— Господин Уэллс!

— Что вам угодно!

Вдруг моя авантюра показалась мне бессмысленной. Чего я ищущу в чужой стране, в чужом времени!..

Мистер Уэллс учтиво осведомился, как моя фамилия, и я назвал себя... Он протянул мне руку, которую я и пожал.

— Рад с вами познакомиться, Тербулл, — сказал он.

В тот же миг солнечные лучи высветили его лицо, озарили чудесные голубые глаза, усталые, озабоченные, но не утратившие живости, и я мгновенно проникся к нему симпатией.

Он не был похож на свои портреты, и именно это обстоятельство вдруг словно бы подтолкнуло меня.

...Если попросить его не писать фантастических романов, то все... фантастические ситуации будут изобретены другими писателями. Возможно, и на мою долю выпадет что-то значительное...»

Откуда взяты эти строки! Кстати, в каком произведении марсиане разыскивают Уэллса, чтобы расквитаться с ним за то, что он искажил марсианскую действительность!

VI

Предложите ваши вопросы для новой викторины. Назовите самый интересный, самый трудный и самый легкий вопросы викторины-84.

Разминка для КЛФ

1. Критерий разумности. Как определить, что вы имеете дело с существом разумным? Как доказать представителю инопланетной цивилизации собственную разумность? Что говорят по этому поводу писатели-фантасты и какова ваша собственная точка зрения!

2. «Я хотела бы стать астральной пылью... Превратиться в астральную субстанцию...» Откуда взяты эти строки!

3. Т. Старджон, М. Лейнстер, У. Моррисон, Л. Пэджетт, Д. Стюарт, Л. О'Доннел... В чем суть этого списка? Сможете ли вы продолжить его!

4. «Теперь я знаю, сэр, о какой планете этот человек толкует. Она имеется на карте и называется Бородавка...» О какой планете идет речь! Известны ли вам инопланетные синонимы к ее названию!

5. Что бы вы сделали, обнаружив у себя в клубе машину времени!

6. «— Выстреляны обстреляются, — говорил он, — и дутой чернушенькой объятно хлопнут по маргазам. Это уже двадцать длинных хохарей. Марно было бы тукнуть по пестрякам. Да хохари облыго ружуют. На том и покалим сrostень. Это наш примар...»

Дон Рэба пощупал бритый подбородок.

— Студно туково, — задумчиво сказал он.

Вага пожал плечами.

— Таков наш примар. С нами габузиться для вашего оглода не сrostно. По габарям!

— По габарям, — решительно сказал министр охраны короны.

— И пей круг, — произнес Вага, поднимаясь...»

Переведите этот диалог, взятый из известной повести, на «нормальный» язык; каждую фразу, в нем произнесенную, постарайтесь обосновать ссылкой на прямые или косвенные данные, присутствующие в тексте повести.

7. Расскажите [желательно — кратко, но живо] о самом интересном прошлогоднем заседании вашего КЛФ.

8. Подготовьте список памятных дат по НФ на 1985 год.

9. В каких произведениях упоминается 1984 год! Не удастся ли вам и на этот раз составить хронику событий, «запланированных» на нынешний год фантастами!

10. Предложите ваши вопросы и задания для новой разминки.

УЧАСТНИКИ РАЗМИНКИ ДОЛЖНЫ ОТПРАВИТЬ СВОИ ОТВЕТЫ ДО 1 ИЮЛЯ 1984 ГОДА. КЛУБ-ПОБИДИТЕЛЬ БУДЕТ ПРЕМИРОВАН КНИГАМИ С АВТОГРАФАМИ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ.

СТОЯНКА, ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ

Левиан
ЧУМИЧЕВ

Рисунок
Р. Атлас

Облитый дождем, наш автобус подкатил к автовокзалу.

— Стоянка — пятнадцать минут, — объявила кондукторша.

Шофер упрятал какие-то свои бумаги за пазуху и припустил бегом через дождь в диспетчерскую.

Напротив автовокзала расположился небольшой базарчик.

За время стоянки можно выйти, поразмяться, покурить, газету купить, в буфет заглянуть, а то и на базар, там кроме картошки всегда семечки есть — и подсолнечные, и тыквенные.

Но сегодня из автобуса никто не вышел. Даже кондукторша осталась — дождь хлещет.

Сидят пассажиры, в окна заглядывают.

Их совсем немного, пассажиров: двое мужиков с женами со свадьбы едут, баба с ведром творога (тоже, между прочим, из автобуса не вышла, хотя вот он, базарчик, совсем рядом), еще три женщины, девчушка безбилетная и я, грешный.

Смотрят пассажиры в окна.

И я гляжу.

Прямо перед вокзалом здоровенная лужа образовалась.

И вот, сидючи у окна, увидел я, как в лужу вошли двое слепых. Старик часто-часто тыкал в лужу алюминиевой палкой, а сухонькая невестомая старушка как бы являлась его продолжением. Она вlepилась в старика крепко-накрепко, навсегда.

Слепой старик иступленно тыкал палкой в лужу и никак не мог из нее выбраться. Только дойдет до края, еще бы шага два-три, а он вдруг повернет, вдруг забурится в почти доколенную глубину.

Не я один, и другие пассажиры наблюдали за странным блужданием слепых.

Видели все, а вскочила на ноги безбилетная девчушка.

— Они же слепые! Им помощь надо!

Вообще-то девчушка эта, конечно, с билетом ехала, а я ее про себя так назвал, потому что она посреди дороги к нам в автобус села. Вышла из леса с рюкзаком за спиной, «голосанула», ну шофер и притормозил. Дождь как раз начинался. Только автобус тронулся, а тут и контролерша в форме появилась.

— Предъявите билетки!

— Я только что вошла, — лепетала девчоночка. — Я еще не успела купить, честное слово...

Контролерша не в настроении, что ли, была:

— Платите штраф! А вам, кондуктор...

— Она действительно только вошла.

Все пассажиры за худышку эту вступились. Особенно здоровенный «свадебный» мужик старлся:

— Мы со свадьбы едем и все четверо подтверждаем, что товарищ только-только вошла.

— При чем тут свадьба-то?

— А при том, что племянник Пашка, который женился, он тоже в милиции работает.

Контролерша долго еще со «свадебниками» ругалась, а потом сошла у поста ГАИ. А девчоночка как забила в уголок, так и молчала всю дорогу.

А теперь вот:

— Они же слепые! Помочь им надо!

Я не знаю, почему она на меня смотрела. «Свадебники» ближе к ней сидели, а она на меня уставилась:

— Помочь им надо!

Оперся я на свою палку, поднялся.

У меня ноги болят, так что я всегда при палке. Она у меня модная-премодная, серебряными нашлепками украшена. И легонькая, удобная.

Когда ноги заболели, я во ВГИКЕ учился, вот и купили мне эту палку однокашники в подарок, чтоб легче мучиться было. В самой Москве купили, в магазине тростей и зонтов.

Девчушка первой из автобуса выпрыгнула, я вслед за ней под дождь вылез. Только отошли от автобуса, и тут нас хохот оглушил. Смеялись трое парней. Они сидели у автобусной станции под навесом и оттуда командовали слепым:

— Налево, прямо, еще прямо... Теперь назад! Назад, вам говорят! Ха, ха, ха, ха!

Особенно чернявый старался.

Слепые старики блуждали по луже, безропотно повинуюсь командам. Привыкли, видно, что им добрые люди всегда помогают, всегда правду говорят, не обманывают.

Ой, нельзя мне было мочить ноги. Врачи строго-настрога наказали, что любое охлаждение чревато... Но шагнул я, было, в лужу. А девчоночка меня предупредила. Ухватила старика за руку, вывела на сухое место.

— Нам бы до базара дойти,— сказала старуха.— Картошка кончилась. Так-то нам Коля носит, Васин друг фронтовой, а нынче...

«Ну где же вы, нынешние тимуровцы? Да как же вы, пионеры, эдакое допускаете?»

Подумал так, а сам приговариваю:

— Идемте, идемте, дядя Вася. Я вас до базара провожу.

Похромал я было с ними к базару, да вдруг очухался: она-то где?

Девчушка подходила к парням.

Они сидели на скамейке, покуривали, ухмылялись. Лет им по восемнадцать-двадцать. Здоровые акселераты. Особенно который в середине сидел. Чернявый, горбоносый, красивый.

К нему-то подошла девчушка и шлепнула по щеке.

— Какие же вы паршивцы! — сказала.

Парни вскочили, пошли на нее.

Она ссутулилась, голову руками закрыла.

— Погодите здесь! — крикнул я слепым и метнулся к скамейке.

— Бакланы! — орал я.

Вообще-то, я с палкой метров семьдесят-восемьдесят пройти могу. Потом отдыхать приходится. А тут...

Мигом я у скамейки очутился. С ходу палкой чернявому заехал. Второго тоже долбануть успел. Конец палки у меня разлетелся...

Парни были, видно, те еще. Стали подступать ко мне. Девчоночка рядом стояла, приговаривала:

— Бессовестные! Над калеками издеваетесь, инвалида обидеть хотите!

«Ну, чудачка! На нее шли — она молчала, руками закрывалась, а за меня теперь заступается».

Шумел дождь. Парни надвигались.

Если бы ноги здоровые, ей-богу, убежал бы я от этих гадов. Душа у меня в пятки от страха унырнула. Каялся уж — зачем мне эти приключения. Палкой-то зачем? Ну пристыдил бы, усо-вестил... Но тогда бы они девчушку обидели. Точно бы — обидели. Мне как-то Зелененко Евграф Борисович рассказывал...

Обступили его такие же вот трое лихачей. Он на скамейке сидел, отдыхал. А они привязались. Давай над фронтовыми наградами его изгаляться. Одну медаль оторвали. А Борисович совсем-совсем больной, беззащитный, значит. Рассказывал — плакал. Всю войну прошел, не ревел, а про подонков рассказывал — слезы ручьем текли.

Тех тоже трое было, пьяных. Может быть, те же самые? Хотя эти вроде бы трезвые. А впрочем, все подонки очень схожие.

Они подошли ко мне вплотную.

И тут она втиснулась между нами:

— Прочь! Прочь, паршивцы!

Чернявый поверх наших голов глянул, сказал негромко:

— Ата!

И они, обматерив нас, исчезли за углом автовокзала.

А от автобуса к нам на помощь бежали «свадебные» мужики...

Не знаю, что это были за парни. Внешне — обыкновенные ребята, модные, длинноволосые. Не знаю, почему они были такими злыми, жестокими. Но они были.

И была рядом худенькая, неприметная девчоночка. И то, что я встретил ее, дорого мне. Очень дорого!

Как только парни исчезли, она завсхлипывала.

Кто-то проводил слепых на базар, кто-то из женщин подхватил плачущую девчушку и отвел к автобусу. Она опять забилась в уголок.

Вышла у «Зари», в районе Уралмаша.

— Как хоть тебя зовут? — спросил я на прощание.

— Мила, — ответила девчоночка.

...А трость свою я упеленал черной изолен-той. Вид у нее, конечно, уже не тот, но все равно ходить мне помогает.

ГРАНИ ПАМЯТИ

В ТРЕТЬЕМ И ПЯТОМ НОМЕРАХ НАШЕГО ЖУРНАЛА ЗА ПРОШЛЫЙ ГОД ПОД НОВОЙ РУБРИКОЙ «КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ» ПОЯВИЛАСЬ ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ — СТАТЬЯ ЮРИЯ РЯЗАНОВА «ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ». ЗАТЕМ, В СЕДЬМОМ НОМЕРЕ, БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ САМЫЕ ПЕРВЫЕ ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ОТКЛИКИ. РЕДАКЦИЯ ПОЛУЧИЛА НОВЫЕ ПИСЬМА ОТ СОБИРАТЕЛЕЙ САМЫХ РАЗНЫХ ПРОФИЛЕЙ, МУЗЕЙНЫХ РАБОТНИКОВ. ВТОРАЯ ВОЛНА ОТКЛИКОВ ТАКЖЕ ПРИНЕСЛА РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМАХ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МУЗЕЕВ И СОБИРАТЕЛЕЙ. НА ЭТО, СОБСТВЕННО, МЫ И РАССЧИТЫВАЛИ: НАШ «КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ» ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРЕДПОЛАГАЕТ ОБМЕН МНЕНИЯМИ О ТОМ, КАК ПРИДАТЬ СОБИРАТЕЛЬСТВУ ОБЩЕСТВЕННУЮ ЗНАЧИМОСТЬ. ИТАК, ЗВУЧАТ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЧЛЕНОВ «КЛУБА СОБИРАТЕЛЕЙ»...

«Добрый день, «Уральский следопыт!» — приветствует нас директор Корякского окружного краеведческого музея Г. С. Белоусова. — В нашем музее была открыта большая экспозиция значков и марок коллекционеров поселка Палана. Побудил ее организовать следопытский «Клуб собирателей». Особенным вниманием посетителей нашей выставки пользовалась коллекция значков рабочего В. В. Путинцева, который, к слову сказать, использует свой досуг с завидной полнотой — он еще играет в народном театре... Не были забыты при организации выставки и начинающие собиратели, школьники. Они тоже показали свои собрания марок и значков. В день закрытия выставки было принято решение создать при Доме пионеров клуб собирателей или филателистов».

«Уважаемые следопыты! — пишут нам М. Шустрова и А. В. Быков из краеведческого музея Вологды. — Нам думается, что в «Клубе собирателей» должны быть дискуссии. Хотя и расстояние между вашими читателями порой громадное, а проблемы их волнуют одни. Принимаем ваше предложение решать их «всем миром», то есть сообща. Прекрасно, что есть бескорыстные коллекционеры, подлинные патриоты. Но мало ли людей кинулось собирать престижные предметы старины! Это «скупые рыцари» современности, они «чахнут» над своими сокровищами, даже не потрудив-

шись узнать что-либо о найденных древностях, исследовать их. Есть и такие, что маскируются под бескорыстных. Они всегда на виду, покажут вам интересные вещи, поговорят о важности для национальной культуры коллекционирования, гневно осудят спекулянтов и... при удобном случае им же продадут за хорошую цену любой раритет из своего собрания. Пестр мир собирателей! Нам, работникам музея, часто приходится сталкиваться с коллекционерами. Увы, многие из них хотя сорвать с музея куш за редкий предмет старины.

Как облагородить помыслы таких собирателей? Нужно руководство коллекционерами. Кто за это возьмется? Во Дворцах культуры компетентных людей нет. Наше убеждение: общества коллекционеров, клубы должны сотрудничать с музеями... Но там к собирателям относятся сплошь и рядом с неприязнью. До сих пор у части музейных работников бытует мнение: коллекционер — пройдоха, скупивший за бесценок у доверчивых старушек старинные предметы, поэтому — никаких отношений с коллекционерами, плутуватыми людьми! Очевидно, оттого-то автору статьи «Из прошлого в будущее» с таким трудом удалось организовать выставку икон и старопечатных книг.

Впрочем, сетовать на проблемы можно долго. Музейные работники должны тактично направлять собирателей, работать с ними, развивать у них стремление изучать предмет своей собирательской страсти. В

статье «Из прошлого в будущее» говорилось о начинающих собирателях. Вот это, наверное, самая трудная работа. Как ввести подростка в мир коллекционеров, чтобы он при этом избежал пагубного влияния барыг. Быть может, разумнее при клубах коллекционеров организовать молодежные кружки?»

Проблемы, которые решает «Клуб собирателей», бесспорно актуальны. Но лично у меня отношение к собирателям несколько иное. Это прежде всего конкуренты государственных музеев... Не секрет, собиратели быстрее овладевают очень ценными экспонатами, так как имеют наличные деньги. И вот какая-либо культурная ценность уже находится во власти одного лица, зависит от его прихотей. А экспонат должен быть научно обработан, включен в каталог, сохранен и показан людям. Согласна, что многие частные коллекции положили основание известнейшим музеям, будущее которых гарантировано государством. А домашний музей? Пока жив его создатель, все идет хорошо, но он уходит из жизни, и часто все куда-то исчезает. Нет, коллекционирование — не частное дело, а государственное!

Н. И. ЖМАКИНА,
г. Владивосток

Общественное значение коллекционирования не вызывает сомнений. Виды собирательства — это грани нашей общей памяти. Предлагаю «Клубу собирателей» различать разные аспекты деятельности коллекционеров: моральный, юридический, психологический. Необходимо также рассказывать об истории собирательства в России. Значит, нужны публикации о коллекционерах прошлого. Они явили великоплетные образцы бескорыстного служения отечественной культуре.

Ю. М. КРИТСКИЙ,
старший научный сотрудник
Соловецкого государственного
историко-архитектурного и
природного музея-заповедника,
кандидат исторических наук

Нумизматикой сначала стали заниматься мои сыновья. Сергей положил начало, а за ним Павел и Алексей втянулись в это интересное занятие. А я помогаю им...

Все началось в 1965 году. Сергей, тогда еще ученик четвертого класса, находился в пионерском лагере и вместе с ребятами выезжал на экскурсию в деревню Николаевские Ключи, чтобы посмотреть памятник архитектуры прошлого века — Николаевскую церковь.

Ребята пытались залезть на ко-

докольно, но из-за ветхости лестниц вход туда был заколочен. Они обшарили все уголки, а один из них заглянул даже под пол, так как некоторые доски уже были выломаны. Пошарив рукой, он вытащил тяжелый сверток. Развернув полуистлевшую тряпицу, ребята обнаружили в ней пять револьверных патронов, медные монеты достоинством в 2, 3, 5 и 10 копеек 1872—1884 гг. Патроны сдали в милицию, монеты разобрали. Несколько штук осталось у Сергея. Он положил их в ящик письменного стола и забыл о них. Но в ноябре того же года один товарищ Сергея принес в школу две серебряные монеты достоинством в 1 рубль и 20 копеек. Рубль был чеканки 1890 года, а 20 копеек — 1915-го. Эти монеты товарищ отдал сыну, и с тех пор у нас возникла мысль о коллекционировании. Увлечение стало общим. Теперь никто в нашей семье не остается равнодушным, если увидит или найдет какую-нибудь старую монету. В нашей коллекции сейчас около 500 русских и иностранных монет. Есть немного старинных бумажных денег.

Что дает нам нумизматика? Прежде всего — знание истории России и своего края.

Первые русские монеты, по некоторым источникам, незадолго до победы на Куликовом поле стал чеканить Дмитрий Донской. Это уже история государства Российского. Самая старая монета в нашей коллекции — чеканки 1660 года.

Если проследить географию наших семейных монет, то, кроме российских, советских, есть монеты Японии, Индии, Ирана, Египта, Италии, Франции, Англии, Нидерландов, Финляндии, США, стран Южной Америки, Канады, всех социалистических стран.

Чтобы лучше разбираться в нумизматике, приобрели справочники. Собираем публикации о монетах. Составили каталог.

Есть монеты, у которых интересна сама история их приобретения. Монета с островов Фиджи, например, была подарена одному нашему моряку как символ, что когда-то ему еще раз предоставится возможность посетить эти острова. После этого она попала на север нашей страны, была на подводной лодке у другого моряка и только через пять лет попала в Пермскую область, в Чернушку.

Собирательство... Мы не жалеем, что занялись им.

А. М. ВШИВКОВ,
мастер цеха подземного ремонта скважин НГДУ «Чернушканефть»

Прочитал статью Ю. Рязанова «Из прошлого в будущее». Меня тоже волнует вопрос о месте подросков в среде коллекционеров.

Пример, который привел автор (об убийстве девятиклассником пожилой женщины с целью ограбления), — крайность. Волнует другое: постоянная готовность купить и продать предмет коллекционирования, иногда с целью наживы. И это делают молодые люди! Будучи председателем комиссии Одесского общества коллекционеров по работе среди молодежи и юношества, я пробовал разными методами организовать молодежный клуб. Скажу сразу: это трудно! Пробовали мы заручиться поддержкой горкома комсомола, но это у нас не получилось. Намеревались создать клубы при районных Домах пионеров, но это оказалось на поверку распылением сил. Решили начать дело во Дворце пионеров. Провели для начала однудневную выставку, приуроченную к сбору пионеров-активистов. На выставке были представлены календарики, монеты, спичечные этикетки, значки и модели автомобилей. По каждому виду коллекционирования взрослые собиратели консультировали и записывали всех желающих в соответствующие секции нашего общества. Мало кто пришел... Теперь мы решили в помещении правления Одесского общества коллекционеров организовать клуб для подростков. Хотелось бы узнать, в каком направлении работают с молодежью коллекционеры в других городах страны?

В. Б. СОЛОВЬЕВ,
член правления Одесского общества коллекционеров

Прочитал первую публикацию «Клуба собирателей»... Понял так, что основная цель рубрики — обобщение деятельности коллекционеров России, выявление замечательных собирателей и также то, как сделать так, чтобы ценности нашей культуры не исчезали бесследно. Если мы будем чувствовать за собой богатое наследие, станем увереннее смотреть в будущее. Наш Осинниковский краеведческий музей начался не с частных коллекций. Было так... Дали объявление в газете, ждали, когда что принесут. Никто не шел. Первым экспонатом музея стало окаменевшее дерево, привезенное с шахты «Высокая». Горный техникум подарил минералогическую коллекцию. Из Кемерово из областного музея направили коллекцию чучел и рельефную карту Кузбасса. Стали предлагать ценные экспонаты и жители Осинников. Однако денег у музея на приобретение раритетов не было. Кто же, получив отказ, придет во второй раз? К тому же случались кражи, причем вещи исчезали днем, во время приема посетителей. Весть о таком быстро разносится, и это тоже не способствует привлечению дарите-

лей. Разумеется, я акцентирую внимание на острых проблемах сознательно, чтобы показать минусы в работе музеев. Они носят общий характер, убежден в этом, и присущи не только нашему музею. Могу еще добавить, что и до сих пор наш музей не стал активным собирателем экспонатов.

Ю. К. ВОРОНЦОВ,
г. Осинники
Кемеровской области

Думаю, «Клуб собирателей» будет популярным. Только надо охватывать широкий круг проблем. Кажется, так не делал еще ни один журнал. Как правило, в периодических изданиях ведут уголки коллекционеров, где публикуются в основном пассивные, информационные материалы.

Нужно ли Всесоюзное общество коллекционеров? Думаю, не стоит за него ратовать. Обществ и так много. Просто коллекционеры должны работать под руководством Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. Ведь старинные монеты, иконы, картины — это памятники истории и культуры. А вот специальные магазины, как предлагает автор статьи «Из прошлого в будущее», пожалуй, стоило бы открыть. Они упорядочили бы цены на коллекционные материалы. И к стати, музеи тоже смогли бы покупать в них экспонаты и, быть может, даже продавать через такие магазины лишние предметы.

Н. И. МАРИХИН,
г. Белая Холуница
Кировской области

Надеюсь, что «Клуб собирателей» поможет мне расширить круг коллег по увлечению. Я собираю календарики. В моей коллекции их более тысячи. Хотелось бы установить контакты с филотаймистами Урала, Сибири, Дальнего Востока.

В. В. ВЫСОЦКИЙ,
г. Ворошиловград

Поздравляем «Уральский следопыт» с открытием новой рубрики. Нужное начинание для воспитания начинающих собирателей и пропаганды работы коллекционеров России. Нам бы хотелось видеть материалы под этой рубрикой и информационные, и исследовательские. Хотелось бы побольше узнать о ветеранах музейного дела. Ценно сообщать о новых находках, имеющих большой интерес для исторической науки. Ведь такие находки делают не только исследователи, но и любители.

Т. И. СОДНАМ,
г. Кызыл Тувинской АССР

Уверен, что «Клуб собирателей» сможет немало сделать для пропаганды любви к историческому наследию. Собираю монеты, бумажные деньги, старинные конверты. Бывая за границей, видел, как там ценят прошлое. Однако нам ли занимать патристическое отношение к тому, что оставили предки! И у нас есть ревнители старины. Верю, в будущем будет не только общество коллекционеров, но и организации по видам коллекционирования. Ведь такой процесс — специализации — идет в науке. Вдумчивый коллекционер — всегда исследователь. Поэтому не могут собиратели всех профессий быть вечно при Всесоюзном обществе филателистов на правах «попутчиков»...

В. М. ТАРАН,
Украинская ССР

Собираю марки... По профессии я нейрофизиолог. И меня интересует природа собирательства. Психология собирателя мало исследована. В довоенные годы в некоторых научных журналах появлялись статьи на эту тему. Теперь их нет, подобных публикаций. А они могли бы помочь правильно формировать такой вид поведения людей как коллекционирование. Премьера следопытской рубрики «Клуб собирателей» явилась для меня стимулом к более углубленному занятию психологией собирателя, и в ближайшее время надеюсь оформить свои соображения и предложить их «КС».

А. Ю. ФАДЕЕВ,
г. Москва

В нашей стране около 50 миллионов учащихся, более 40 миллионов пенсионеров... И стар и мал увлекаются коллекционированием. Нужно систематически и проблемно писать об увлечениях сотен тысяч людей. Занимаюсь собирательством более 25 лет. В моем собрании не материальные ценности, а духовные (хотя, разумеется, и предметы не бездуховны). Конкретнее: в моей коллекции собраны сведения о редких музеях мира, описания уникальных экспонатов. Например, многие ли знают, что в Павловском музее хранится складной «нож Робинзона», в котором сто предметов. А в селе Семенове есть единственный комплект матрешек, состоящий из 56 кукол, самая крупная — более метра высотой, самая маленькая — с горошину.

В. В. ЧЕРНЯЕВ,
г. Казань

Уважаемый «КС»! В моем домашнем архиве более двух тысяч экспонатов. Они моя радость и мучение. Вся квартира в папках, бу-

магах. Пыль... Но самое досадное не пыль, а то, что свидетельства людской памяти лежат мертвым грузом. За пятнадцать лет собирательской работы я подарил только в наш городской историко-революционный музей более трех тысяч экспонатов. А дома у меня сейчас тем не менее достаточно материалов, чтобы создать в городе литературный музей. Многие удалось собрать (книг, газет, журналов) из того, что имеет отношение к литературному движению в нашем крае. Всюду, куда бы я ни обращался с идеей организации литературного музея, находил поддержку... на словах. Разумеется, я не отступлю. Когда я узнал о «Клубе собирателей», у меня появилось чувство, что обрел нового друга. Сил прибавилось!

Н. А. КОТЕЛЬНИКОВ,
г. Серов Свердловской области

Все труднее становится собирать ценные экспонаты для музеев. С годами все меньше старины. Именно поэтому повышается значение частных коллекций, и хорошо, что «Клуб собирателей» намерен рассказывать о любительском коллекционировании. Не всегда мы, музейные работники, умеем организовать выставку того или иного частного собрания. То нет времени, то не находится помещения. При нашем музее создан клуб любителей старины. Это и есть наша конкретная работа с собирателями города и края.

Негативные стороны собирательства... Однажды наш музей дал объявление в газетах и на радио о готовящейся этнографической экспедиции. И вот «коллекционеры», представляясь работниками музея, за несколько дней до нашего отъезда собрали у местных жителей ценные вещи... Конечно, таких молодцев надо немедленно выявлять. Однако мы далеки от мысли, что большинство собирателей — вот такие плуты.

В. А. МАЗЕИН,
старший научный сотрудник Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника

Каждый музей проблему собирания музейных ценностей решает по-своему. У каждого свои трудности. Музей-заповедник А. С. Пушкина на Псковщине — музей очень сложного профиля. Это и литературно-мемориальный, и краеведческий, и ботанический, и орнитологический музей, но все же главное в нем — материалы, связанные с жизнью и творчеством А. С. Пушкина михайловского периода. Мы продолжаем сбор предметов, принадлежащих Пушкину и его друзьям,

произведений живописи, графики, скульптуры. Многие из некогда бывшего на Псковщине кануло в Лету, очутилось за рубежом. Поиск этих предметов составляет одну из главных задач. И тут может в чем-то помочь ваш «Клуб собирателей».

С. С. ГЕЙЧЕНКО,
Герой Социалистического Труда,
директор музея;
Е. В. ШПИНЕВА,
зав. музейными фондами

Смоленский музей-заповедник тесно связан с коллекционерами. От этого большая польза. В частных собраниях спасены от гибели интересные с исторической и художественной точки зрения материалы. И они передаются в музей. Часто музей оплачивает стоимость передаваемого в наши фонды. Мы проводим выставки частных коллекций. Думаю, от контакта с музеем у самих собирателей возрастает моральное удовлетворение.

Ф. Э. МЕДЕСТОВ,
научный сотрудник
Смоленского
музея-заповедника

Мне кажется, «Клуб собирателей» должен помнить не только о классических объектах собирательства — марки, бонь, значки, открытки, книги, но и о самых разных собирателях. Ведь собирают же люди кирпичи с клеймами, утюги, печные дверцы, телефоны, замки, самовары и т. д. Еще хотелось бы пожелать «Клубу собирателей» публиковать новеллы о каких-то интересных находках, проясняющих эпизоды истории Урала, Сибири, Дальнего Востока.

В. И. ЮЗЕФОВ,
г. Николаевск-на-Амуре

Проблемы коллекционирования многогранны, литературы выпускается не так уж много. «Клуб собирателей» восполнит этот пробел. Его публикации могут быть полезны как начинающим, так опытным коллекционерам, также государственным, школьным и народным музеям. Поэтому мы хотели бы видеть рассказы и о музеях. Наш музей только начинает работу с собирателями. Создана картотека. Накопится опыт, будем рады поделиться им с читателями публикаций «КС».

Сотрудники отдела фондов Омского государственного объединенного исторического и литературного музея

Центральный музей Вооруженных Сил СССР собирает военно-исторические памятники. Ежегодно в фонды поступает свыше трех тысяч

реликвий. Работают выставки новых экспонатов. Рубрика «Клуб собирателей» нас заинтересовала, постараемся быть ей полезной.

И. П. ПАСТУХОВ,
начальник отдела фондов музея

Хорошо, если «Клуб собирателей» будет помнить и о коллекциях, имеющих значение для природоведения. Например, многие ли знают, что в Ленинграде существуют такие уникальные музеи — лесных вредителей и зверей и птиц. Сейчас природоведческие знания нужны всем, потому что каждый должен учитывать свое воздействие на природу — и тогда, когда он работает, и тогда, когда он отдыхает, выехав из города. Рассказ о естественно-научных коллекциях поможет почувствовать, как не просто понять сложный мир природы, как все в нем взаимосвязано.

О. А. КАТАЕВ,
г. Ленинград

Коллекционированием «болен» давно и понимаю его так: за каждым предметом своей коллекции собиратель видит какое-то событие, человека, что-то такое, что расширяет его знания, а порой открывает новое не только для него, но и для других людей и даже для специалистов. Музейные работники, на мой взгляд, чаще стали обращаться за помощью к коллекционерам. Но порой приходится удивляться их некомпетентности.

Недавно выступал с лекцией в одном челябинском институте. Прочитали в «Вечерке» обо мне заметку, пригласили. Долго думал, о чем рассказывать. Взял с собой десяток монет и медалей, поделился мыслями о сути собирательства, рассказал о каждой вещи. Говорил час, а потом еще полтора часа отвечал на вопросы. Признаться, не ожидал такого интереса к своему увлечению. Порой нас, коллекционеров, считают чудаками, людьми с затнувшимся детством, а в худшем случае — прохиндеями, стяжателями. В таком отношении к нам виноваты некоторые собиратели с меркантильными устремлениями.

Тематика «Клуба собирателей»? Думаю, надо рассказывать о всех видах коллекционирования, не увлекаясь филателией. У филателистов свой журнал да и сборник «Советский коллекционер» процентов семьдесят материалов посвящает филателии.

В Челябинске проводилось анкетирование коллекционеров. Самыми многочисленными оказались филателисты, затем шли фалеристы, потом нумизматы, бонисты, остальные виды собирательства — какие-то проценты от общего числа.

Желаю «Клубу собирателей» побольше статей исследовательского характера. Полезно было бы давать высказывания известных людей о коллекционировании. Надо привлекать в «Клуб собирателей» ученых, чтобы они поведали о том, сколь полезны для науки культурные собиратели. Нелишне было бы вести справочный отдел. Иногда к коллекционеру попадает предмет, о котором он не может найти сведений в литературе. Их он сможет найти в «КС». Это поможет ликвидировать коллекционерскую неосведомленность, причит искать не только предметы, но и информацию о них. Понимаю, «Уральский следопыт» не журнал общества коллекционеров (которого нет, но оно должно быть создано!), но подумайте о справочной службе можно. Не думаю, что это займет много места, но активность читателей повысится. Многие не пишут не потому, что мало знают, а просто стесняются...

И. В. ВИКТОРОВ,
г. Челябинск

Одесское общество коллекционеров — это секции фалеристики, нумизматики, бонистики, филокартии, филлумени и миниатюрных моделей машин. Для большинства членов общества смысл ясен: изучение истории Отечества и популяризация знаний с помощью выставок, лекций, бесед. За десять лет существования общество провело 40 общегородских выставок. Коллекционеры показывают свои собрания и в музеях.

Несколько слов об обмене... Это — основная форма приобретения коллекционных материалов. В нашем обществе разработаны и изданы ценники. Они регулируют обмен.

С. А. ПЕТРОВ, С. А. СИЛИН,
г. Одесса

Как видно из читательских писем, проблем у собирателей немало, однако и ясно, в каких направлениях надо действовать.

Нужны публикации, освещающие все нюансы взаимоотношений между музеями и собирателями. Мы решаем эту проблему однозначно: музеи и коллекционеры делают общее дело, они должны быть повсеместно дружны, они смогут преодолеть все препятствия на пути сближения.

Второе. Необходимо противодействовать такому поверхностному, но стойкому взгляду: если среди коллекционеров попадаются прохиндеи, то, дескать, и все собиратели общественно опасны. «КС» будет регулярно рассказывать о замечательных собирателях прошлого и о на-

ших современниках, опубликует также материалы, в которых будут проанализированы причины того, как иные собиратели превращаются в стяжателей.

Еще одно направление: воспитание начинающих собирателей. Это нас особенно беспокоит. «Уральский следопыт» ориентирован на молодого читателя.

Четвертое. «КС» призывает всех своих заочных членов помочь сказать веское слово о значении личных и музейных коллекций. Собранные культурные ценности мало сохранить, надо чтобы они оказывали воздействие на умы как можно большего числа людей. Возможна ли театральная труппа, играющая только для себя! А изумительные коллекции иногда видят лишь стены — квартирные или музейные.

Пятое. «КС» будет писать и об организационных проблемах. Великолепно работают общества коллекционеров в Ленинграде, Одессе, отчего же этого нельзя добиться в других городах! Чем больше появится крепких коллекционерских организаций, тем реальнее будет создание Всероссийского, а затем, возможно, и Всесоюзного общества коллекционеров...

И, пожалуй, стоит напомнить: «Клуб собирателей» — это форма общения коллекционеров. Пишите в «КС» обо всем, что вас волнует (не забыв на конверте поставить пометку: «Клуб собирателей»), общайтесь, находите коллег по увлечению...

Ю. ЛИПАТНИКОВ,
редактор рубрики
«Клуб собирателей»

Из плеяды следопытов

Стефан
ЗАХАРОВ

Когда в начале 1958 года организовалась редакция «Уральского следопыта», то первые месяцы ее сотрудники и те, кто помогал журналу, чуть ли не сутками бывали неразлучны. Обсуждали планы номеров, вслух читали все рукописи, после рабочего дня бродили по Свердловску.

Среди «следопытов» выделялся пожилой человек с небольшой аккуратно подстриженной бородкой и с неизменно туго набитым портфелем.

Слушая споры о путях нового журнала, этот человек, иронически хмыкнув, вдруг озадачивал вопросом:

— А по какой улице мы идем?

— По улице Хохрякова, — отвечали ему.

— Правильно! А историю какого дома вы хотели бы сейчас узнать?

Можно было показать на любой дом, и Леонид Петрович Неверов — так звали плечистого человека с бородкой — тут же с ходу начинал о нем рассказ. «Следопыты», обступив Леонида Петровича, забывали обо всем на свете. Его дару рассказчика мог позавидовать любой артист...

В книге Бориса Комарова «Аркадий Гайдар», вышедшей в 1971 году в серии «Жизнь замечательных людей», есть фотография, на которой Гайдар снят вместе с Неверовым. Снимок сделан в начале двадцатых годов на родине Леонида Петровича в Перми. С юных лет увлекся он журналистикой и историей Урала, был в составе первой редакции комсомольской газеты «На смену!» (впоследствии ее перевели в Свердловск), сотрудничал вместе с Гайдаром в пермской газете «Звезда».

Вспоминаю впоследствии о том

времени, Леонид Петрович говорил журналисту Анатолию Пудвалю:

— Да, Гайдар пришелся в «Звезде» «ко двору» сразу же. Его принял, признал и читатель; разворачивая газету, люди искали прежде всего материал с лаконичной подписью: «Гайдар». Просто — Гайдар, без инициалов. Сродни триумфу был успех повести «Жизнь ни во что». На каком-то обсуждении читатели даже потребовали — понимаете? — потребовали, чтобы повесть печаталась без перерывов, и редакции пришлось при планировании каждого номера выделять место для очередного гайдаровского «куска».

И все-таки Аркадий Петрович неизменно возвращался к фельетону... Вернувшись с фронта и увидев, что классовых врагов еще хватает и в тылу, что нэп выманил из глубоких нор рваческую, торгашескую свору всех этих «бывших», решивших, что вернулись их времена, он понял, что рукопашный бой, сабельная атака не окончены. И ринулся в наступление. Поскольку же фельетон из всех газетных жанров обладал наибольшей и почти мгновенной взрывчатостью, то он и стал гайдаровским штыком и клинком, гайдаровской бомбой.

...Самые насыщенные творческие периоды жизни Леонида Петровича Неверова связаны со Свердловском, где он прожил более тридцати лет. Газета «Уральский рабочий», областной краеведческий музей, местное книжное издательство... Если взять сборники по истории Свердловска, которые издавались в пятидесятые годы, то редкий из них выходил без его статей, без его редактирования, участия.

Дома у Леонида Петровича имелась собранная им с большой любовью и глубокими знаниями прекрасная краеведческая библиотека. Вел он и специальные записи различных исторических фактов. Записи эти Леонид Петрович охотно всем показывал и щедро разрешал ими пользоваться; из них можно было узнать, как, например, пермский губернатор запретил на Урале туризм, как в 1921—1922 годах в Екатеринбургском горкомхозе создавались специальные летучие бригады парикмахеров «в целях поднятия культуры». Там в изобилии были факты, посвященные историческим памятникам и памятным местам нашего края, его замечательным людям. Леонид Петрович блестяще знал историю многих свердловских домов.

В книжном издательстве Неверов возглавил редакцию краеведческой литературы. К сорокалетию освобождения Урала от белогвардейцев и интервентов он подготовил к изданию книгу П. П. Бажова «Бойцы первого призыва», ставшую к тому времени библиографической редкостью. По его просьбе Ф. И. Голиков, бывший боец-пулеметчик крестьянского полка Красных орлов на Урале, а к тому времени — начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, написал предисловие к книге.

В 1953 году вышла книга самого Леонида Петровича «Исторические памятники и памятные места Свердловска». В ней впервые рассказано и о таких местах, историческое значение которых мало кому было известно.

«Уральский следопыт» стал «его» журналом — ведь он предназначался для юных краеведов, туристов, любителей истории, географии, путешествий, героики, романтики. С первого номера Неверов — член редколлегии. И в первом же номере опубликован его рассказ «Черный камень» о том, как паренек Глебка помог геологам найти залежи каменного угля.

В конце 1959 года Леонид Петрович окончательно связал свою судьбу с «Уральским следопытом», занял пост заместителя главного редактора журнала и был несся-

каемым «кладезем» идей, замыслов, выдумок, которые он всегда осуществлял.

А его устные рассказы в редакции?..

Постарайся воспроизвести один по памяти:

«Вы, конечно, Сурина Леонида Михайловича знаете? Патриарха уральских фотокорреспондентов, как его называют. Сейчас он уже в редакциях газет не работает, а когда был помоложе, то известность имел по всему Свердловску, да и в других уральских городах его знали.

Отпустил себе фоторепортер рыжую бороду. И хвалился: рыжая борода, дескать, мандат! И действительно, на любые собрания и заседания Сурина пропускали без мандатов и приглашающих билетов. По бороде узнавали...

Представьте: выступает докладчик, и вдруг... из-за кулис появляется тренога, на ней — огромная фотокамера, а следом — Сурин, в черной толстовке, в черных сапогах, покрытый черным покрывалом.

К слову, Сурин ужасно гневался, когда его величали фотографом.

— Я — фотокорреспондент! — заявлял он. — А фотокорреспондент от фотографа отличается так же, как художник от маляра... «Лейки» Сурин не признавал и, пока не вышел на пенсию, всюду таскал с собой мощный деревянный ящик с фотокамерой...

Достанет машинку с магнем, «поколдует» над ней и... так всех ослепит и столько дыма напустит, что никто в течение пяти-семи минут в себя прийти не может.

Но зато благодаря Сурину мы имеем теперь столько уникальных фотографий! Ведь он снимал все интересное, что бывало в те годы в Свердловске».

К сожалению, поработать в редакции «Уральского слепопыта» Леониду Петровичу Неверову пришлось недолго: неизлечимая болезнь подкралась незаметно. Перед кончиной он увидел только что вышедшую из печати свою новую книгу «Исторические памятники Свердловска и Свердловской области» (написана совместно с Д. Владимирским).

Тот, кто изучает историю Урала, Свердловска, Перми, хорошо знаком с книгами Леонида Петровича Неверова, с его очерками и статьями. Их часто используют как справочный материал для подготовки к беседам и лекциям, посвященным нашему краю.

На фото: стоит Л. П. Неверов, сидит А. П. Гайдар; Л. П. Неверов вручает Л. М. Сурину приз «Уральского слепопыта» за исторические фотографии.

Где золото роют в горах...

Эдуард Молчанов

Когда-то от строящейся Транссибирской магистрали протянулись в тайгу многочисленные щупальцы искательских троп. Они вели к золотосной речке Унде, туда, где были открыты Новотроицкие и Каменские россыпи. Завораживающие старательское ухо рассказы об открываемых богатствах были сильнее магнита.

«Сопки — в буйной заросли березового мелкокося, пиповника и боярки. Крутая «крестовина» испятнана желтыми отвалами старых, давно заброшенных шахт», — так писал об этих местах, где располагались старые поселения Восточной, или Нерчинской, Даурии Константин Седых, автор известного романа «Даурия».

О рудных щедротах Даурии еще в первой половине XVII века сообщали в Енисейск, Якутск, а потом и в Москву русские землепроходцы Василий Данилович Полярков и Ерофей Павлович Хабаров. После освоения земель по рекам

Нерче и Шилке, основания в 1653 году Нерчинского острога и учреждения воеводства казакам предписывалось «проведывать и сыскивать золотые да серебряные руды и иные каменья».

Известно, что из нерчинского серебра чеканились первые в России петровские рубли. Выплавленный на заводах Нерчинского горного округа металл отправляли в Петербург. Там, в столичной лаборатории, из него выделяли так называемое «домашнее золото». Из серебра же готовили сплав для монет.

На окраине безбрежных просторов России или, как пелось в песне, «во сибирской Украине, во даурской стороне» были добыты тысячи пудов золота, нажиты миллионы. В Нерчинске находилась резиденция золотопромышленника Бутина. В его распоряжение направляло правительство переселенцев, преступников и политических ссыльных.

Золотосная долина превращалась в бурлящий котел. Хозяин подсчитывал барыши за летний сезон, откладывал на постройку дворца в Нерчинске и устраивал прощальную гулянку для старателей. Но также снаряжал научные и торговые экспедиции в Монголию, Китай, Японию.

Новая история одного из старейших в стране золотодобывающих районов началась в 1929 году. Тогда комбинат «Балейзолото» дал стране первое рудное золото. Поселок рудознатцев унаследовал имя Балейской горы. Через несколько лет он стал городом.

По преданию, местность получила название от имени одинокого, немощного старика, сосланного за участие в восстании Емельяна Пугачева. Изгнанник жил тем, что открывал ворота изгороди перед казачьей станицей Новотроицкой и подбирал в дорожной пыли брошенные путниками медяки.

Мог ли знать бездомный старик Балей, что таят недра той земли, на которой он доживал свои дни?

Золотые ворота Балей в подлинном смысле слова открылись с приходом народной власти. Металл, который давали стране забайкальцы, шел для нужд строительства Магнитки, Волгоградского и Челябинского тракторных гигантов...

На первых порах новоселы золотодобывающего комбината ютились в саманных общежитиях. Неподалеку от площадки, где располагались общежития барачного типа, на свежем срубе будущего строения можно было прочесть: «Товарищи! Вы строите для своих детей первую школу в нашем поселке». Плакат призывал: «Если в вашей бригаде есть рабочий без жилья, помогите ему в свободное время поставить дом!».

Теперь в белокаменном городе десятки школ, горный техникум, педагогическое и медицинское училища, музыкальная школа, прибрежный парк отдыха. А на другом берегу Унды продолжает расти новый жилой район имени Героя Советского Союза Ивана Отмахова, отдавшего жизнь на поле боя с фашизмом.

Панорама промышленного Балея — это плавучие золотоизвлекательные фабрики, изменившие древнее русло Унды, карьер, где мог бы разместиться средних размеров аэродром, белые надшахтные строения и корпуса обогащательной фабрики, с транспортных лент которой сходит золотой концентрат.

Здесь действует интереснейшая в Восточной Сибири золотодобывающая шахта № 12. Нижние горизонты ее приближаются к полукилометровой отметке.

Одной из лучших бригад проходчиков подземных горизонтов, где каждый метр дается с бою, руководит Павел Дмитриевич Распопов, ветеран войны и труда.

...Со своей частью прошел он по Маньчжурии, освобождая ее от японских захватчиков. А после победы, вернувшись домой, поступил на шахту. «Горняцкий характер» — так говорят о нем, подразумеваемая при этом и решительность, и отзывчивость, и трудолюбие, и смекалка. Он прошел все ступени горняцкой науки: работал откатчиком, взрывником, бурил, крепил, скреперовал. Опыт сказалося — стал первоклассным горняком, руководителем передового коллектива. В бригаде его еще трое Распоповых. Все они родные братья.

Если все подземные выработки, пройденные балейскими проходчиками, соединить в одну, то тоннель протянулся бы на сотни километров.

...Один из районов горняцкого города носит название Золотая горка. Вечерами цепочки огня взбегают по склонам к вершине сопки. Над шахматными досками в Доме культуры горняков склоняются участники турнира на первенство рудоуправления. В холлах общепития молодых специалистов слышны удары бильярдных шаров, аккорды гитары; в окнах комнат — блики голубых экранов. Кто-то отдыхает, другие готовятся к ночной смене. В основном все это молодой, неунывающий народ.

На Золотой горке едва ли не каждый школьник знает слова: рудное поле, проходка, горизонт такого-то метра. В эти термины горняки и геологи вкладывают вполне определенные понятия. Но если вдуматься, в каждом звучит и нечто большее. Как летчики без неба, как матросы без палубы, не

могут жить рудознатцы без своих горизонтов, которые ведут к новым рудным полям.

...По крутой, прилепившейся к сопке дороге движется самоходка — мощный автотягач с буровой установкой. Копер буровой виляет на поворотах, покачивается на перевалах. Там, в пади между сопок, куда следует самоходка, нет еще ни домов, ни палаток. Обычный рейс геологического поиска, глубинного зондирования недр. Тут, на окраине страны, острее чувствуется и думается о территориальной мощи нашего государства, его безбрежных просторах, о неизбежности и величии края, открытого для России землепроходцами.

Наш земляк Евламий Косвинцев

Раиса
АНДАЕВА,
Наталья
СКОМОРОХОВА

Жизнь музея — это, в первую очередь, его собрание, его коллекции. Но имена тех, кто собирает и сохраняет произведения искусства, не всегда широко известны, потому что, как правило, это люди скромные и бескорыстные. А между тем, делая экспонат государственным достоянием, они порой возрождают целые страницы истории культуры, и в этом их великая заслуга.

Наш земляк Евламий Николаевич Косвинцев (1877—1930) — коллекционер, журналист, краевед, художник — передал в дар Пермской художественной галерее прекрасное собрание лубка, которое включает 100 народных картинок XIX века. Им подарены гравюры русских художников XVIII—XIX веков, уникальные рисунки М. Ю. Лермонтова, В. В. Переплетчикова,

А. А. Радакова, В. Н. Дени, а также коллекция плаката, в которой работы Д. С. Моора, В. Н. Дени, В. В. Маяковского.

Коллекции, переданные Косвинцевым, не лежат в запасниках, у них активная жизнь. Его собрание лубка неоднократно экспонировалось на выставках. Новосибирский театр оперы и балета, поставив в 1966 году оперу Т. Хренникова «Этот безродный зять», обратился к Пермской художественной галерее с просьбой устроить у них выставку русской народной картинки. Экспозиция лубка, развернутая в фойе театра, как бы подготавливала зрителей к встрече со спектаклем.

В 1975 году в Пермской галерее состоялась выставка «Гравюра и книга XVIII века в России», организованная совместно с Пермским областным краеведческим музеем. Многие ее экспонаты были из собрания Косвинцева. Это гравюры известных мастеров XVIII века — И. Зубова, А. Артемьева, П. Балабина, А. Осипова, портреты П. Рычкова, В. Татищева, а также виды городов Туринска и Верхотурья.

Ряд рисунков, подаренных Косвинцевым, привлек внимание не только пермских искусствоведов. Уникален подписной рисунок М. Ю. Лермонтова «Сцены из Ставропольской жизни, 18 мая 1837». Лермонтов запечатлел на листе своих друзей, с которыми встречался во время путешествий. Рисунок этот представляет значительный интерес, так как устанавливает точную дату пребывания Лермонтова в Ставрополе весной 1837 года. Кроме того, на нем даны портретные зарисовки. В результате тщательных поисков лермонтовцами были опознаны все три персонажа: барон Г. В. Розен, генерал, под начальством которого служил Лермонтов в первую ссылку свою на Кавказе, П. И. Петров, дальний родственник Лермонтова, и Бенкендорф, гвардейский офицер, кавалергард, однокашник Лермонтова по юнкерской школе.

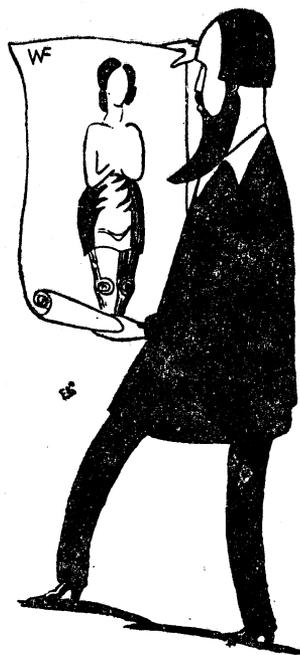
Вообще каждый экспонат, переданный Косвинцевым, по-своему достаточно интересен: и «Портрет Ермака», гравированный по рисунку К. П. Брюллова, и плакаты «Окно РОСТА» В. В. Маяковского, и «Атлас к путевым запискам» Давыдова с великолепными литографиями первой половины XIX века, и дружеские шаржи известного художника второй половины XIX века А. И. Лебедева, и многое, многое другое.

Нам удалось разыскать и прочитать некоторые статьи Е. Н. Косвинцева, написанные горячо, заинтересованно и профессионально. Хотя Косвинцев, родившийся в семье портного, имел только начальное образование — церковно-

приходскую школу, интересы и таланты его были поистине многогранны. Всерьез увлекшись археологией, он в одиночку, а не в составе экспедиции, искал и находил предметы, по значимости своей нередко близкие к открытиям. Коллекционирование его не было любительским, — он посылал свои находки в Пермь, в Архивную комиссию. Обнаружив в Кунгуре сасанидский сосуд, отправил его в Эрмитаж и получил благодарность Археологической комиссии. Обязательную статью «К истории Кунгурской археологии» Косвинцев написал в 1926 году, когда уже работал в редакции «Правды». Она была откликом на отчет научного сотрудника Академии наук А. В. Шмидта об археологических изысканиях в пределах бывшей Пермской губернии. Этот факт позволяет говорить не только о том, что Косвинцев на протяжении всей своей жизни не пропускал материалов, касающихся истории его края, но и об умении оценить ту высоту, на которую в 20-е годы было поставлено дело в археологической науке.

На протяжении 30 лет журналистской деятельности Косвинцев сотрудничал более чем в 20 газетах. Темы его статей — самые разнообразные. Он писал о новых исторических документах по истории Кунгурского края и о Ермаковом городище, о Монашеском бунте на Новом Афоне, о лесе и его значении в сельском хозяйстве и т. д. И где бы он ни жил — в Кунгуре, Владимире, Пскове, Сумах, Вильнюсе, Казани, Москве, — везде был причастен к демократической печати, всегда старался приобщиться к злободневным проблемам своего времени. Косвинцев не только следил за литературой о родном крае, но и сам много для нее сделал. Все, что касалось историко-литературной жизни Пермского края, он непременно собирал.

Коллекция рисунков и карикатур самого Е. Н. Косвинцева в собрании Пермской художественной галереи объединена темой выборов в III Государственную думу. Они были напечатаны в журнале «Искра» в 1907 году. Автор безжалостно высмеивает партии октябристов, кадетов и эсдеков. Изображая одну и ту же доску объявлений, он показывает бесконечную смену лозунгов, не предлагавших радикальных изменений. Карикатуры эти органично вошли в современное исследование о политической графике первой русской революции 1905—1907 годов, где не только дана справка о Косвинцеве-художнике, но и воспроизведены некоторые карикатуры. Известно, что его первый сатирический рисунок напечатан в московском юмористическом журнале «Развлечение»

В. А. БУРГЕСКИЙ

Дружеские шаржи.

Меткость характеристик, свобода рисунка, портретное сходство, умение создать текст и сделать его органичным на листе — вот, пожалуй, главное, что отличает Косвинцева-художника.

в 1902 году, а за 1905—1907 гг. он создал более 150 политических карикатур.

Среди работ пермского собрания есть ряд дружеских шаржей, исполненных Косвинцевым. Большинство шаржей — на деятелей культуры, среди которых он жил и работал. Это была его среда, люди яркие и талантливые. В 1905 году создан дружеский шарж на Василия Ивановича Немировича-Данченко, брата известного режиссера, который в 1875 году путешествовал по Каме, Косье, Чусовой и другим местам Пермского края.

Косвинцев нередко сам сочинял стихотворные тексты к своим шаржам, подписываясь одним из многочисленных псевдонимов: Пимен Уральский, Б. Годунов, В. Григорьев, Е. Двинский, Демид, Е. Калитин, Кимров, Кунг, Ре, Е. Чудский...

Несколько дружеских шаржей Е. Н. Косвинцева посвящены художнику В. А. Фаворскому, который к тому времени уже проиллюстрировал А. С. Пушкина и А. Франса, был известен как автор мозаик и станковых произведений, много работал в миниатюрной графике, а в 20-е годы был ректором ВХУТЕМАСа, где читал курс теории композиции. Один из дружеских шаржей на него можно назвать портретом: Косвинцев как бы укрупнил персонаж, приблизил его к нам и подчеркнул в Фаворском истинно русского мастерового, крепкого, сильного и мудрого человека. Меткость характеристик, свобода рисунка, портретное сходство, умение создать текст и сделать его органичным на листе — вот, пожалуй, главное, что отличает Косвинцева-художника.

Об Е. Н. Косвинцеве можно было бы рассказать еще много интересного — о других его рисунках и коллекциях, о книгах, которые он подарил Пермской галерее, о его статьях и стихах. «Отец заслуживает внимания во многих отношениях, — писал его сын Борис Косвинцев. — В нем не может не привлекать неустанное стремление к знаниям самого широкого профиля. Его одаренность — литературная и художественная, любовь к старине в самых разнообразных проявлениях говорят о том, что, не скончавшись так рано, он мог бы сделать еще многое для родного края».

Погода 250 лет назад

Николай
ПОДГАЙСКИЙ

Фото
А. Лаптева

Метеорологическую летопись Урала открыл четверть тысячелетия тому назад в Екатеринбурге (нынешнем Свердловске) маркшейдер Андрей Татищев. Записи первых инструментальных наблюдений сделаны витиеватым почерком того времени: «Репортъ обсервацияхъ метеорологическихъ учиненныхъ здесь въ Екатеринъ Бурхе Генваря с 15 числа 1734 года». Они теперь хранятся в гидрометеорологическом музее Урала.

Что же записал первый уральский метеоролог? Читаем: «Генваря 15,8 пш., барометръ 2723, термометръ 160, ветры 4, погода пасмурно». Это означает, что 15 января в 8 часов пополудни (утра) атмосферное давление было 737 миллиметров, температура воздуха — около 7 градусов ниже нуля, дул сильный, западный ветер.

Постоянные метеорологические наблюдения, начатые 1 января 1836 года в Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерватории, с тех пор не прерывались.

В 1978 году по инициативе одного из старейшин уральской гидрометеорологической службы — Ф. М. Силина началась организация гидрометеорологического музея в Свердловске. Он с помощью ветеранов службы собрал около 2700 экспонатов, и пополнение музея продолжается. К сожалению, маленькое помещение позволяет экспонировать собранное далеко не полностью. Это — второй такого рода музей в стране после Метеорологического музея Главной геофизической обсерватории в Ленинграде. Переступив его порог, посетитель попадает в мир науки, изучающей процессы в атмосфере, в водах рек и озер, а также степень загрязненности окружающей среды. Здесь собраны приборы для измерения температуры воздуха, воды, почвы — от жидкостного термометра, изготовленного в Лондоне в начале XVIII века, до современного электротермометра для измерения температуры и влажности воздуха в любых условиях.

Интересен барометр прошлого века, изготовленный мастером Швейкким, со шкалой в английских дюймах. Есть здесь и современные приборы с миллибаровой шкалой. Мы видим в музее приборы разных времен для изучения режима рек, озер — от старинной рейки до современных вертушек, измеряющих скорости течения воды.

Серия приборов «разведчиков» погоды в верхних слоях атмосферы — и первый, взлетевший три четверти века назад над Уралом, метеорограф, изготовленный в Фрейбурге, и фотография радиолокатора, автоматически регистрирующего сигналы и сопровождающего радиозонд до высоты 30—40 километров.

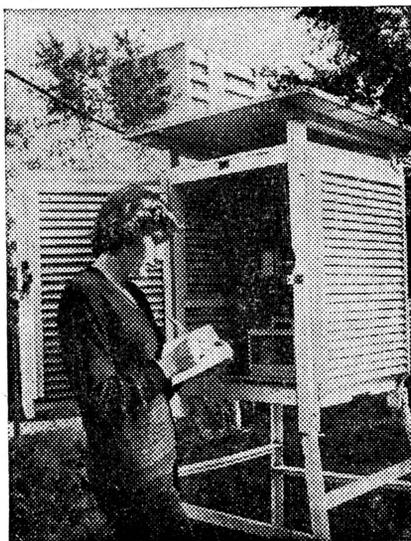
Самые «юные» — приборы для анализа проб воздуха и определения химического состава воды.

Здесь слышно мерное тикание старинных настенных часов с 20-килограммовым маятником. Они были единственным хранителем времени в Екатеринбурге прошлого века, когда в городе не существовало ни телеграфа, ни телефона, ни радио. Тут хранятся синоптические карты со времен первых прогнозов погоды в России, различные справочники, исторические очерки, фотографии, воспоминания ветеранов.

О том, как уральская гидрометеорологическая служба обеспечивает нужды народного хозяйства, рассказано в иллюстрированных альбомах.

При музее действует учебно-экскурсионная метеорологическая площадка, где можно наблюдать работу синоптиков. Как говорят — лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

Грандиозными памятными книгами человечества назвал музей А. В. Луначарский. «Памятная книга» уральской гидрометеорологической службы вышла в свет и доступна для всех желающих.

Обсерватория Екатеринбургская
Обсерватория Екатеринбургская
Обсерватория Екатеринбургская

дн.к.	в.ч.	барометр	термометр	ветер	погода
15	8 пш.	2723	160	4	пасмурно
16	12 пш.	2716	165	3	пасмурно
17	8 пш.	2713	165	2	погода светлая, туман, метель, облака, ветер
18	8 пш.	2713	165	4	погода светлая, туман, метель, облака, ветер
19	8 пш.	2708	168	4	ветер юго-западный, туман
20	8 пш.	2705	163	2	пасмурно
21	8 пш.	2697	161	2	ветер юго-западный, туман, метель, облака, ветер
22	8 пш.	2705	158	2	ветер юго-западный, туман, метель, облака, ветер
23	8 пш.	2715	157	2	ветер юго-западный, туман, метель, облака, ветер
24	8 пш.	2715	156	0	пасмурно
25	8 пш.	2703	157	4	ветер юго-западный, туман, метель, облака, ветер
26	8 пш.	2693	157	4	ветер юго-западный, туман, метель, облака, ветер
27	8 пш.	2693	157	4	ветер юго-западный, туман, метель, облака, ветер
28	8 пш.	2693	157	4	ветер юго-западный, туман, метель, облака, ветер
29	8 пш.	2693	157	4	ветер юго-западный, туман, метель, облака, ветер
30	8 пш.	2693	157	4	ветер юго-западный, туман, метель, облака, ветер

Сделано из фибры

**Алексей
ПЕВЦОВ**

На автобусной остановке ожидает пассажиров комфортабельный ЛАЗ. Рабочие, живущие в Михайловске, заполняют его, и, покачиваясь, автобус уходит по мосту на ту сторону реки. Он везет очередную смену на бумажную фабрику. Там, где речка Куба впадает в Михайловский пруд, и сейчас еще можно увидеть высокую дамбу, сооруженную из горного плитняка. Она поросла мхом, а посередине зияет провал, на дне которого лежат черные толстые листовницы. Это остатки старой плотины, по ним, перекатываясь, журчит вода. Плотина когда-то образовывала Анастасьевский пруд с лещами, хариусами, окунями. Сейчас от него осталась большая лужа, затянута осокой и ольховником. Ниже бывшей плотины, словно белые памятники, стоят остатки стен. Здесь, в устье Кубы, была первая на Урале писчебумажная фабрика.

Почему-то принято считать, что первая бумажная фабрика на Урале — Сибирская, построенная в 1877 году. Но на самом деле родоначальницей всех уральских бумагоделательных предприятий была эта фабрика, построенная на речке Кубе английским предпринимателем И. Е. Ятесом в 1870 году. Оборудование было завезено из-за границы, и к английской машине встали русские рабочие: Зубковы, Пильниковы, Щербачевы, Савельевы... Они работали рольщиками, сеточниками, слесарями, мастерами. Настойчиво учились михайловцы делать бумагу, осваивали неизвестную технику. И бумага вскоре вышла на рынок с высоким качеством. На Всероссийской выставке 1882 года она была удостоена медали.

В 1919 году хозяин фабрики Захаров отступил с колчаковцами, захватив с собой все технические сукна и уникальную металлическую сетку. Несмотря на это, рабочие решили восстановить фабрику. В стране в это время было очень плохо с бумагой, писать приходилось на обрывках газет, картона, на бересте. Похищенные фабрикантом сетка и сукна вскоре были найдены партизанами и вернулись на фабрику. Михайловцы начали производство бумаги: в основном

тогда выпускалась только оберточная и курительная.

В предвоенном 1940 году здесь уже изготовляли оберточную, афишную, посудную, машинописную бумагу, а в 1941-м — пергамент и светонепроницаемую бумагу.

Вскоре после войны началась большая реконструкция. На двести метров протянулось кирпичное здание нового фибрового цеха. В нем на бетонный фундамент встал агрегат непрерывного производства фибры длиной 166 метров — уникальная машина в стране, сконструированная группой инженеров ленинградского завода «Вторая пятилетка». 29 марта 1966 года, когда в Москве начал работать XXIII съезд КПСС, фибровая машина выдала первую продукцию.

Производство фибры довольно сложно. Бумажная масса, прежде чем превратиться в этот прочный и эластичный лист, проходит в машине путь почти в три километра. Фибру широко используют в электро-, радио- и абразивной промышленности, применяют как электро-, теплоизоляционный и прокладочный материал, как заменитель кожи. Она не растворяется в керосине, бензине, спирте, ацетоне. Изделия из фибры подвергаются тиснению, прессованию и лакировке. Спрос на продукцию непрерывно растет.

Сказы на экране

**Борис
ЗЕЛИЧЕНКО**

Летом 1943 года была создана Свердловская киностудия. Первым фильмом ее стала «Сильва». Многие тогда задавали вопросы: «Почему уральская художественная кинематография начинается с оперетты?», «Почему не с «Медной горы Хозяйки»? «Почему не с «Малахитовой шкатулки»?»

Создавая студию, кинематографисты думали о П. П. Бажове, о его светлых творениях, но снимать в кино его сказы не так-то просто. Режиссеры, операторы, художники хорошо понимали, что фильмы по бажовским книгам должны быть обязательно цветными, а тогда на Урале таких фильмов делать не могли.

В сентябре 1945 года в газете «Уральский рабочий» сообщалось, что на киностудии снимается фильм «Уральский сказ», в котором говорится о преемственности традиций замечательных мастеров-оружейников. Анонсировался и фильм «Сказ о Еремке», автором сценария которого должен был быть сам П. П. Бажов, а режиссером — И. Петров-Бытов. Уже были подобраны актеры к фильму братьев Я. и Н. Дукор «Крылатые кони», в окрестностях Свердловска проведены первые съемки картины, создававшейся по сказу Бажова «Иванко-Крылатко». Но все эти фильмы по разным причинам были законсервированы. И лишь только с 1953 года, когда Свердловская киностудия после некоторого перерыва снова стала выпускать художественные и мультипликационные фильмы, уральские мастера обратились к произведениям своего земляка, прежде всего к «Малахитовой шкатулке», о которой в свое время хорошо сказал Демьян Бедный: «Богатство содержания сказов, многообразие и красота образов поразительны. Сколько тут великоленной добычи для мастеров резца и кисти, для драмы, оперы и балета, а про кино и говорить не осталось».

Один за другим появляются культовые фильмы, снятые по мотивам бажовских сказов. Все они были заказаны Центральным телевидением, неоднократно появлялись на голубых экранах, собирая огромную аудиторию. Это фильмы: «Синюшкин колодец», «Медной горы Хозяйка», «Малахитовая шкатулка», «Подаренка», «Золотой волос».

В мае 1961 года в Москве прошел фестиваль детских фильмов, посвященный дню рождения пионерской организации имени В. И. Ленина. В столичных кинотеатрах, дворцах культуры и клубах с успехом шла картина «Тайна зеленого бора», созданная по мотивам бажовских сказов режиссером О. П. Николаевским.

К 100-летию со дня рождения уральского сказочника был снят документальный фильм «Павел Петрович Бажов». Фильм-воспоминание. Это рассказ о Бажове — партизанине, подпольщике, участнике гражданской войны, журналисте, руководителе писательской организации.

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

Известно, что вулканы — своеобразная визитная карточка Камчатки. Именно они придают далекому полуострову особое очарование. Но каждого, кто приезжает сюда, поражает еще и вид мощных ледяных панцирей, которые на большой высоте, в трогательном соседстве с кратерами, отсвечивают на солнце, словно жемчуг.

Со школьной скамьи каждый помнит, что здесь действует крупнейший в Евразии вулкан Ключевской, склоны которого насчитывают более 80 кратеров. Но немногим, очевидно, известно, что тут же, рядом с огнедышащей стихией, нашли приют ледники, в том числе и крупнейшие на Камчатке — Эрмана и Богдановича. Такую же картину можно наблюдать и в «окрестностях» другого, тоже своеобразного вулкана — Плоского Толбачика, знаменитого тем, что в его кальдере в течение сотен лет постоянно фонтанирует... кипящий камень. И надо же такому случиться, что именно здесь вокруг kloчущей магмы поселился ледник, площадь которого равна семи квадратным километрам!

Туристов привлекает и один из редчайших вулканов на планете — Авачинский. Когда-то его конус

был еще выше, но взорвался при гигантском извержении. Образовалась огромная впадина, в которой и вырос современный конус. От старого осталась лишь кромка, которая видна с вертолета на большом расстоянии. Пространство между конусами «двойного» вулкана также заняли ледники.

— Разумеется, вулканы мирно уживаются с ледниками не всегда, — рассказывает заведующий лабораторией Института вулканологии ДВНЦ АН СССР К. Рудич. — Случаются стычки, да еще какие! Осенью 1974 года произошло побочное извержение на склоне Ключевской сопки, в истоке ледника Богдановича. В образовавшейся трещине протяженностью 400—500 метров возникло несколько кратеров. В одном из них собралось лавовое озеро, откуда со скоростью 100—120 метров в минуту ринулся вниз раскаленный поток, пропиливший во льду ущелье глубиной до 50 метров. Результатом могучего натиска огненной лавины стали мощные взрывы.

В чем же секрет соседства действующих вулканов и ледников? Ларчик на самом деле открывается очень просто. Чем выше мы поднимаемся от отметки уровня моря, тем становится холоднее. При извержении вулканов конусы их растут и, наконец, достигают той высоты, где осадки выпадают в виде снега. Он-то постепенно и превращается в лед.

Сейчас на Камчатке насчитывается 414 ледников, общая площадь которых равна 875 квадратным километрам. Толщина некоторых из них превышает 150 метров!

А. КЛИМЕНКО

АВТОМОБИЛЬ-БОЕЦ

В ГОРОДЕ ЧЕРНУШКЕ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ ПОЯВИЛСЯ НЕОБЫЧНЫЙ ПАМЯТНИК — НА ПОСТАМЕНТ ВОЗНЕСЛАСЬ ПОЛУТОРКА. НА НЕМ НАДПИСЬ: «ВОИНАМ-ВОДИТЕЛЯМ, АВТОМОБИЛЮ-БОЙЦУ».

КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА, КОЛХОЗНИК Н. Е. ГОРОЖЕНИНОВ УЕХАЛ НА НЕЙ ИЗ ДЕРЕВНИ ТАНЫПКИЕ КЛЮЧИ ЧЕРНУШИНСКОГО РАЙОНА НА ФРОНТ. ВОЕВАЛ НА НЕЙ ПОД МОСКВОЙ, ОСВОБОЖДАЛ ОТ ФАШИСТОВ МНОГИЕ СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ, БРАЛ БЕРЛИН. А ПОСЛЕ ВОЙНЫ ВЕРНУЛ ПОЛУТОРКУ КОЛХОЗУ, ЧЕСТНО ИСПОЛНИВ ДОЛГ РУССКОГО СОЛДАТА.

НИКОЛАЙ ЕФИМОВИЧ РАБОТАЛ ЗАТЕМ НА РАЗНЫХ НОВЫХ МАШИНАХ, НО О СВОЕЙ ВЕРНОЙ ПОДРУГЕ-ПОЛУТОРКЕ ВСЕГДА ПОМНИЛ. ВЫЙДЯ НА ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ, РАЗЫСКАЛ ЕЕ. СТОЯЛА ОНА У ЗАБОРА, ЗАБРОШЕННАЯ, НИКОМУ НЕ НУЖНАЯ. ОТРЕМОНТИРОВАЛ ЕЕ, ПОДКРАСИЛ. И СНОВА МАШИНА В СТРОЮ, НА ПОДХВАТЕ В КОЛХОЗЕ.

ПОТОМ ПОЛУТОРКУ Н. Е. ГОРОЖЕНИНОВА УСТАНОВИЛИ НА ПОСТАМЕНТ, ОНА СТАЛА ПАМЯТНИКОМ.

НА СНИМКЕ: НА ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА ВЫСТУПАЕТ Н. Е. ГОРОЖЕНИНОВ.

И. ГУРИН

Фото А. Бурцева

МОРСКИЕ ЦЫГАНЕ

В Тихом океане, в море Сулу, расположенном между Филиппинами и островом Калимантан, живут темнокожие бадья, которых называют морскими цыганами.

Бадья переезжают с места на место, с одной отмели на другую, ныряют глубоко под воду и ищут на дне отелей жемчужниц.

50 тысяч человек занимаются на Филиппинах жемчужным промыслом. Акул они не боятся — морские цыгане знают, как с ними обращаться.

В ближайшем будущем у морских цыган появится конкурент: правительство Филиппин приступило к созданию морских ферм, где будут выращиваться жемчужницы. В Японии подобные фермы существуют уже десятки лет. А на Филиппинах только недавно поняли, что природные условия для выращивания жемчужниц у них значительно лучше, чем в Японии: в холодное время года жемчужницы погружаются в зимнюю спячку, а на Филиппинах всегда лето.

Д. ЯКОВЛЕВ

ГЕРОИ ПЕСЕН

Василий Васильевич Гусев жил в Ленинграде. Когда началась война, ему было семнадцать лет. Он учился в ФЗУ, стал токарем знаменитого Путиловского завода. Потом был месячный путь в Челябинск. Здесь в знаменитом Танкограде он стал известен на всю страну как бригадир фронтовой бригады.

Тогда-то композитор Никита Богословский и поэт Борис Ласкин написали песню «Василий Васильевич».

Там есть такие слова:

За горы за Уральские
Молва о нем идет,
А он себе работает
И бровью не ведет.

Во всем Урале токаря,
Пожалуй, лучше нет.
Привет, Василь

Васильевич,

Примите наш привет.

Героем песни стал и оренбуржец В. М. Агарков. В конце тридцатых годов он служил на Дальнем Востоке. Когда начались бои у озера Хасан, танковый экипаж Василия Агаркова подал рапорт: «Просим послать нас, комсомольцев, на поле сражения». Рапорт был зачитан с трибуны XVIII съезда партии. Поэт Борис Ласкин и композиторы братья Покрасс сочинили песню о трех танкистах. Впервые она прозвучала в кинофильме «Трактористы», а затем ее запела вся страна.

В 1974 году к В. Агаркову в Оренбург приехали гости — Н. Житенев с Дальнего Востока и С. Румянцев из Москвы: после многолетней разлуки встретился весь «экипаж машины боевой».

Б. СОСЕДОВ

ЕСЛИ ПЧЕЛЫ РАССЕРДЯТСЯ...

Необычная автомобильная катастрофа произошла в пригороде Претории. В результате столкновения двух грузовиков водители оказались в роли заложников... у пчел. На одном из автомобилей были установлены 150 пчелиных ульев. От сильного удара они развалились, и девятимиллионный рой рассерженных пчел, вырвавшись на свободу, яростно атаковал во-

дителей, полицейский наряд и работников «Скорой помощи», прибывших к месту происшествия. В результате пчелиной атаки один человек погиб, еще один был госпитализирован в критическом состоянии.

...Футбольный матч в провинциальном городке Бразилии подходил к концу. Возбужденные болельщики, внимание которых было приковано к полю, не обратили внимание на небольшое облако. Оно приблизилось к стадиону... и мириады пчел бросились на людей. От укусов пчел пострадало около 200 человек. Один из них умер, некоторые в тяжелом состоянии попали в больницу. А вот случаи пчелиных нашествий на суда.

Теплоход «Верейя» принял в Канаде большую партию баланса для Италии. Среди бревен уютно устроилась семья канадских пчел. Во время перехода крылатые попутчики вели себя спокойно и ничем не обнаруживали своего присутствия. Но вот «Верейя» пришла в Специю. Итальянские докеры приступили к разгрузке бревен и потревожили крылатую семью. В воздухе послышалось грозное «з-з-з-з». Пчелы дружно атаковали грузчиков и заставили их отступить с борта теплохода. Докеры отказались продолжать выгрузку, пока не будет укрощен жалящий десант. Пришлось пустить в ход пожарные брандспойты. Разгрузка древесины продолжилась.

Во время погрузки судно «Краснодон» подверглось неожиданному нападению пчел. Огромный рой прилетел с берега и густо облепил стрелу судового крана. Пчелы нападали на каждого, кто появлялся на палубе. Грузчики перестали работать. Тогда матросы сильной струей воды из шланга согнали пчел с крана. Весь рой перелетел на антенну локатора. Пришлось включить локатор. Много пчел погибло. Остальные улетели. Работы возобновились.

Нашествие пчел произошло, когда теплоход «Коммунист» находился в малазийском порту Пинанг. Шла выгрузка. Вечерело, стояла изнурительная жара.

Вдруг судно окутало облако пчел, которые вскоре опустились в трюмы. Грузчики тут же с воплями бросились из грузовых помещений. Дело в том, что дикие пчелы Малайзии очень коварны. По рассказам местных жителей, стоит одной пчеле ужалить человека, как остальные набрасываются на него всемогущим. Экипаж быстро закрыл жилые помещения. Тем временем пчелиный рой начал стекать в пятый трюм. Через час стемнело. Успокоившись, пчелы остались ночевать на судне. Рой принял форму огромной дыни. Тогда рабочие обрызгали дыню водой и только после этого продолжили выгрузку. На следующий день судно вышло в рейс, имея на борту необычный живой груз. Представители местной таможни с улыбкой говорили, что впервые судно уходит из порта, не оформив документы на товар. А экипажу было не до шуток. Морьякам немало пришлось потрудиться, прежде чем судно избавилось от непрошенных пассажиров.

...Безоблачное небо и легкий утренний бриз сулили семерым пассажирам парусной яхты приятное путешествие вдоль побережья Венесуэлы. Когда земля уже казалась узкой лентой, кто-то из пассажиров заметил огромную тучу, стремительно надвигающуюся со стороны берега на яхту. «Все вокруг вдруг приобрело коричневый оттенок,— вспоминает участница злосчастной прогулки.— Мы с ужасом поняли, что на нас напали полчища пчел. Они облепили снасти, паруса, палубу...» Путешественники забили в узкую рубку судна и отчаянно сражались с агрессивными насекомыми, проникавшими в помещение сквозь малейшие щели и отверстия. Когда силы оборонявшихся стали иссякать, а пол в рубке был покрыт «ковром» из убитых пчел, пассажирам пришла счастливая мысль — они открыли огнетушитель и погрузились в спасительную пену...

Д. ЭЙДЕЛЬМАН

МИР ЕЩЕ НЕ ВЕСЬ ОТКРЫТ

● Вокруг Веги (эта звезда в два раза больше, в шестьдесят раз ярче и примерно вчетверо моложе Солнца) вращаются неизвестные твердые тела. Это обнаружено сотрудниками центра слежения за спутниками в Чилтоне (Англия). Предполагают: Вега, расположенная от нас на расстоянии 26 световых лет, находится сейчас в стадии, когда около нее образуется планетная система.

● Обычные стекло и кварц из-за своей относительно малой прозрачности мало пригодны в современной оптике, лазерной технике. Украинские ученые сумели получить монокристалл особой чистоты, весящий более двухсот килограммов. Ничего подобного прежде создавать не удавалось. Зародышем служила пластинка размером не более спичечного коробка. Процесс, управляемый автоматами, продолжался всего десять суток.

● Образцы пород с ископаемыми организмами, добытые палеонтологами в штате Нью-Йорк (США) несколько лет назад, стали доказательством того, что уже в девонском периоде существовали чисто сухопутные животные. У найденных в образцах древних клопов есть примитивные легкие и даже трахеи. Около четырехсот миллионов лет назад место, где добыты образцы, было частью континента, располагавшегося в районе экватора.

● В ледяном покрове Антарктиды на глубине 10 метров найдены частицы пыли с высоким содержанием иридия (редкого для Земли, но обычного для метеоритов элемента). Возраст частиц соответствует времени, прошедшему с момента Тунгусской катастрофы (июнь 1908 года). Высказывается мысль о том, что над тайгой мгновенно превратился в пыль небесный гость диаметром 7 миллионов тонн. Именно эта пыль попала на лед Антарктиды.

В НОМЕРЕ

Д. Лившиц	1	Ода барабанщику
	2	При свете дня, под блеском звезд.
Стихи.
О. Николаев	4	Будем делать чудеса!
Ю. Шумайлов	8	Легенда об известных
Э. Гришин.	26	Педагогика коллективной увлеченности
	31	Следопытский телеграф
	32	Получила паспорт... гора
В. Крапивин	33	Праздник лета в Старогорске. Повесть. Начало
	64	Мой друг фантастика. Калейдоскоп
Л. Чумичев	66	Стоянка — пятнадцать минут
	68	Грани памяти
С. Захаров	72	Из плеяды следопытов
Э. Молчанов	73	Где золото роют в горах...
Р. Андаева,
Н. Скоморохова	74	Наш земляк Евлампий Косвинцев
Н. Подгайский	76	Погода 250 лет назад
А. Певцов	77	Сделано из фибры
Б. Зеличенко	77	Сказы на экране
	78	Мир на ладони

Макет номера и рис. на 1-й стр. обложки выполнены
З. БАЖЕНОВОЙ

Редакция

Ю. БОРИСИХИН
заведующий отделом публицистики
В. БУГРОВ
редактор отдела научной фантастики
Л. БУДРИНА
технический редактор
М. БУРАНГУЛОВА
корректор
Л. ГОНЧАРОВА
секретарь-машинистка
А. КОНОНОВА
заведующая редакцией и отделом писем
Ю. ЛИПАТНИКОВ
заведующий отделом науки и техники
Е. ПИНАЕВ
художественный редактор
Н. ШИРОКОВА
редактор отдела следопытской жизни

Адрес редакции:
620219, Свердловск, ГСП-353 ул. 8 Марта, 8

Телефоны:

51-22-40 (секретариат)
51-55-56 (отдел писем, публицистики, науки и техники)
51-09-71 (отделы прозы и поэзии, научной фантастики)
51-53-20 (отделы краеведения, следопытской жизни)

Рукописи не возвращаются. Сдано в набор 30.09.83. НС 11200.
Подписано к печати 24.11.83. Формат бумаги 84×109^{1/16}.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать. Усл. печатных листов 8,82.
Усл. кр.-отт. 10,08. Учетно-издательских листов 10,5.
Тираж 287 000. Заказ 529. Цена 40 коп.
Типография издательства «Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

Железный портрет Ермака

В СВЕРДЛОВСКОМ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОМ МУЗЕЕ ЭКСПОНИРУЕТСЯ УНИКАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЕРМАКА, НАПИСАННЫЙ МАСЛОМ НА МЕТАЛЛИЧЕСКОМ ЛИСТЕ. ПОИСТИНЕ ОБРАЗ МУЖЕСТВЕННОГО ПОКОРИТЕЛЯ СИБИРИ СООТВЕТСТВУЕТ МАТЕРИАЛУ, НА КОТОРОМ ОН ВОССОЗДАН. ЕРМАК БЫЛ В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ТО ЕСТЬ ОДЕТЫЙ ЖЕЛЕЗОМ. СЛЕДУЯ РИСУНКАМ СИБИРСКОЙ ЛЕТОПИСИ (ПО СПИСКУ РЕМЕЗОВА), ХУДОЖНИКИ ОБЫЧНО РЕКОНСТРУИРУЮТ ОБЛИК ПРОСЛАВЛЕННОГО ЗЕМЛЕПРОХОДЦА В ПОЛНОМ РУССКОМ ВООРУЖЕНИИ — В ДЛИННОЙ КОЛЬЧУГЕ, ПОДАРЕННОЙ ЕМУ ИВАНОМ ГРОЗНЫМ, С УВЕСИСТОЙ БЛЯХОЙ НА ГРУДИ, В ОСТРОВЕРХОМ ШЛЕМЕ, С БОЛЬШИМ МЕЧОМ В НОЖНАХ. И ЛИК ЕРМАКА ПРЕДСТАВЛЯЛСЯ ПОТОМКАМ СУРОВЫМ. ТАК, О НЕМ БЫЛО СКАЗАНО В «ХРАМЕ СЛАВЫ РОССИЙСКИХ ИЕРОЕВ» В 1803 ГОДУ: «МУЖЕСТВЕННОЕ ЛИЦО ЕГО БЫЛО ЗЕРКАЛОМ ЗАТЕЙЛИВОГО ДУХА, ХИТРЫХ ЗАМЫСЛОВ, ХРАБРОЙ РЕШИМОСТИ; ВООБЩЕ ЗРАК ЕГО ЯВЛЯЛ В НЕМ МУЖА СИЛЬНОГО, ГОТОВОГО ПРЕЗИРАТЬ СТУЖУ И ЗНОЙ, ГЛАД И НУЖДУ, ДОЛГОВРЕМЕННЫЙ ТРУД И ВСЯКОЕ БЕЗПОКОЙСТВО».

ОДНАКО НА ЖЕЛЕЗНОМ ПОРТРЕТЕ, ХРАНЯЩЕМСЯ В СВЕРДЛОВСКЕ, ЕРМАК ПО ДУХУ СОВЕРШЕННО ИНОЙ! НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР НАПИСАЛ ПЕРВОПРОХОДЦА СИБИРИ В 1753 ГОДУ. ЭТО ПРОИЗОШЛО В СТОЛЬНОМ ГРАДЕ СИБИРИ, В ТОБОЛЬСКЕ. В КОНЦЕ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА ИСТОРИК СЛОВЦОВ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАЛ, ЧТО ОН ВИДЕЛ В ДОМЕ ГУБЕРНАТОРА ЕРМАКОВСКИЙ ПОРТРЕТ. ВОЗМОЖНО, ОН КАК РАЗ И ВИДЕЛ ПОРТРЕТ, О КОЕМ ИДЕТ РЕЧЬ. ОДИН УРАЛЬСКИЙ КРАЕВЕД ВЫДВИНУЛ ГИПОТЕЗУ: ПИСАЛ ЕРМАКА НА ЖЕЛЕЗЕ НЕ РОССИЯНИН, А ПЛЕННЫЙ ШВЕД (В ТО ВРЕМЯ ШВЕДЫ БЫЛИ ПРИСЛАНЫ В ТОБОЛЬСК). ДОКАЗАТЕЛЬСТВА? НА ГОЛОВЕ ЕРМАКА МЯГКИЙ, ЯВНО ЕВРОПЕЙСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР.

И ВООБЩЕ НЕТ НИЧЕГО ВОИНСТВЕННОГО В ИЗОБРАЖЕННОМ АТАМАНЕ. ВЗГЛЯД — ЗАДУМЧИВЫЙ. ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ — ПОКОЙ. СКОРЕЕ, ЭТО — МЫСЛИТЕЛЬ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ, СЛОВОМ, ЧЕЛОВЕК ДУХОВНЫЙ.

ПОРТРЕТ-ЛЕГЕНДА... АВТОР ЕГО, ПОХОЖЕ, НЕ ПЫТАЛСЯ ВОСПРОИЗВЕСТИ В ТОЧНОСТИ ВСЕ ПОДРОБНОСТИ ВНЕШНОСТИ ЕРМАКА, СОХРАНИВШИЕСЯ В ПАМЯТИ ЛЮДЕЙ СРЕДИНЫ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА. НЕКАНОНИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НАРОДНОГО ГЕРОЯ ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА ЭТИМ И ИНТЕРЕСЕН. ОН ВЫЗЫВАЕТ ДУШЕВНЫЙ ОТКЛИК, МЫСЛИ...

Снимки А. Лысякова
Стр. 4-ю стр. обложки

МУЗЕЙ НА ДОМУ

Более четверти века Альберт Валявин, электрик Миасского напильного завода, увлечен любимым занятием. Его квартира напоминает выставочный зал: в углу комнаты стоит красивый редкий буфет, полки в шкафу и стол заполнены деревянными вазами, шкатулками, скульптурными композициями.

«Лепит» скульптор из липы — податливого, нежного материала. Вот портрет Льва Толстого, иллюстрации к приключенческим произведениям Вальтера Скотта и Майн Рида. Охотней всего Альберт Евгеньевич работает над юмористическими и сказочными сюжетами. Его работы есть в Миасском городском краеведческом музее.

На снимках: А. Е. Валявин и его работы.

С. БЕЛКОВСКИЙ

Фото автора

Сколько весит зерно

ЧЕМ БОЛЬШЕ ВЛАГИ В ЗЕРНЕ, ТЕМ ОНО ТЯЖЕЛЕЕ И ТЕМ, ЕСТЕСТВЕННО, ЕГО МЕНЬШЕ. НЕТОЧНОСТЬ ИЗМЕРИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ, ОСОБЕННО КОГДА КАСАЕТСЯ БОЛЬШИХ ПАРТИЙ ЗЕРНА И ЗЕРНОПРОДУКТОВ, — ЭТО ПОТЕРЯ ТЫСЯЧ И СОТЕН ТЫСЯЧ ТОНН ХЛЕБА.

СДЕЛАТЬ ПРИБОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ТЫСЯЧНЫЕ ДОЛИ ПРОЦЕНТА ВЛАЖНОСТИ, ОКАЗАЛОСЬ ОЧЕНЬ НЕПРОСТО ДАЖЕ СПЕЦИАЛИСТАМ СВЕРДЛОВСКОГО ФИЛИАЛА ВСЕСОЮЗНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА МЕТРОЛОГИИ ИМЕНИ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА.

УРАЛЬСКИЕ МЕТРОЛОГИ ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ РАБОТЫ ИЗГОТОВИЛИ УСТАНОВКУ ВЫСШЕЙ ТОЧНОСТИ (УВТ-В), ПРЕДНАЗНАЧЕННУЮ ДЛЯ ПРОВЕРКИ ОБРАЗЦОВЫХ СРЕДСТВ ИЗМЕРЕНИЙ ВЛАЖНОСТИ ЗЕРНА И ПРОДУКТОВ ЕГО ПЕРЕРАБОТКИ.

ОБРАЗЦОВЫЕ СРЕДСТВА — ОЧЕНЬ ТОЧНЫЕ ПРИБОРЫ, КАК БЫ КОНТРОЛИРУЮЩИЕ МЕНЕЕ СОВЕРШЕННЫЕ ВЛАГОМЕРЫ, ВПЛОТЬ ДО ТЕХ, ЧТО УПОТРЕБЛЯЮТСЯ, К ПРИМЕРУ, НА ХЛЕБОПРИЕМНЫХ ПУНКТАХ. ТАК, ПО «ЦЕПОЧКЕ», ИМЕНУЕМОЙ ПОВЕРОЧНОЙ СХЕМОЙ, НАИВЫСШАЯ ТОЧНОСТЬ ПЕРЕДАЕТСЯ РАБОЧИМ СРЕДСТВАМ ИЗМЕРЕНИЯ.

ПРИМЕНЕНИЕ НОВОЙ УСТАНОВКИ И ОБЕСПЕЧИТ ЕДИНСТВО И ДОСТОВЕРНОСТЬ ИЗМЕРЕНИЙ ВЛАЖНОСТИ ЗЕРНА НЕ ТОЛЬКО НА ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОМ, НО И НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ, В ЧАСТНОСТИ ПРИ ОБОЮДНЫХ ПОСТАВКАХ СТРАН — ЧЛЕНОВ СЭВ.

Ю. РЯЗАНОВ

80000 ПАССАЖИРОВ

В гигантский скотный двор переоборудован крупный (80 тысяч тонн) танкер «Аль Асрах», служивший до сих пор для перевозки нефти из Персидского залива в Европу. Теперь он будет перевозить из Европы в Кувейт скот. С этой целью на судне построен 12-палубный хлев размерами 95×20×35 метров, в котором можно поместить до 82 тысяч животных — коров и овец.

В первый рейс судно вышло с 300 коровами и 78 600 овец. Такого количества «пассажиров» не было еще ни на одном судне мира.

